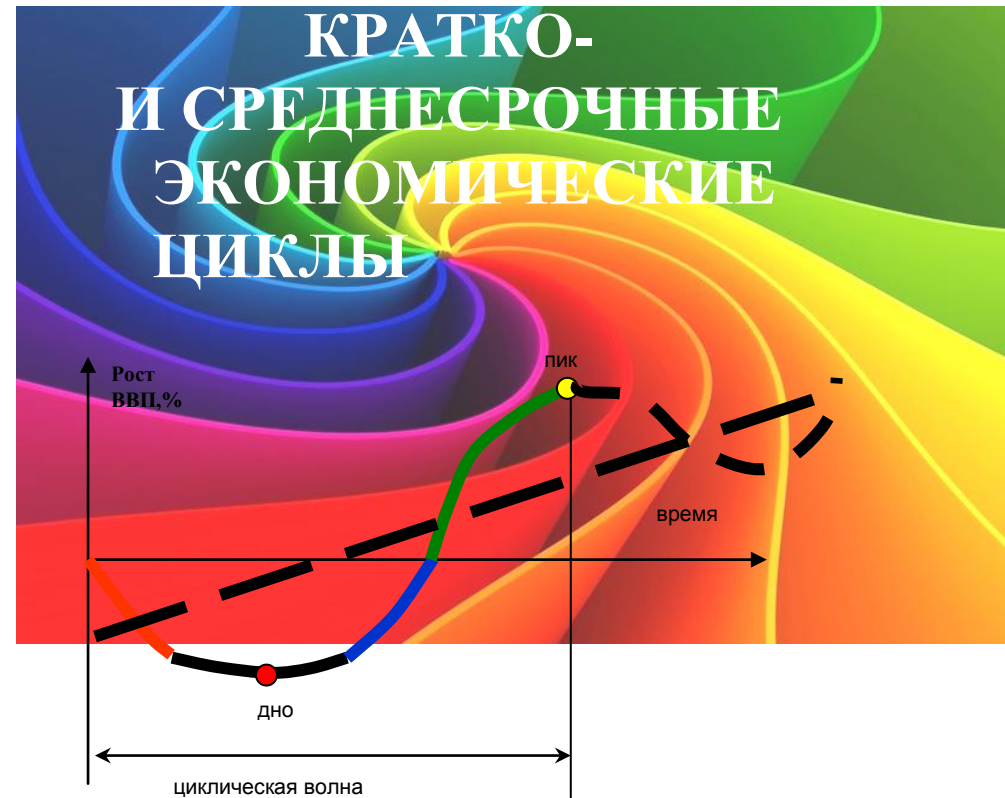

Зенькова Л.П.

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ЭКОНОМИКИ:

КРАТКО- И СРЕДНЕСРОЧНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ

Минск 2015

УДК 330.33/.34

ББК 65.013

3-56

Рецензенты: А.А. Быков, зав.кафедрой экономики и управления ВШУБ УО «Белорусский государственный экономический университет», доктор экономических наук, профессор; Б.В. Сорвиров, зав.кафедрой мировой экономики и экономической теории УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»; доктор экономических наук, профессор.

Рекомендовано Научно-методическим Советом УО «Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации»
Протокол № 5 от 09.06.2015 г.

Трансформационные экономики: кратко- и среднесрочные экономические циклы: монография / Автор: *Л.П. Зенькова*. – Минск: *ИВЦ Минфина*, 2015 — 236 с.

ISBN 978-985-7133-33-8

УДК 330.33/.34

ББК 65.013

Настоящая монография представляет собой третью часть исследований особенностей протекания экономических циклов в трансформационных экономиках, и в Беларуси - в частности, с учетом современных достижений в области статистики и эконометрики. Рекомендовано магистрантам, аспирантам и практическим работникам в сфере прогнозирования макродинамики.

ISBN 978-985-7133-33-8

© Зенькова Л.П., 2015

© Оформление

УП «ИВЦ Минфина», 2015

ПЕРЕЧЕНЬ УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

ARIMA – математическая модель, основанная на авторегрессии с распределенным лагом, с использованием проинтегрированной скользящей средней (*Auto regression Integration Moving Average*);

CU – социальные трансферты, а также субсидии из госбюджета;

G – объем государственных расходов;

H – индекс Херфиндаля;

I – объем инвестиций в основной капитал;

M – объем импорта;

N_x – среднегеометрическая степень открытости;

PDL – полиномиальная авторегрессия с распределенным лагом;

R² – коэффициент детерминации;

RRR – реальная ставка рефинансирования;

T – объем налоговых сборов;

T_p – доля налоговых сборов от ВВП, %;

T_{pr} – доля прямых налогов от ВВП;

X – объем экспорта;

АКФ – автокорреляционная функция;

ВВП (Y) – валовой внутренний продукт;

ВНП – валовой национальный продукт;

ИПЦ (CPI) – индекс потребительских цен;

ИЦ ИПМ – Исследовательский центр Института приватизации и менеджмента;

ИЦПП – индекс цен на продукты питания;

ИЦППП – индекс цен производителей промышленной продукции;

МА-модель – эконометрическая модель класса «мультипликатор»-«акселератор»;

МНК – метод наименьших квадратов;

H_0 – нулевая гипотеза о существовании единичного корня;

НБЭИ – Национальное Бюро экономических исследований (США);

НИОКР – научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы;

ППП – пакет прикладных программ;

СОДЕРЖАНИЕ:

Перечень условных обозначений.....	5
Введение.....	6
1 Трансформационные экономики: выбор объектов исследования циклических макропроцессов.....	11
2. Теория и методология экономических циклов: авторская позиция.....	37
2.1 Потребности и их взаимодействие с ресурсами как источник формирования экономических циклов.....	45
2.2 Факторы, деформирующие циклические волны.....	63
3. Лидирующие индикаторы экономических циклов в развитых странах и трансформационных экономиках: сравнительный анализ.....	155
4 Кризис 2008–2009 гг.: итоги	184
4.1 Взгляды экономистов на механизм формирования.....	185
4.2 Кризис 2008–2009 гг. : сравнительный обзор антициклической политики в трансформационных экономиках.....	197
Заключение.....	216

ВВЕДЕНИЕ

Циклы разной продолжительности (включая кратко- среднесрочные) в экономических и социальных явлениях взаимосвязаны и взаимообусловлены. Они оказывают влияние как на макро-, так и на микроуровни национальной экономики (занятость, объемы экспорта и импорта, конкурентные позиции страны, динамику уровня благосостояния, размеры прибыли и инвестиционную активность фирм). Поэтому за рубежом созданы специальные НИИ, комитеты, институты по изучению циклов. В частности, в 1927 году Людвиг фон Мизес и Фридрих фон Хайек одними из первых основали в Вене Австрийский институт исследования экономического цикла, директором которого долгие годы был Хайек.

На формирование, развитие и последствия экономических циклов оказывает непосредственно воздействие государство, что придает их изучению особую значимость. Разным аспектам этой проблемы посвящены работы Д. Джоргенсена, Ф. Кюдланда и Э. Прескотта, Р. Литтермана, У. Митчелла, Дж. Мура, Дж. Симса, С. Ребело, М. Фридмена, Э. Хансена.

Изучение циклической макродинамики и ее механизма особенно актуально для стран с экономикой, проходящей трансформацию от административно-командной к рыночной. Особенности экономических циклов в трансформационных экономиках занимают ученые Н.Г. Барашов (институционально-

социологический подход к теории циклов), Е.С. Бобин (государственное регулирование среднесрочной цикличности), А.В. Дабагян (изучение долгосрочных социально-политических волновых процессов), М.В. Ильин (регулирование среднесрочных циклов в Российской Федерации), Ю.М. Осипов (циклы в современных системах), А.В. Никитов (связь среднесрочных циклов с рыночными реформами), А.В. Селезнев (взаимосвязь среднесрочных циклов и инвестиционной стратегии), В.М. Симчера (долгосрочные институциональные циклы), А.В. Фомина (циклы Кондратьева).

Средне- и долгосрочные экономические циклы в национальной экономике Республики Беларусь исследовали И.М. Абрамов (циклы в советской экономике), А.В. Марков (инновационные циклы), Л.Н. Давыденко и Э.М. Калинин (длинные циклические волны, инновации и циклы), М.М. Новиков (методология статистического моделирования и анализа деловых циклов), К.В. Рудый (фазы цикла финансовой сферы). Эти работы содержат анализ форм проявления и механизма взаимодействия средне- и долгосрочных циклов. Однако изучение взаимодействия краткосрочных циклов институциональной природы и среднесрочных циклов в них отсутствует.

В период трансформации административно-командных экономик в рыночные весьма актуальны проблемы формирования так называемых поворотных зон кратко- и среднесрочных циклов (под воздействием разных факторов), которые объективно обуславливают выбор антициклических рычагов государства, а

следовательно, обеспечивают устойчивость национальной экономики.

Особенностью трансформационных экономик являются активные институциональные преобразования, которые в значительной мере обуславливают динамику развития среднесрочных циклов. Эти вопросы исследовали зарубежные экономисты А. Абель, А.И. Агеев, М. Болдрин, Дж. Голдстейн, А. Кальза, Г.Х. Константи́дес,

Г. Менш, В.М. Симчера, Дж. Фанелли. Ими оценивается роль формальных институтов или в динамике средне- и долгосрочных циклов, протекающих в зрелых экономических системах, или в динамике среднесрочных циклов, протекающих в трансформационных экономиках. Что касается краткосрочных и сверхкоротких циклов в целом, а также влияния *неформальных* институтов на динамику среднесрочных циклов, то эти вопросы остаются вне поля зрения экономической науки.

По мере развития системы рыночных отношений в трансформационных экономиках все более проявляется свойство цикличности. Опасность тяжких последствий кризисов как неизбежной фазы циклов в такой экономике объективно обуславливает необходимость разработки комплекса мер по антициклическому регулированию, а также прогнозирования финансовых потоков в зависимости от развития и смены фаз кратко- и среднесрочных циклов. В связи с этим актуальной становится проблема выявления возможности синхронизации сверхкоротких, кратко- и среднесрочных циклов, влияния на них формальных и нефор-

мальных институтов. Все изложенное определило выбор темы данной монографии.

Специфика проблемы определила как методологию исследования в целом, так и структуру использованных источников в частности, в число которых включены работы, раскрывающие механизм среднесрочных циклов за XIX–XXI вв.

Данная монография является продолжением исследований, изложенных автором в предыдущих двух книгах (см. Зенькова Л. П. Циклы: теоретическое наследие и реалии трансформационной экономики Беларуси. ISSN 591010–008–4. – М. : Интеграция, 2006. – 304 с.; Зенькова, Л.П. Цикличность в трансформационной экономике Беларуси: институциональный аспект. Монография / Л.П. Зенькова. ISSN 978-958-6921-22-6. —Минск : Изд-во «ИВЦ Минфина», 2009. — 350 с. с прил.), а также исследований в рамках совместного российско-белорусского проекта БРФФИ-РГНФ «Нелинейные методы прогнозирования экономической динамики России и Беларуси» ГО5Р-007 № госрегистрации 20052126 от 18.07.2005. Особое внимание уделено поиску первичной причины происхождения циклических волн. Для подтверждения своей точки зрения проанализированы 20-летние ежемесячные статистические базы более ста макропоказателей трансформационных экономик Беларуси, Болгарии, России и Украины. Для обработки статистического материала применялись ППП *Eviews 7* (*Tramo/Seats* и *PDL*), *STATISTICA 7*.

1 Трансформационные экономики: выбор объектов исследования циклических макропроцессов

Прежде, чем изложить в данной монографии результаты исследований экономических циклов, следует определиться со следующими моментами:

1. Какие экономики относить к трансформационным?
2. О каком именно цикле (кратко-, средне-, долгосрочном или о всех сразу) вести речь?
3. Какой показатель (или группа показателей) избраны критерием экономического цикла, его поворотных точек (зон) и лидирующих индикаторов (leading indicators)?

Автор относит свои взгляды к сторонникам плюралистических концепций экономических циклов, ограничивает предмет исследования только кратко- и среднесрочными циклами и выделяет единственный показатель оценки фаз экономического цикла – объем ВВП, точнее, относительные изменения в его динамике. Методологическая позиция автора более тяготеет к монетарному кейнсианству с элементами институционализма. Во-первых, автор считает цены в трансформационных экономиках относительно негибкими, с четким проявлением эффекта «храповика», по крайней мере, на данной стадии трансформации. Во-вторых, активная роль государства в рыночных преобразованиях априори определяет масштабность государственного регулирования экономики, примене-

ния фискальных инструментов. В-третьих, автор не отрицает значительное влияние денежной массы на совокупный спрос, что также подтверждают сторонники монетарного кейнсианства [54, с. 26–27]. В-четвертых, автор считает исходной причиной циклов – совершенствование потребностей, а в рыночной экономике – совершенствование структуры совокупного спроса, отводит последнему роль ведущей экономической силы в развитии экономической системы.

В настоящее время понятие «трансформационные» экономики, активно муссировавшееся в экономической литературе 90-х гг. XX в., вдруг стало не «модным», появились новые понятия «транзитивные» экономики, экономики «с расширяющимися рынками» (по определению МВФ). Однако следует отметить, что так называемые «транзитивные» экономики (от слова «транзит») – особенные экономические системы, быстро прошедшие определенные стадии развития (например, Китай), а к странам с «расширяющимися рынками» относят также экономики стран Африки и Латинской Америки, в то время как экономики Польши, Чехии, Эстонии, Латвии, Украины, России, Болгарии, да и Республики Беларусь, имеют достаточно высокий промышленный потенциал, диверсифицированное производство, и сводить в одну классификационную группу такие страны – все равно, что приравнивать добывающую и перерабатывающую промышленность между собой.

Транзитивная экономика – особая экономика, она имеет заранее заданную целевую форму трансформа-

ции и предполагает перескок (транзит) через какие-то стадии эволюции. В отличие от нее, *трансформационная* экономика имеет многовариантность и неопределенность будущего [58, с. 397].

Трансформационная экономика – межсистемное образование. В ней сосуществуют элементы старой системы и новой, отсутствует единый хозяйственный механизм. Трансформация экономической системы из командно-административной в рыночную имеет специфические черты: интенсивные по сравнению со зрелым состоянием системы институциональные преобразования и особая, ведущая роль государства в проведении рыночных реформ, появление и функционирование особых переходных экономических форм; особый характер противоречий в переходной экономике (противоречия не функционирования, а развития, противоречия различных субъектов и слоев общества).

Трансформация системы предполагает процесс постепенного подрыва, отрицания социально-экономических отношений прежней системы и зарождения в ее недрах новых отношений, соединяющихся с первыми внутри старой системы в *неустойчивое противоречивое единство*. Такой подрыв прежней системы связан, во-первых, с необходимостью обеспечить прогресс производительных сил. Во-вторых, идет закономерный процесс усложнения производственных отношений. Изменяется социальная и институциональная структура общества, складываются новые классы и прослойки, например, технократия. Изменяется политическая система, появляются другие компенсаторные

механизмы, защищающие систему от внешних дестабилизирующих воздействий.

Целостные, развитые системы (развитый рынок, например), элементы которой тесно взаимосвязаны и качественно совместимы друг с другом, обеспечивают *высокую степень устойчивости к экзогенным* факторам. В трансформационных экономиках с не сложившимся хозяйственным механизмом – наоборот. Такая экономика по сравнению со сформировавшейся экономической системой испытывает массивное первоочередное воздействие внешней конкурентной среды, так как долгое время была ориентирована в основном либо на внутренний рынок, либо на рынок стран СЭВ. Внешняя среда является более технологичной, поэтому развитие таких стран носит «догоняющий» характер.

В трансформационную экономику проникают импортные товары и услуги, создавая эффект внешнего «шока предложения». Степень воздействия этого шока на экономическую систему зависит от конкретной ситуации в данной трансформирующейся системе (уровня открытости национальной экономики, обеспеченности ресурсами и зависимости этих ресурсов, в том числе и финансовых, от внешнего рынка, уровня материально-технической базы производства, объемы интеллектуального капитала).

В наихудшем положении оказывается экономика, практически не имеющая своей природно-ресурсной базы, как, например, Республика Беларусь. Здесь объективно «обеспечен» рост цен за счет внешнего монопольного поставщика природных ресурсов и полуфаб-

рикатов, лицензий и патентованных технологий. Тем более, что мировой рынок НИОКР более чем на 80 % контролируется транснациональными корпорациями. Противопоставить отечественным производителям что либо на равноценной конкурентной основе такому поставщику трудно. В связи с этим трансформационные экономические системы особенно подвержены «импорту» мировых экономических кризисов, внешним шокам.

Рост институциональной степени открытости создает массированное внешнее воздействие на внутренний рынок системы. Отечественные производства, не выдержав конкуренции с импортерами, резко сокращают объемы выпуска, что влечет (в режиме долгосрочного мультипликатора) сокращение доходов работников, а следовательно, сокращение совокупного спроса.

По мере адаптации системы к внешним импульсам циклические колебания начинают приобретать затухающие амплитуды. Скорость адаптации системы напрямую зависит от избранного типа трансформации системы из плановой в рыночную и от успешности проводимых институциональных реформ.

На сегодняшний день в экономической литературе обозначилось обобщение опыта трансформации из плановой экономики в рыночную в виде двух основных путей – градуализм (эволюционный путь) и «шоковая терапия» (революционный путь). Они обусловлены в значительной степени институциональными матрицами, сформировавшимися еще до начала перехода к рынку [45].

В связи с вышеизложенным автор данной монографии счел необходимым выявить наиболее представительные экономики, матрицы которых комплексно воплощают черты различных группировок 28 трансформационных экономических систем и могут служить объектом исследований *типичных* процессов, сопровождающих фазы экономических циклов.

Исходными критериями для выбора стран–объектов исследований экономических циклов послужили:

- 1) путь трансформации (градуализм или «шоковая терапия»);
- 2) режим валютного курса (валютная политика);
- 3) индекс экономической свободы;
- 4) индекс рыночных реформ (итоги либерализации и приватизации);
- 5) обеспеченность природными ресурсами;
- 6) уровень индустриализации экономики (удельный вес промышленности в валовой добавленной стоимости, %) (таблицы 1.1 – 1.4).

Согласно этим критериям выявлены следующие группы стран (таблица 1.4).

Таблица 1.1 – Оценка итогов либерализации и приватизации (МВФ)

Показатели	Контроль над внутр. пря- мыми инве- стициями	Interest rate liberalisation (либерализация процентой ставки)	Exchange rate regime (режим обменного курса)	Wage Regulation (регулирова- ние зарплаты)	Tradability of land (спо- собность продажи земли)
1	2	3	4	5	6
Albania	no	full	floating	no	limited de facto
Armenia	no	full	floating	no	full except foreigners
Azerbaijan	no	full	managed float	no	limited de jure
Belarus	yes	limited de facto	managed float	yes	limited de jure
Bosnia and Herzegovina	yes	full	currency board pegged to euro	no	limited de jure

Продолжение таблицы 1.1

1	2	3	4	5	6
Bulgaria	no	full	currency board	yes	full within EU
Estonia	no	full	currency board in ERM II	no	full except foreigners
FYR Macedonia	yes	full	de facto fixed to euro	no	limited de jure
Georgia	no	full	managed float	no	unlimited
Hungary	no	full	floating	no	full except foreigners
Kazakhstan	yes	full	pegged to US dollar	no	full except foreigners
Kyrgyz Republic	no	full	managed float	no	full except foreigners
Latvia	no	full	fixed peg in ERM II	no	full except foreigners

Продолжение таблицы 1.1

1	2	3	4	5	6
Lithuania	no	full	currency board in ERM II	no	full
Moldova	no	full	managed float	no	full except foreigners
Mongolia	no	full	managed float	no	limited de facto
Poland	no	full	floating	no	full except foreigners
Romania	no	full	managed float	yes	full within EU
Russia	yes	full	managed float	no	limited de facto
Serbia	no	full	managed float	no	limited de jure
Slovak Republic	no	full	eurozon - floating	no	full except non-EU foreigners

Окончание таблицы 1.1

1	2	3	4	5	6
Slovenia	no	full	euro floating	yes	full except non-EU foreigners
Tajikistan	no	full	managed float	no	limited de facto
Turkmenistan	no	limited de jure	fixed	yes	limited de jure
Ukraine	no	full	managed float	no	limited de facto
Uzbekistan	yes	limited de jure	crawling peg	yes	limited de jure

Примечание – Источник: Сайт Исследовательского центра Института приватизации и менеджмента: исследования, прогнозы, мониторинг.. – [Электронный ресурс] – Минск, 2015. – Режим доступа : <http://research.by/pdf/>. —Дата доступа: 24.02.2015.

Таблица 1.2 – Ход реформ по либерализации в трансформационных экономиках за период 1990–2012 гг.

Ход приватизации и либерализации		1990	1995	2000	2005	2008	2009	2012
1	2	3	4	5	6	7	8	9
ALBANIA	Большая приватизация	1,0	2,0	2,7	3,0	3,3	3,7	3,7
	Малая приватизация	1,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0
	Управление и реструктуризация фирм	1,0	2,0	2,0	2,0	2,3	2,3	2,3
	Либерализация цен	1,0	3,7	4,3	4,3	4,3	4,3	4,3
	Торговля и Forex-система	1,0	4,0	4,3	4,3	4,3	4,3	4,3
	Политика конкуренции	1,0	1,0	1,7	2,0	2,0	2,0	2,3
ARMENIA	Большая приватизация	1,0	2,0	3,0	3,7	3,7	3,7	3,7
	Малая приватизация	1,0	2,7	3,3	4,0	4,0	4,0	4,0
	Управление и реструктуризация фирм	1,0	2,0	2,0	2,3	2,3	2,3	2,3
	Либерализация цен	1,0	3,7	4,3	4,3	4,3	4,3	4,0
	Торговля и Forex-система	1,0	3,0	4,0	4,3	4,3	4,3	4,3
	Политика конкуренции	1,0	1,0	1,0	2,3	2,3	2,3	2,3
AZERBAIJAN	Большая приватизация	1,0	1,0	1,7	2,0	2,0	2,0	2,0
	Малая приватизация	1,0	1,0	3,3	3,7	3,7	3,7	3,7
	Управление и реструктуризация	1,0	1,7	1,7	2,0	2,0	2,0	2,0
	Либерализация цен	1,0	3,7	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0

Продолжение таблицы 1.2

1	2	3	4	5	6	7	8	9
AZERBAIJAN	Торговля и Forex-система	1,0	2,0	3,3	4,0	4,0	4,0	4,0
	Политика конкуренции	1,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	1,7
	Большая приватизация	1,0	1,7	1,0	1,0	1,7	1,7	1,7
	Малая приватизация	1,0	2,0	2,0	2,3	2,3	2,3	2,3
BELARUS	Управление и реструктуризация фирм	1,0	1,7	1,0	1,0	1,7	1,7	1,7
	Либерализация цен	1,0	3,7	2,3	2,7	2,7	3,0	3,0
	Торговля и Forex-система	1,0	2,0	1,7	2,3	2,3	2,3	2,3
	Политика конкуренции	1,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0
BOSNIA AND HERZEGOVINA	Большая приватизация	1,0	1,0	2,0	2,7	3,0	3,0	3,0
	Малая приватизация	3,0	2,0	2,3	3,0	3,0	3,0	3,0
	Управление и реструктуризация фирм	1,0	1,0	1,7	2,0	2,0	2,0	2,0
	Либерализация цен	3,7	1,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0
	Торговля и Forex-система	2,0	1,0	3,0	3,7	4,0	4,0	4,0
	Политика конкуренции	1,0	1,0	1,0	1,0	2,0	2,0	2,3
BULGARIA	Большая приватизация	1,0	2,0	3,7	4,0	4,0	4,0	4,0
	Малая приватизация	1,0	3,0	3,7	3,7	4,0	4,0	4,0
	Управление и реструктуризация	1,0	2,0	2,3	2,7	2,7	2,7	2,7

Продолжение таблицы 1.2

1	2	3	4	5	6	7	8	9
BULGARIA	Либерализация цен	1,0	2,7	4,0	4,3	4,3	4,3	4,3
	Торговля и Forex-система	2,0	4,0	4,3	4,3	4,3	4,3	4,3
	Политика конкуренции	1,0	2,0	2,3	2,7	3,0	3,0	3,0
	Большая приватизация	1,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0
	Малая приватизация	1,0	4,0	4,3	4,3	4,3	4,3	4,3
ESTONIA	Управление и реструктуризация фирм	1,0	3,0	3,0	3,7	3,7	3,7	3,7
	Либерализация цен	2,3	4,3	4,3	4,3	4,3	4,3	4,3
	Торговля и Forex-система	1,0	4,0	4,3	4,3	4,3	4,3	4,3
	Политика конкуренции	1,0	2,0	2,7	3,3	3,7	3,7	3,7
FYR MACEDONIA	Большая приватизация	1,0	2,0	3,0	3,3	3,3	3,3	3,3
	Малая приватизация	3,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0
	Управление и реструктуризация фирм	1,0	2,0	2,3	2,3	2,7	2,7	2,7
	Либерализация цен	3,7	4,0	4,0	4,3	4,3	4,3	4,3
	Торговля и Forex-система	2,0	4,0	4,0	4,3	4,3	4,3	4,3
	Политика конкуренции	1,0	1,0	2,0	2,0	2,3	2,3	2,7

Продолжение таблицы 1.2

1	2	3	4	5	6	7	8	9
GEORGIA	Большая приватизация	1,0	2,0	3,3	3,7	4,0	4,0	4,0
	Малая приватизация	1,0	3,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0
	Управление и реструктуризация фирм	1,0	2,0	2,0	2,3	2,3	2,3	2,3
	Либерализация цен	1,0	3,7	4,3	4,3	4,3	4,3	4,3
	Торговля и Forex-система	1,0	2,0	4,3	4,3	4,3	4,3	4,3
	Политика конкуренции	1,0	1,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0
HUNGARY	Большая приватизация	2,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0
	Малая приватизация	1,0	3,7	4,3	4,3	4,3	4,3	4,3
	Управление и реструктуризация фирм	1,0	3,0	3,3	3,7	3,7	3,7	3,7
	Либерализация цен	4,0	4,3	4,3	4,3	4,3	4,3	4,3
	Торговля и Forex-система	3,0	4,3	4,3	4,3	4,3	4,3	4,3
	Политика конкуренции	1,0	3,0	3,0	3,3	3,3	3,3	3,7
KAZAKHSTAN	Большая приватизация	1,0	2,0	3,0	3,0	3,0	3,0	3,0
	Малая приватизация	1,0	3,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0
	Управление и реструктуризация фирм	1,0	1,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0
	Либерализация цен	1,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0	3,7

Продолжение таблицы 1.2

1	2	3	4	5	6	7	8	9
KAZAKHSTAN	Торговля и Forex-система	1,0	3,0	3,3	3,7	3,7	3,7	3,7
	Политика конкуренции	1,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0
KYRGYZ REPUBLIC	Большая приватизация	1,0	3,0	3,0	3,7	3,7	3,7	3,7
	Малая приватизация	1,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0
	Управление и реструктуризация фирм	1,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0
	Либерализация цен	1,0	4,3	4,3	4,3	4,3	4,3	4,3
	Торговля и Forex-система	1,0	4,0	4,3	4,3	4,3	4,3	4,3
	Политика конкуренции	1,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0
LATVIA	Большая приватизация	1,0	2,0	3,0	3,7	3,7	3,7	3,7
	Малая приватизация	1,0	4,0	4,3	4,3	4,3	4,3	4,3
	Управление и реструктуризация фирм	1,0	2,0	2,7	3,0	3,0	3,0	3,3
	Либерализация цен	1,0	4,3	4,3	4,3	4,3	4,3	4,3
	Торговля и Forex-система	1,0	4,0	4,3	4,3	4,3	4,3	4,3
	Политика конкуренции	1,0	2,0	2,3	3,0	3,0	3,3	3,7
LITHUANIA	Большая приватизация	1,0	3,0	3,0	4,0	4,0	4,0	4,0
	Малая приватизация	1,0	4,0	4,3	4,3	4,3	4,3	4,3

Продолжение таблицы 1.2

1	2	3	4	5	6	7	8	9
LITHUANIA	Управление и реструктуризация фирм	1,0	2,0	2,7	3,0	3,0	3,0	3,0
	Либерализация цен	2,3	4,0	4,0	4,3	4,3	4,3	4,3
	Торговля и Forex-система	1,0	4,0	4,0	4,3	4,3	4,3	4,3
	Политика конкуренции	1,0	2,0	2,7	3,3	3,3	3,3	3,7
MOLDOVA	Большая приватизация	1,0	3,0	3,0	3,0	3,0	3,0	3,0
	Малая приватизация	1,0	3,0	3,7	3,7	4,0	4,0	4,0
	Управление и реструктуризация фирм	1,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0
	Либерализация цен	1,0	3,7	3,7	4,0	4,0	4,0	4,0
	Торговля и Forex-система	1,0	4,0	4,0	4,3	4,3	4,3	4,3
	Политика конкуренции	1,0	2,0	2,0	2,0	2,3	2,3	2,3
MONGOLIA	Большая приватизация	1,0	1,0	2,0	3,0	3,3	3,3	3,3
	Малая приватизация	1,0	2,7	3,7	4,0	4,0	4,0	4,0
	Управление и реструктуризация фирм	1,0	1,7	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0
	Либерализация цен	1,0	3,3	4,3	4,3	4,3	4,3	4,3
	Торговля и Forex-система	1,0	2,7	4,3	4,3	4,3	4,3	4,3
	Политика конкуренции	1,0	1,7	1,7	2,0	2,3	2,3	2,7

Продолжение таблицы 1.2

1	2	3	4	5	6	7	8	9
POLAND	Большая приватизация	2,0	3,0	3,3	3,3	3,3	3,3	3,7
	Малая приватизация	3,0	4,0	4,3	4,3	4,3	4,3	4,3
	Управление и реструктуризация фирм	2,0	3,0	3,0	3,7	3,7	3,7	3,7
	Либерализация цен	3,7	4,0	4,3	4,3	4,3	4,3	4,3
	Торговля и Forex-система	3,0	4,0	4,3	4,3	4,3	4,3	4,3
	Политика конкуренции	2,0	2,7	2,7	3,3	3,3	3,3	3,7
ROMANIA	Большая приватизация	1,0	2,0	3,0	3,7	3,7	3,7	3,7
	Малая приватизация	1,0	2,7	3,7	3,7	3,7	3,7	3,7
	Управление и реструктуризация фирм	1,0	2,0	2,0	2,3	2,7	2,7	2,7
	Либерализация цен	1,0	4,0	4,3	4,3	4,3	4,3	4,3
	Торговля и Forex-система	1,0	4,0	4,3	4,3	4,3	4,3	4,3
	Политика конкуренции	1,0	1,0	2,3	2,3	2,7	2,7	3,3
RUSSIAN FEDERATION	Большая приватизация	1,0	3,0	3,3	3,0	3,0	3,0	3,0
	Малая приватизация	1,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0
	Управление и реструктуризация фирм	1,0	2,0	2,0	2,3	2,3	2,3	2,3
	Либерализация цен	1,0	3,7	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0

Продолжение таблицы 1.2

1	2	3	4	5	6	7	8	9
RUSSIAN FEDERATION	Торговля и Forex-система	1,0	3,0	2,3	3,3	3,3	3,3	4,0
	Политика конкуренции	1,0	2,0	2,3	2,3	2,3	2,3	2,7
SERBIA	Большая приватизация	1,0	1,0	1,0	2,7	2,7	2,7	2,7
	Малая приватизация	3,0	3,0	3,0	3,3	3,7	3,7	3,7
	Управление и реструктуризация фирм	1,0	1,0	1,0	2,3	2,3	2,3	2,3
	Либерализация цен	3,7	2,7	2,3	4,0	4,0	4,0	4,0
	Торговля и Forex-система	2,0	1,0	1,0	3,3	3,7	4,0	4,0
	Политика конкуренции	1,0	1,0	1,0	1,0	2,0	2,0	2,3
SLOVAK REPUBLIC	Большая приватизация	1,0	3,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0
	Малая приватизация	1,0	4,0	4,3	4,3	4,3	4,3	4,3
	Управление и реструктуризация фирм	1,0	3,0	3,0	3,7	3,7	3,7	3,7
	Либерализация цен	1,0	4,0	4,0	4,3	4,3	4,3	4,3
	Торговля и Forex-система	1,0	4,0	4,3	4,3	4,3	4,3	4,3
	Политика конкуренции	1,0	3,0	3,0	3,3	3,3	3,3	3,7
SLOVENIA	Большая приватизация	1,0	2,7	3,0	3,0	3,0	3,0	3,0
	Малая приватизация	3,0	4,0	4,3	4,3	4,3	4,3	4,3

Продолжение таблицы 1.2

1	2	3	4	5	6	7	8	9
SLOVENIA	Управление и реструктуризация фирм	1,0	2,7	2,7	3,0	3,0	3,0	3,0
	Либерализация цен	3,7	3,7	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0
	Торговля и Forex-система	2,0	4,0	4,3	4,3	4,3	4,3	4,3
	Политика конкуренции	1,0	2,0	2,7	2,7	2,7	2,7	2,7
TAJIKISTAN	Большая приватизация	1,0	2,0	2,3	2,3	2,3	2,3	2,3
	Малая приватизация	1,0	2,0	3,3	4,0	4,0	4,0	4,0
	Управление и реструктуризация фирм	1,0	1,0	1,7	1,7	1,7	2,0	2,0
	Либерализация цен	1,0	3,3	3,7	3,7	3,7	3,7	4,0
	Торговля и Forex-система	1,0	2,0	3,3	3,3	3,3	3,3	3,3
	Политика конкуренции	1,0	2,0	2,0	1,7	1,7	1,7	1,7
TURKMENISTAN	Большая приватизация	1,0	1,0	1,7	1,0	1,0	1,0	1,0
	Малая приватизация	1,0	1,7	2,0	2,0	2,3	2,3	2,3
	Управление и реструктуризация фирм	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0
	Либерализация цен	1,0	2,7	2,7	2,7	2,7	2,7	3,0
	Торговля и Forex-система	1,0	1,0	1,0	1,0	2,0	2,0	2,3
	Политика конкуренции	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0

Окончание таблицы 1.2

1	2	3	4	5	6	7	8	9
UKRAINE	Большая приватизация	1,0	2,0	2,7	3,0	3,0	3,0	3,0
	Малая приватизация	1,0	2,0	3,3	4,0	4,0	4,0	4,0
	Управление и реструктуризация фирм	1,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,3	2,3
	Либерализация цен	1,0	3,7	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0
	Торговля и Forex-система	1,0	3,0	3,0	3,7	4,3	4,0	4,0
	Политика конкуренции	1,0	2,0	2,3	2,3	2,3	2,3	2,3
UZBEKISTAN	Большая приватизация	1,0	2,7	2,7	2,7	2,7	2,7	2,7
	Малая приватизация	1,0	3,0	3,0	3,0	3,3	3,3	3,3
	Управление и реструктуризация фирм	1,0	2,0	1,7	1,7	1,7	1,7	1,7
	Либерализация цен	1,0	3,7	2,7	2,7	2,7	2,7	2,7
	Торговля и Forex-система	1,0	2,0	1,0	2,0	2,0	2,0	1,7
	Политика конкуренции	1,0	2,0	2,0	1,7	1,7	1,7	1,7

Примечание – Источник: Там же.

Таблица 1.3 – Динамика индекса EBRD для трансформационных экономик за период трансформационного спада 1990–2005 гг.

Страна:	1990	1995	2000	2005
1	2	3	4	5
ALBANIA	1,00	2,33	2,78	2,89
ARMENIA	1,00	2,11	2,70	3,11
AZERBAIJAN	1,00	1,70	2,41	2,67
BULGARIA	1,11	2,33	3,11	3,41
BOSNIA AND HERZEGOVINA	1,63	1,11	2,15	2,56
BELARUS	1,00	2,00	1,59	1,81
CZECH REPUBLIC	1,00	3,30	3,59	3,81
ESTONIA	1,18	3,15	3,63	3,78
GEORGIA	1,00	1,96	2,92	3,04
HUNGARY	1,81	3,48	3,85	3,93
KAZAKHSTAN	1,00	2,26	2,78	2,89
KYRGYZ REPUBLIC	1,00	2,70	2,78	2,93
LITHUANIA	1,15	2,85	3,26	3,59
LATVIA	1,00	2,81	3,22	3,56
MOLDOVA	1,00	2,52	2,78	2,85
FYR MACEDONIA	1,67	2,44	2,85	2,96

Окончание таблицы 1.3

1	2	3	4	5
POLAND	2,26	3,26	3,63	3,74
ROMANIA	1,00	2,41	3,04	3,22
RUSSIAN FEDERATION	1,00	2,59	2,63	2,96
SERBIA AND MONTENEGRO	1,63	1,44	1,48	2,63
SLOVAK REPUBLIC	1,00	3,11	3,33	3,67
SLOVENIA	1,74	2,93	3,30	3,37
TAJIKISTAN	1,00	1,70	2,15	2,33
TURKMENISTAN	1,00	1,26	1,37	1,30
UKRAINE	1,00	2,19	2,59	2,85
UZBEKISTAN	1,00	2,22	2,00	2,11

Таблица 1.4 – Результаты авторской классификации трансформационных экономик по ряду институциональных признаков

Путь трансформации:	Обеспеченность природными ресурсами	Режимы курсов национальных валют	Сводный индекс реформ (EBRD)	Индекс экон. свободы (HF)	Уд. вес промышленности, %
1	2	3	4	5	6
<u>Градualизм (начало 1990-х гг.)</u> Албания Беларусь Болгария Македония Хорватия Сербия Монголия Кыргызстан* Казахстан*	<u>Слабая или недостаточная</u> Беларусь Болгария Венгрия Косово Латвия Литва Молдова Кыргызстан Сербия	<u>Привязка к евро</u> Болгария* Босния и Герцеговина Латвия Литва Македония Словения Словакия Чехия	<u>Средний от 2,8 до 3,4</u> Болгария 3,0 Грузия Латвия Литва Румыния Словакия Словения Хорватия	<u>Низкий от 1,8 до 2,7</u> Армения Чехия Эстония Венгрия Латвия Литва <u>Средний от 2,8 до 3,4</u> Албания	<u>Низкий от 10 до 21</u> Армения Хорватия Эстония Грузия Кыргызстан Латвия Литва Македония Молдова

Продолжение таблицы 1.4

1	2	3	4	5	6
«Шоковая терапия» Россия* Украина Латвия Литва Чехия Эстония Словакия Польша Венгрия Грузия	Достаточная Армения Азербайджан Албания Босния и Герцеговина Грузия Казахстан Македония Монголия Румыния Таджикистан Туркменистан Узбекистан Черногория Чехия	Управляемое плавание Азербайджан Беларусь* Грузия Кыргызстан Молдова Монголия Румыния Россия Сербия Таджикистан Украина Хорватия	Низкий от 1,6 до 2,7 Албания Армения Азербайджан Беларусь 1,6 Босния и Герцеговина Казахстан Кыргызстан Молдова Россия 2,6 Таджикистан Туркменистан Украина 2,5 Сербия	Высокий от 3,5 до 4,5 Беларусь 4,3 Босния и Герцеговина Румыния Россия 3,7 Таджикистан Туркменистан Украина 3,7	Высокий от 28 до 40 Азербайджан Беларусь 30,1 Польша Туркменистан Украина 38,5 Чехия

Окончание таблицы 1.4

1	2	3	4	5	6
<u>Градуализм</u> <u>(начало 1990-</u> <u>х гг.)</u>	Словакия Словения Хорватия Эстония	Эстония Черногория* <u>Плавающие</u> <u>курсы</u> Албания Армения Венгрия Польша	<u>Высокий от</u> <u>3,5 и выше</u> Чехия Эстония Венгрия Польша	Азербайджан Болгария Хорватия Грузия Кыргызстан Македония Молдова Румыния Словакия Словения	Таджикистан Узбекистан <u>Средний от</u> <u>22 до 27</u> Албания Босния и Герцеговина Болгария 25,8 Венгрия Казахстан Румыния Россия 25,6 Словакия Словения

Примечания – 1. * – Направление валютной политики или путь перехода к рынку неоднократно изменялся. 2. Источник: собственная разработка на основе данных МВФ.

- 1) пошедшие по пути градуализма или по пути «шоковой терапии»;
- 2) имеющие фиксированный или плавающий валютные курсы в основе валютной политики;
- 3) обладающие значительными природными ресурсами, прежде всего полезными ископаемыми, и не обладающие таковыми;
- 4) преодолевшие или не преодолевшие «планку» до кризисного уровня 1990 года;
- 5) вошедшие в еврозону (или взявшие таковой курс) и не вошедшие;
- 6) страны с высокой или низкой степенью импорто- и экспортозависимости.

Таким образом, для сравнительного анализа в рамках методологии взаимосвязи «общее»—«особенное»—«специфическое» избраны четыре страны из так называемых трансформационных экономик. Одна из них является представителем стран, обладающих значительными природными ресурсами, преодолевшими кризисную «яму» 90-х гг., пошедших путем «шоковой терапии», и не стремящихся в еврозону (РФ), другая – стран, не обладающих значительными ресурсами, принявших решение постепенной адаптации к еврозоне, пошедших по пути градуализма (Болгария), третья – стран, имевших значительный провал в динамике ВВП к середине 90–х гг. и не достигший уровня 1990 г., пошедших по пути «шоковой терапии», обладающих значительными природными ресурсами и стремящихся в еврозону, придерживающихся политики плавающего валютного курса (Украина), четвертая –

стран, пошедших по пути градуализма, не обладающих значительными природными ресурсами, преодолевшими кризисное «дно» 90-х гг., имеющих высокий уровень импорто- и экспортозависимости (Республика Беларусь).

2. Теория и методология экономических циклов: авторская позиция

В основе формирования авторской концептуальной позиции лежат результаты поиска исходной причины цикличности экономических процессов. Повторяемость и возобновление циклов, смена одной фазы цикла другой предполагают эндогенность и синергетику исходного процесса, их вызывающего. Поиск автора был основан на сопоставлении результатов собственных эмпирических исследований и известных теорий циклов. В итоге сформировалась авторская концепция процесса циклообразования, универсальная для любой экономической системы.

Особенности авторской *методологии формирования среднесрочного экономического цикла в экономической системе*, включают: а) выделение исходного элемента модели экономического цикла – развитие потребностей; это позволяет объяснить взаимосвязь экономических циклов разной периодичности, закономерности их формирования под влиянием цикличности различных потребностей, циклов в экономической и социальной сферах;

б) представление макроэкономической динамики как результата синхронизации и взаимодействия кратко- и среднесрочных циклических колебаний, обусловленных развитием потребностей и способов их удовлетворения в условиях ограниченных ресурсов;

в) обоснование плюралистического подхода к циклообразованию как кратко-, так и средне- и долгосрочного характера;

г) расширение понятия «экономический цикл» путем выделения экономических, политических, социальных, *институциональных* факторов циклообразования как регулярного, так и *случайного* характера;

д) уточнение понятия «поворотная точка» («Turning Point») [57] экономического цикла: замену на понятие «поворотная зона» («Turning Zone») – в связи с длительным влиянием циклообразующих факторов на макродинамику и спустя определенный период времени).

Цикличность в экономике имеет эндогенный механизм, вовлекающий в свою орбиту более сложные потребности человека. В результате формируются автономные циклы воспроизводства отдельных групп потребностей, имеющих специфические временные интервалы возобновления. Такой механизм, во-первых, обуславливает непрерывный характер смены фаз цикла, во-вторых, всеобщий характер экономических циклов. В рыночной экономике, распространяясь и взаимодействуя, циклические колебания создают достаточно продолжительные и четко выраженные изменения

конъюнктуры, формируя так называемые *экономические циклы*.

Теоретические взгляды автора на экономический цикл основаны на критическом анализе теорий циклов и выделении основных направлений их эволюции, а именно:

1. Распространение теорий взаимосвязи средне- и долгосрочных циклов, экономических и социально-политических циклов, частичное признание плюрализма в циклообразовании, дальнейшее совершенствование моделей реального делового цикла, разработок влияния государства на формирование среднесрочных и долгосрочных циклов.
2. Признание состоятельности социально-психологических теорий циклов, а также социальных, социально-правовых и социально-психологических факторов, влияющих на долгосрочные и среднесрочные циклы.
3. Реализация институционального подхода к исследованию среднесрочных циклов: а) признание асимметричности распространения информации; б) включение в исследования психологии поведения субъектов рынка; в) признание связи циклов с государственной политикой (средне- и долгосрочный периоды).

Это позволило: а) систематизировать концепции циклов, объясняющие причины циклообразования динамикой отдельных макроэкономических процессов (смена технологических укладов, инвестиционная ак-

тивность, динамика денежной массы, изменение занятости в производстве);

б) выявить важную роль краткосрочных циклических колебаний (продолжительностью менее одного года) в процессе формирования фаз среднесрочного экономического цикла;

в) установить влияние формальных и неформальных институтов в усилении или ослаблении среднесрочных циклов, в формировании относительно автономных циклических процессов с периодом до 1 года.

Среднесрочный цикл, таким образом:

а) протекает в условиях, вызванных внешними шоками, фискальной политикой государства, монетарной политикой центрального банка, стандартами экономического поведения; при этом внешние факторы будут по мере трансформации системы будут вызывать все менее масштабные циклические процессы;

б) диагностируется так называемыми поворотными зонами, возникающими в результате наложения указанных выше автономных циклических процессов, изменяющих амплитуду и продолжительность экономического цикла;

в) выступает проявлением глубинной причинно-следственной связи «потребность»→«ресурс»→ «производство»→«потребление».

В каждой экономической системе циклические колебания имеют специфические черты. Характер протекания циклических процессов в трансформационных экономиках («Transformation economics»), проходящих процесс трансформации экономической системы из

административно-командной в рыночную, особенно актуален для научных исследований стран Восточной Европы и СНГ. Для таких экономик характерны интенсивные по сравнению со зрелым состоянием системы институциональные преобразования, ведущая роль государства в проведении рыночных реформ. Следовательно, во-первых, следует признать значительную роль институциональных факторов циклов в трансформационных экономиках (психологические настроения населения, стандарты поведения, социально-правовые институты, политика макроэкономической стабилизации, государственная политика приватизации).

Внешняя среда для трансформирующихся экономик является более технологичной (по причине застоя научно-технического прогресса, вызванного административно-командным механизмом хозяйствования) и обладает преимуществами в конкурентной борьбе. Следовательно, и во-вторых, такие экономики по сравнению со сформировавшейся экономической системой испытывают значительное воздействие внешней конкурентной среды,

В связи с этим возможно обоснование специфической *концепции кратко- и среднесрочного циклообразования в трансформационной экономике*. Она включает определение специфики процессов циклообразования, анализ поворотных зон цикла, выделение основных циклообразующих факторов. Ее отличает плюралистический подход к факторам циклообразования (в том числе роль в них неформальных институтов).

Можно выделить особенности кратко- и среднесрочного циклообразования: а) относительно *автономное* воздействие отдельных факторов на циклическую макродинамику; б) преимущественное влияние внешней конкурентной среды, фискальной политики; в) постепенное усиление влияния эндогенных факторов на цикл; г) усиление взаимодействия экономических процессов, вызванных кратко- и среднесрочными экономическими циклами.

Анализ поворотных зон кратко- и среднесрочных циклов в трансформационной экономике позволил выделить следующие особенности:

1) Формирование верхних поворотных зон происходит под действием экзогенных факторов, связанных с внешней конъюнктурой. С середины 2000–х гг. интервалы (лаги) опережения объемов экспорта и импорта по сравнению с объемом ВВП в этих зонах стали одинаковыми. Наиболее часто свойство лидирования в указанных зонах присуще объемам экспорта, импорта, Лидирующими индикаторами *верхних* поворотных зон могут служить также денежные агрегаты, опережающие верхние поворотные зоны ВВП на один-два квартала.

2) На формирование нижних поворотных зон влияет замедление темпов роста внешних цен. Внутренние цены на формирование нижних поворотных зон циклов непосредственно не влияют, что связано со значительной зависимостью трансформационных экономик от внешней конкурентной среды. Надежным лидирующим индикатором *нижних* поворотных зон является

денежный агрегат M_2 , а также динамика инвестиций в целом с лагом в один-два квартала.

Перечень выделенных основных циклообразующих факторов, присущих трансформационным экономикам, не носит случайный характер, обусловлен важной ролью государства в проведении институциональных преобразований, начиная от создания конкурентной среды и заканчивая контролем на динамикой денежной массы и ценами.

Концепция кратко- и среднесрочного циклообразования в трансформационной экономике позволила автору разработать теоретическую основу для моделирования среднесрочных экономических циклов, применяя авторскую трактовку экономического цикла и результаты эмпирического анализа факторов циклообразования.

К комплексному исследованию *и эмпирическому моделированию среднесрочных циклических колебаний динамики объема ВВП в условиях трансформации экономической системы* автор применил свой *методологический подход*. Он включает: а) эмпирический анализ макропоказателей монетарной, фискальной политики, институциональных преобразований в *сопоставлении* с существенными изменениями режимов экономической политики, б) выделение поворотных зон в первичных статистических показателях макродинамики без применения метода сглаживания; в) выявление среди них ведущих факторов циклообразования; г) использование полученных результатов исследования для подбора

экономико-математической функции, описывающей автономные циклические процессы в динамике ВВП.

В отличие от известных в экономической науке данный подход базируется на: а) преимуществах современных теоретических концепций (неокейнсианской, эволюционно-институциональной) в области теорий циклов; б) отражении особенностей трансформационных экономик при подборе факторов цикличности (значительная отсталость материально-технической базы производства по сравнению со зрелыми рыночными системами, неустойчивость по отношению к внешним шокам, интенсивные институциональные преобразования, разрыв хозяйственных связей, сосуществование альтернативных координационных механизмов системы, высокая степень макроэкономической неопределенности); в) синтезе эмпирического и теоретического подходов к моделированию циклов.

В свете авторской позиции на исходный элемент циклообразования изученные теории циклов второй половины XX в. – начала XXI в. носят фрагментарный и незавершенный характер, анализ которых позволил а) дополнить классификацию теорий циклов теориями, различив ведущий и дополнительные факторы циклообразования [38,40]; в) выделить основные направления современной эволюции теорий циклов и моделирования процессов циклообразования в экономических системах; в) определить критерии сравнительного анализа экономико-математических и статистических моделей кратко- и среднесрочной циклической макродинамики; г) смоделировать среднесрочный экономиче-

ский цикл с учетом специфики конкретной национальной экономики и стадии ее трансформационных преобразований.

Автор данной монографии по итогам исследования предлагает структурно-логическую модель среднесрочного экономического цикла в трансформационной экономике Республики Беларусь, включающую обоснование процесса формирования среднесрочного цикла на основе импульсов, помылаемых отдельными факторами. В отличие от других моделей, она: а) является многофакторной, б) отражает воздействие формальных и неформальных институтов, в) учитывает пролонгированное и автономное действие отдельных факторов на циклическую динамику ВВП.

Структурно-логическая авторская модель циклообразования позволяет: а) установить основные факторы циклообразования для национальной экономики (степень открытости экономики, денежный агрегат M_2 , объем госрасходов из консолидированного бюджета, объем государственных субсидий, объем инвестиций в основной капитал, доля прямых налогов в ВВП, индекс потребительских цен, степень концентрации производства); б) определить перечень лидирующих индикаторов среднесрочного экономического цикла (денежный агрегат M_2 , объем инвестиций, индекс потребительских цен); в) выявить специфику поворотных зон среднесрочного экономического цикла; г) реализовать на практике модель среднесрочной циклической динамики объема ВВП Республики Беларусь на периоды 2000–2008 гг., 2009–2011 гг., 2014–2015 гг.; д) доказать

вероятность наступления фазы спада среднесрочного цикла в случае наложения краткосрочных циклических колебаний объема ВВП.

В основе структурно-логической модели экономического цикла лежит гипотеза о совершенствовании потребностей субъектов экономики, и прежде всего, домохозяйств, назревании противоречия между потребностями и ресурсами и его периодического разрешения.

2.1 Потребности и их взаимодействие с ресурсами как источник формирования экономических циклов

Конкуренция является эффективным способом направления неизвестных ресурсов на известные цели, использовать ранее неизвестные данные о потребностях, ресурсах и технологиях, то есть выступать в роли специфической информационной системы.

Однако конкуренция присуща не только рыночной экономической системе, равно как и потребности и их несоответствие ресурсам.

Анализ эволюции теории циклов позволил сделать вывод, что цикличность присуща всем типам экономических процессов и систем и является универсальной формой развития. Процессы циклообразования в экономике наблюдались еще с момента зарождения человеческой цивилизации, даже в эпохи собирательства и натурального хозяйства. В дорыночных экономических системах цикличность проявлялась в воспроизводстве

рабочей силы, износе и обновлении средств производства, сезонных колебаниях производства в строительной, аграрной деятельности, рыболовстве, собирательстве. Теоретическое положение К. Маркса о том, что «...кризис в большей или меньшей степени создает материальную основу для следующего цикла оборотов» [60, с. 208] можно считать справедливым по отношению ко всем типам экономических систем.

Следует признать справедливым вывод ученых о том, что циклы в экономических процессах возникают также под действием регулярных природных или космических явлений (У. Митчелл, У. Джевонс, Ю.Н. Соколов), в частности, солнечных «пятен», вызывавших возмущение магнитного поля Земли и, следовательно, неурожаи в земледелии. Однако в итоге таким образом ограниченные ресурсы сталкиваются с растущими потребностями, вызывая кризисы недопроизводства.

Другой важной причиной циклических колебаний объема производства в дорыночных системах выступали естественные процессы, используемые во многих технологиях натурального хозяйства. В частности, Э. Хансен описал типичный пример – «цикл свиноводства, равный приблизительно трем или трем с половиной годам» [106, с. 252].

С развитием материально-технической базы производства, усложнением техники и технологий цикличность в отдельных секторах экономики не только не исчезла, но и приобрела новые формы: регулярная аварийность в энергетике вызывает циклические колебания в обеспечении энергоресурсами, а природные яв-

ления сезонного характера являются причиной циклических колебаний объема транспортных перевозок, оптовой торговли, жилищно-коммунальных услуг.

С учетом современных исследований качественных и количественных характеристик циклических процессов в экономике их классификация может быть произведена по следующим критериям:

1. По времени: краткосрочные или волны Китчина, включая сверхкороткие (до 1,5 – 2 лет), в том числе сезонные (от 1 – 2 кварталов до 12 месяцев); (3 – 4 – 5 лет или 40 – 59 месяцев); среднесрочные, включающие циклы Жугляра, или деловые циклы (6 – 8 лет), циклы Лабруса (10 – 12 лет); циклы Чижевского (11 лет); циклы Мура (16 – 24 года); строительные циклы или волны Кузнецца (18 – 20 – 25 лет); длинные волны, включая К-волны, или волны Кондратьева – (45 – 65 лет), циклы Броделя (100–150 лет), волны Джоэля (300 лет), Снукса (400 лет), волны Тоффлера, циклы Тойнби и др.

2. По уровням экономики: жизненные циклы товара, циклы фирмы, организации, отрасли, региона, национальной экономики, группы стран и пр.

3. По сфере проявления: структурные, инвестиционные, ценовые, финансовые, жилищные, аграрные и другие циклы.

В функциональном отношении можно выделить циклы:

1. В развитии производительных сил (воспроизводственные циклы рабочей силы, уровня занятости, науки, образования, техники, технологий, организации производства).

2. В совершенствовании экономических отношений производства, распределения, обмена (циклы уровня доходов, накопления капитала, цикличность взаимодействия государства и рынка).

3. В совершенствовании институтов (уровня концентрации производства и конкурентной среды, развитие форм собственности, государственных структур, стандартов экономического поведения, традиций).

Чаще всего в литературе экономический цикл представлен как деловой цикл (бизнес-цикл), хотя понятие «деловой цикл» является фактически тождественным среднесрочному экономическому циклу.

Э. Хансен определил деловой цикл как «...наличие повторяющейся (хотя и не через строго одинаковые периоды) последовательности изменений» [106, с. 205]. В этом определении фаза спада не обязательно представляет абсолютное падение темпов экономического роста. Речь может идти и о регулярных изменениях в *темпах* роста. Такая точка зрения обоснованна, так как современные циклы на фоне антициклических мер правительств представляют изменения темпов роста в большей степени, нежели абсолютное свертывание объема национального производства.

Выделение экономического цикла как категории из всех циклических процессов в экономике основано на понятии «конъюнктура». Конъюнктура – это совокупность технических, экономических, социальных и правовых условий, которые определяют в народном хозяйстве спрос и предложение, производство благ для обмена. В определении кризисной фазы конъюнктуры

имеются другие авторские взгляды. Так, в работе С. Ребело при изучении специфики американских циклов указывается, что «спады... – периоды, в которые объем выпуска является ниже тенденции тренда, определенного по методу наименьших квадратов, по крайней мере, для *трех* последовательных кварталов» [81, с. 4]. Э. Хансен предлагает другое определение: «Экономический цикл представляет собой колебание занятости, объема продукции и уровня цен (как розничных, так и оптовых) [106, с. 203], подчеркивая тем самым необходимость комплексного подхода к датировке фаз цикла.

Такой подход положен в основу датировки циклов со стороны НБЭИ США, когда рецессией признается период снижения объемов *производства, доходов, занятости и торговли*, отмеченный распространением спада на многие секторы экономики.

В этом случае одного определенного показателя, по динамике которого судят о фазах цикла, не существует, однако имеет место оценка изменения конъюнктуры в целом. Такой позиции придерживаются российские экономисты Л.С. Бычкова [25, с. 5], В.О. Фадеев [101, с. 7].

В циклообразовании играют роль также случайные факторы. Один случайный фактор не может вызвать повторяющиеся колебания. Но совокупность случайных колебаний (так называемый шум) может при наложении колебаний друг на друга вызывать циклические процессы. Согласно открытию Е. Слуцкого в 30-х гг. XX в., сложение случайных величин порождает

волнообразные ряды на протяжении значительного периода, имитирующие гармонические ряды, состоящие из нескольких синусоид [88].

Аналогичной точки зрения на роль случайных колебаний в циклообразовании придерживались известные экономисты Я. Тинберген и Р. Фриш. «Экономический цикл, – утверждал Я. Тинберген, – можно рассматривать как механизм взаимодействия между *беспорядочными* толчками и экономической системой, обладающей способностью совершать циклические движения, посредством которых она приспособляется к такого рода толчкам» [97, цит. по 106, с. 206].

Таким образом, обобщая современные подходы к понятию «*экономический цикл*», следует уточнить его формулировку. **Экономический цикл** есть регулярно повторяющийся процесс в эволюции системы, проявляющийся в четко выраженных и продолжительных изменениях макродинамики под воздействием как регулярных, так и случайных факторов экономической, социальной, политической, *институциональной* природы.

В отличие от существующих понятий экономического цикла данное определение учитывает: 1) вероятность цикла под воздействием случайных факторов; 2) значительную роль факторов институционального характера; 3). не абсолютные изменения уровней макропоказателей, а любые изменения в динамике, включая относительные (темпы прироста); 4) взаимосвязь качественного изменения системы (цикл) с количественным (эволюция).

В связи с тем, что типы циклов взаимосвязаны, правомерно подходить к источнику цикличности в экономике как некоему фундаментальному эндогенному процессу системы, распространяющему циклические импульсы на экономику через ряд причинно-следственных связей. С этой точки зрения инвестиционные теории циклов, например, объясняют проявление промежуточных стадий действия этого процесса, причем только в рыночной системе.

Авторская позиция в отношении причин циклов заключается в следующем. Максимальное удовлетворение потребностей в условиях ограниченных ресурсов является конечной целью производства. Растущие потребности, прежде всего базовые, характеризующие человека как биологический вид, стимулируют мотивацию субъектов системы к поиску соответствующих ресурсов. Пространственный поиск ресурсов занимает определенное время, тем более длительное, чем менее технически развита экономическая система. Ограниченность ресурсов ставит перед системой задачу их распределения и перераспределения для достижения цели, что также влечет определенные потери времени. Затем процессы производства, распределения и потребления (рисунок 2.1.1) усиливают разрыв во времени между возникновением потребностей и моментом их удовлетворения.

В связи с этим имевшиеся на момент времени t потребности не смогут быть удовлетворены полностью результатами производства в момент времени $t+1$.

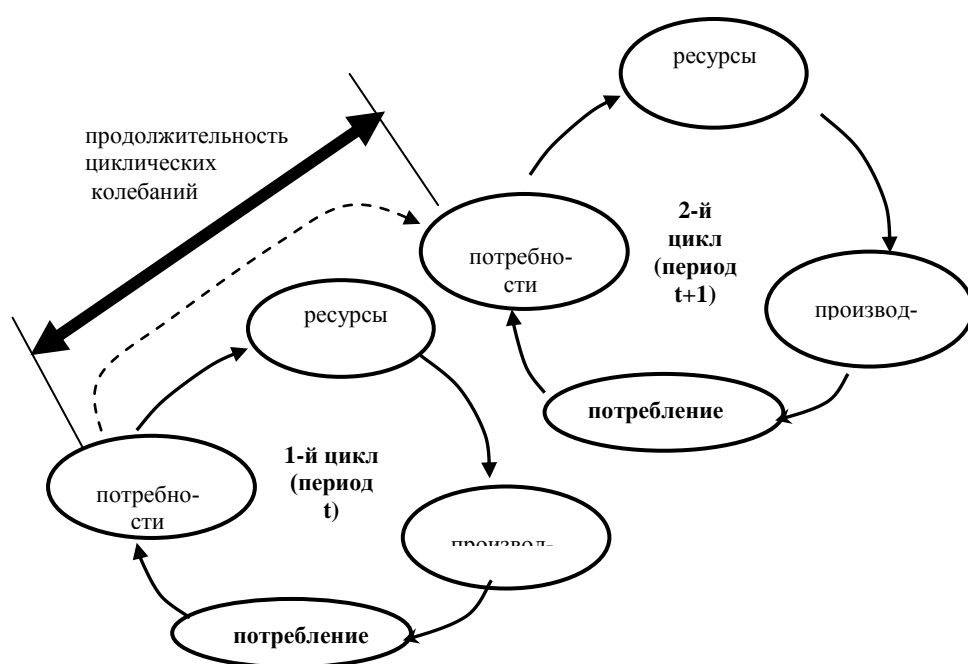

Рисунок 2.1.1 – Цикличность развития потребностей в экономической системе

Таким образом, продолжительность цикла от появления потребностей до их возобновления определяется:

- 1) временем на поиск ресурсов;
- 2) временем на распределение ресурсов и поиск технологий, их применению в производстве;
- 3) периодом распределения благ, созданных в процессе производства;
- 4) временем потребления, осознания степени удовлетворения потребности;
- 5) временем воспроизведения потребности на новом количественном и качественном уровне.

«Потребность» не является чисто экономической категорией, также и физиологической и психологической. Потребности первого уровня пирамиды А. Маслоу обусловлены природой человека как биологического вида [62], но даже они могут искажаться, подавляться экономическими условиями существования, воспитания, институтами (историческими, религиозными, культурными традициями, привычками, стандартами экономического поведения).

Диалектическая связь потребностей и производства находит выражение в развитии человеческой цивилизации. Примитивизм потребностей первобытного человека объяснялся условиями его существования. У него не было более значительных потребностей, «чем у животного, но каждая последующая ступень развития расширяла круг его потребностей и одновременно увеличивала разнообразие способов их удовлетворения»

[61, с. 148]. Тем не менее, уже на первых стадиях развития человечества возникали и формировались потребности высших порядков, воздействие которых на первичные физиологические потребности носило неоднозначный характер.

С одной стороны, при неизменных масштабах количественного возобновления низших физиологических потребностей происходило расширение потребностей второго уровня в связи с осознанием первобытным человеком необходимости создания *запаса* ограниченных ресурсов. Найденные ресурсы не могли быть полностью вовлечены в производство не только по причине несоответствия известных технологий их освоения и переработки структуре потребностей, но и по причине неодинаковой доступности субъектам системы (территориально и экономически). Стало проявляться стремление субъектов одновременно удовлетворить потребности не только первого уровня согласно пирамиде А. Маслоу, но и потребности второго уровня – потребности в безопасности. Указанную мотивацию активизирует ограниченность доступа к ресурсам. Разворачивается конкурентная борьба за ресурсы, на что указывал А. Маслоу: «...есть, конечно, институты, настраивающие нас друг против друга, неминуемо превращающие нас в соперников, ставящие нас в ситуацию, когда мы вынуждены драться за ограниченное количество благ [62, с. 28].

С другой стороны, развитие потребностей высших порядков (в самореализации, дружбе, доверии, любви) при некоторых обстоятельствах накладывало ограни-

чения на уровень потребления и распределения первичных физиологических потребностей. Таким образом, цикличность воспроизведения отдельных потребностей не является изолированным процессом. Имеет место взаимодействие циклов воспроизведения и развития потребностей разного уровня. Такой вывод важен для понимания взаимодействия кратко- и среднесрочных экономических циклов рыночной системы. Рассматриваемый подход к глубинной причине цикличности обуславливает единство экономического роста и цикличности как количественной и качественной стороны одного и того же процесса – развития потребностей.

Цикличность в экономике имеет эндогенный механизм, вовлекающий в свою орбиту более сложные потребности человека. В результате формируются автономные циклы воспроизводства отдельных групп потребностей, имеющих специфические временные интервалы возобновления. Последние выступают в экономике основой цикличности создания, распределения и потребления отдельных групп благ. В связи с этим еще П. Рут в 1956 г. отмечал в социологических исследованиях деловые колебания объемов потребления обуви, кожи [15, с. 20–21]. Неудовлетворенные потребности являются преобладающим побудительным мотивом к экономической деятельности. Стадия производства, в которую включены организационно-экономические и технико-экономические отношения, фигурирует в процессе циклообразования в качестве промежуточного звена. Поэтому в ходе эмпирического

исследования продолжительности экономических циклов учеными У. Митчеллом, Дж. Муром и Э. Хансеном признаны в качестве лидирующих индикаторов верхних и нижних поворотных зон макродинамики заказов на товары длительного пользования [20, с. 174; 106, с.169]. Таким образом, *потребности в этих товарах* опережают стадию производства и все инвестиционные вливания, связанные с его изменением.

В рыночной экономике, распространяясь и взаимодействуя (рисунок 2.1.2), циклические колебания создают достаточно продолжительные и четко выраженные изменения конъюнктуры, формируя так называемые *экономические циклы*. Причинами этого являются:

1. Появление дополнительного периода в цикле, связанного с разрывом во времени актов купли и продажи при обмене товаров, удлинение его явлениями спекуляции;

2. Развитие кредитного рынка, ускоряющего, с одной стороны, процесс потребления благ, с другой – искажающего информацию об истинных размерах платежеспособного спроса;

3. Развитие валютного и фондового рынков, с одной стороны, ускоряющих аккумуляцию временно свободных денежных средств и вовлечение ресурсов в производство, с другой стороны, создающих гигантские финансовые «пирамиды», оторванные от реального кругооборота материальных благ;

4. Конкурентная борьба, с одной стороны, стимулирующая потребность во внедрении хозяйствующими субъектами достижений научно-технического прогресс-

са, а с другой стороны, замедляющая распространение научно-технической информации, особенно в условиях монополизации рынков.

5. Неравномерное экономическое развитие отдельных государств и регионов, создающее разные потенциальные возможности для удовлетворения возрастающих потребностей отдельных групп населения.

Таким образом, в рыночной экономике резко увеличивается число факторов, воздействующих на процессы циклообразования на разных стадиях причинно-следственного контура «потребности» → «ресурсы» → «производство» → «потребление».

В этой системе вступают в противоречие цели национальных экономик и конечная цель производства как такового. Главной целью национальных экономик является экономический рост. В связи с этим излишек продукции, появляющийся в процессе расширения экономик *высокоразвитых* стран и не соответствующий структуре потребностей внутреннего рынка, выходит на мировой рынок. Из-за «догоняющего» характера развития развивающиеся экономики предпочитают приобретать товарный излишек, поступивший на мировой рынок из развитых стран, так как не могут в достаточной мере удовлетворить растущие потребности национальных субъектов собственными результатами производства.

Проблема состоит в том, что потребности экономики, в том числе трансформационной, безграничны, а национальное богатство, косвенно характеризующее накопленный ею вклад в процесс воспроизводства,

ограничено. В результате стремление максимально удовлетворить внутренние потребности выливается для технически более отсталой экономики в кризис внешней задолженности, подавление отечественного производства внешней конкуренцией.

Эволюция товарно-денежных отношений, особенно кредитных, дополнительно воздействует на цикличность развития потребностей. Стремление удовлетворить *бесконечно растущие* потребности стимулирует мотивацию экономических субъектов к приобретению максимальных кредитов. Так продолжается до тех пор, пока в экономике не накопятся значительные суммы кредитной задолженности, отвлекающие финансовые ресурсы от организации производства и потребления в последующие периоды, в результате наступает свертывание масштабов производства. В частности, в период 2006–2008 гг. в трансформационных экономиках наблюдалось резкое увеличение масштабов кредитования и такое же резкое сокращение его за несколько месяцев до начала кризиса в 2008 г.

В экономических кризисах находит выражение противоречие, возникающее от стремления человеческой природы к максимальному удовлетворению потребностей при минимальных затратах ресурсов (часть российских экономистов отмечает в связи с этим превращение кредита, мировых финансовых активов в элементы спекулятивной экономики) (А. Бузгалин, [24, с. 11], Б. Корнейчук [49, с. 25–26]). Стихийный координационный механизм периодически корректирует

ресурсные потоки, обеспечивая взаимосвязь и взаимодействие автономных циклических процессов.

Эволюция потребностей как глубинной основы экономических циклов проявляется в периоды кризисов. В частности, несмотря на наличие сбережений и антикризисные государственные инъекции в экономику, совокупный спрос значительно не расширяется. Как показывает эмпирический анализ, субъекты не увеличивают объемы потребления в целях удовлетворения потребностей первого порядка, а стремятся удовлетворить потребности второго порядка – потребность в безопасности (как правило, путем долларизации сбережений).

Таким образом возникает параллельное противочиклическое движение финансов, связанное с переводом населения сбережений или в более устойчивую иностранную валюту, или в товары, производство которых не подвержено кризису в текущий период (недвижимость, антиквариат и др.) в зависимости от темпов инфляции и состояния валютного рынка. Развитие валютных систем, таким образом, способствует деформации фаз экономических циклов и изменению эффективности антициклических мер.

Чем ниже по рангу потребность и ближе к биологической природе человека, чем настоятельнее потребность, тем больше циклические импульсы от неудовлетворенной части потребности (например, потребность в жилье очередного поколения является в неявном виде причиной циклов С. Кузнеця).

Степень насыщения потребности зависит от уровня новизны произведенного блага. В зрелой рыночной экономической системе циклические колебания, вызываемые действием закона возвышения потребностей, проявляются в двух формах. Первые вызваны появлением под действием изменения потребностей группы так называемых «креативных» благ (которые кардинально повышают степень удовлетворения потребностей, обладая максимальным эффектом замещения). Эти блага проходят свой «жизненный цикл». Наличие критической группы креативных благ, расширение их производства вызывают мультипликативное расширение объемов деятельности субъектов смежных отраслей, включая услуги транспорта и торговли. Формируется стадия экономического подъема. Так происходит до тех пор, пока указанная группа благ не превращается в традиционную для потребителей. На последней стадии производители-конкуренты, уловив переломный момент, когда старые товары и услуги начинают не удовлетворять потребителей (назревает изменение структуры потребностей), финансируют новшества и создают принципиально новое благо, удовлетворяющее указанную потребность в большей степени. В этом случае продолжительность циклических колебаний определяется:

- 1) сроком потребления данного типа благ (в особенности это касается товаров длительного пользования);

2) временем, необходимым на НИОКР и приобретение средств производства до начала освоения производства новых благ;

3) степенью мобильности ресурсов на рынке, уровнем их концентрации;

4) потребительской психологией, институционально сложившейся в рамках данной экономической системы и определяющей продолжительность и объем спроса на данное благо среди покупателей, величину так называемого остаточного спроса (неудовлетворенной части потребности, подкрепленной платежеспособностью субъекта при данном уровне цен).

Вторая причина экономических циклов связана с усовершенствованием одного и того же типа благ через определенный интервал, с учетом изменения моды, сезона, вкусов, на основе новой технологии. Продолжительность таких циклических колебаний составляет от нескольких месяцев до трех-четырёх лет и определяется:

1) степенью диверсификации производства;

2) конкурентным рыночным пространством;

3) подвижностью привычек, вкусов потребителей;

4) уровнем образованности потребителей, уровнем культуры общества, сохранностью национальных и культурно- исторических традиций (институциональными причинами);

5) степенью информированности потребителей о товарах и конъюнктуре;

б) взаимосвязью данной национальной системы с внешним рынком, обуславливающей масштабы и интенсивность распространения товаров.

Совокупность случайных циклических колебаний объема производства, вызванных освоением и включением в производство групп усовершенствованных товаров согласно изменению потребностей, создает синусоиды в динамике объема национального производства с четко выраженной конъюнктурой. Так формируется конкретный тип экономического цикла.

Научно-технический прогресс при этом выступает как процесс взаимосвязанного развития науки и техники, обусловленный ростом и усложнением потребностей общества. Соответствующее изменение потребностей и появление новой критической группы товаров создают ситуацию прохождения системы через очередную точку бифуркации, волны приобретают повторяющийся характер. Такой подход согласуется с известной теорией «жизненного цикла» товара (Р. Верон, М. Познер, Г. Хуфбаужр, Л. Уэллс), которая выступает встроенной цепью причинно-следственных связей в круговорот «потребности» – «производство» – «потребление».

2.2 Факторы, деформирующие циклические волны

На наш взгляд, следует различать первопричину (исходный источник циклических процессов в экономике, вызывающих экономические циклы различной продолжительности) и факторы, влияющие на ход экономического цикла, деформирующие протекание тех или иных фаз цикла, механизм смены фаз друг друга.

Трансформационные экономики сейчас находятся на такой фазе трансформации, когда удалось преодолеть кризисные явления 1991–2000 гг., относительно стабилизировать финансы и приступить к активной фазе институциональных преобразований. Однако наступившие 2008–2009 гг, 2014–2015 гг. стали сложными для этих экономик. Прошедшие десятилетия с момента начала переходных процессов в Беларуси, Болгарии, России и Украине дали много практического материала, потребовавшего анализа и обобщения, в том числе и по цикличности общественного производства.

Применение современного статистического метода исследования – построения автокорреляционной функции (АКФ) – позволило выявить циклический характер развития экономик (рисунки 2.2.1– 2.2.7) (статистические данные здесь и далее в монографии обработаны по Республике Беларусь – в ежемесячном, а по Болгарии, Российской Федерации и Украине – в поквартальном разрезе в связи с отсутствием официальных ежемесячных данных в открытом доступе).

На рисунках 2.2.1, 2.2.3, 2.2.5, 2.2.6 четко проявляется циклическая волна с 6–8-летним периодом, а также в Беларуси – с 1–1,5 годичным краткосрочным колебанием. На рисунках 2.2.1, 2.2.2, 2.2.4, 2.2.7 при изменении лага АКФ проявляются 3–4-летние циклы.

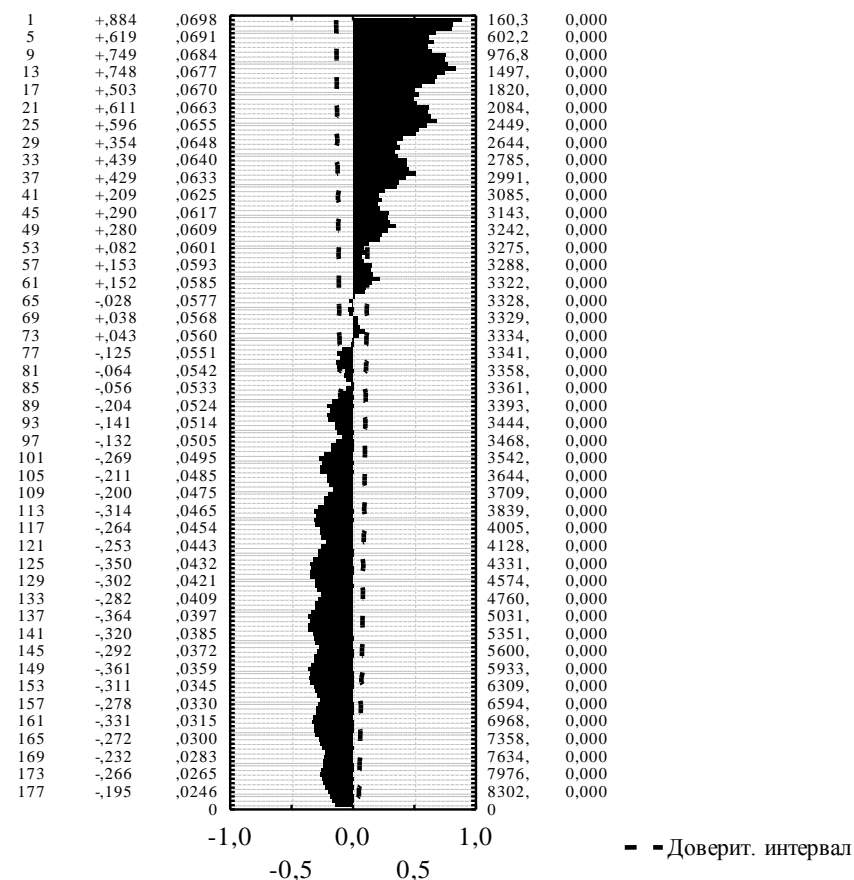
Однако продолжительность 3–4-летних волн и 6–8-летних деформируется под действием различных факторов. Последние могут быть монетарной и немонетарной природы. Особенно актуальным для исследований стало выявление институциональной составляющей в перечне факторов, влияющих на ВВП.

По степени значимости для трансформационных экономик факторы циклообразования возможно ранжировать на внешние, внутренние (в первую очередь, монетарные, затем инвестиционные и фискальные). Среди них важна институциональная составляющая, причем в значительной степени проявляющая свое влияние на макродинамику через группу так называемых социально-психологических институтов.

Внешние импульсы могут стать либо основным передаточным механизмом, или фактором циклообразования в открытой трансформирующейся системе. К ним относятся не только факторы природного характера (теория «солнечных пятен» У. Джевонса [11]), но и внешней конъюнктуры. Чем выше степень экспорто- и импортозависимости экономики, тем сильнее последствия внешнего шока для внутреннего рынка.

Автокорреляционная функция

ВВП 1994 2014

Lag – лаг автокорреляции; Corr. – значение коэффициента корреляции; S.E. – стандартное отклонение; Q – значение Q-статистики; P – нулевая гипотеза

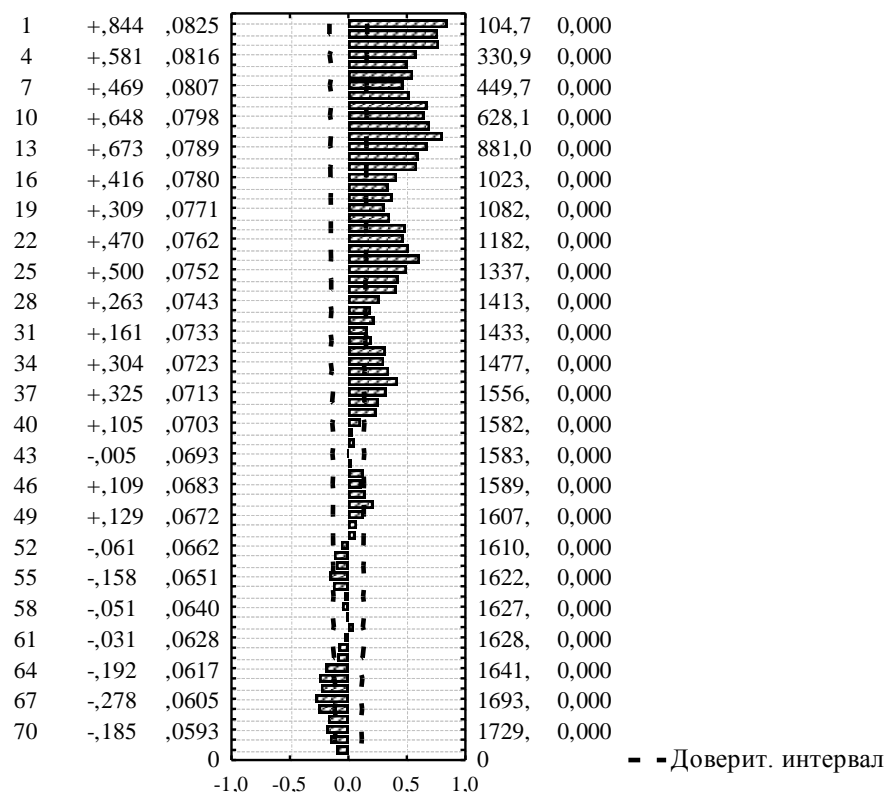
Рисунок 2.2.1 – Результаты построения АКФ объема реального ВВП Республики Беларусь, статистическая база 1994–2014 гг. (лаг АКФ 180, сезонный лаг 12, количество точек 252)

Примечание – Источники: [68, 69]

Автокорреляционная функция

Республика Беларусь

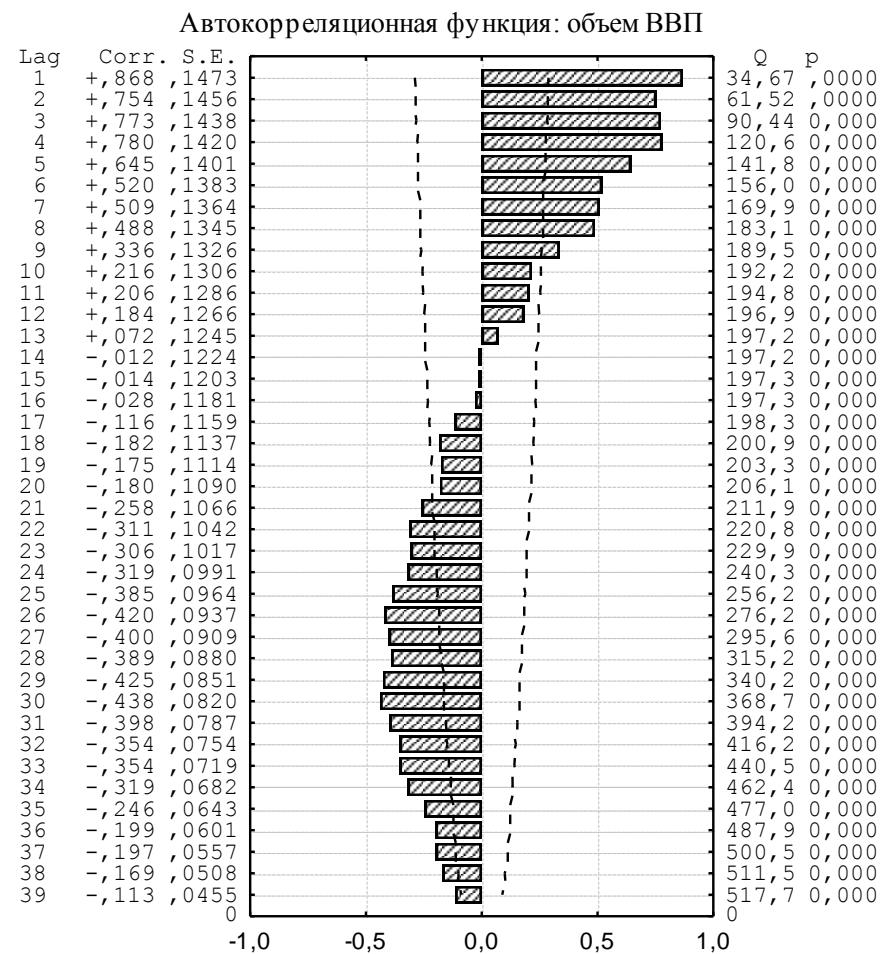
ВВП 2000-2014 гг.

Lag – лаг автокорреляции; Corr. – значение коэффициента корреляции; S.E. – стандартное отклонение; Q – значение Q-статистики; P – нулевая гипотеза

Рисунок 2.2.2 – Результаты построения АКФ объема реального ВВП Республики Беларусь, статистическая база 2000–2014 гг. (лаг АКФ 72, сезонный лаг 12, количество точек 180)

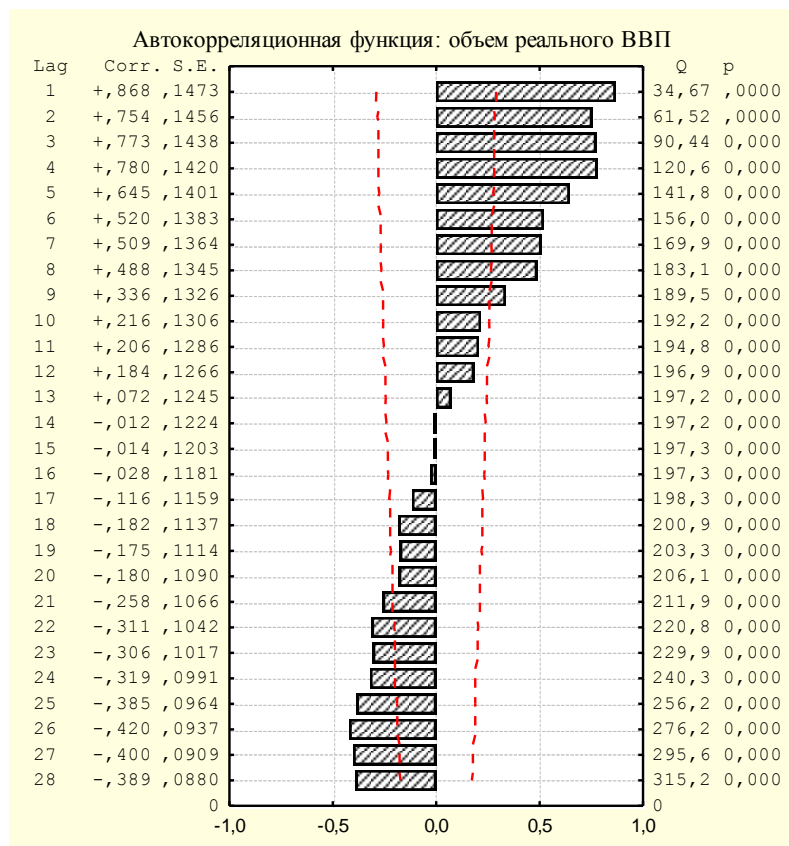
Примечание – Источники: [68, 69]

Lag – лаг автокорреляции; Corr. – значение коэффициента корреляции; S.E. – стандартное отклонение; Q – значение Q-статистики; P – нулевая гипотеза

Рисунок 2.2.3 – Результаты построения АКФ объема реального ВВП Республики Болгария, статистическая база 2000–2014 гг. (лаг АКФ 39, сезонный лаг 12, количество точек 60)

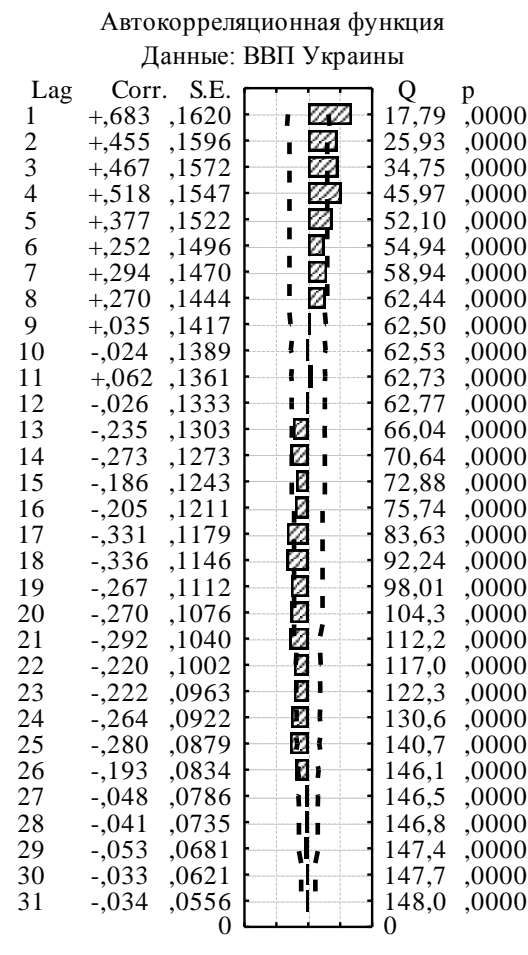
Примечание – Источники: [9, 26, 67]

Lag – лаг автокорреляции; Corr. – значение коэффициента корреляции; S.E. – стандартное отклонение; Q – значение Q-статистики; P – нулевая гипотеза

Рисунок 2.2.4 – Результаты построения АКФ объема реального ВВП Республики Болгария, статистическая база 2000–2010 гг. (лаг АКФ 28, сезонный лаг 12, количество точек 43)

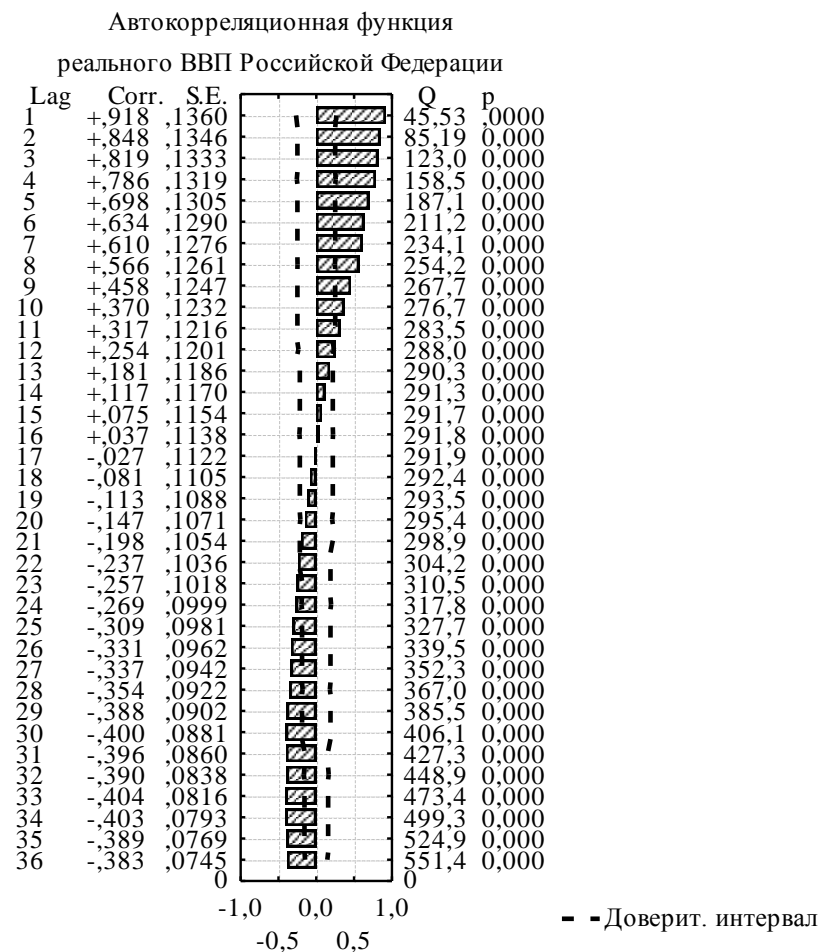
Примечание – Источники: [9, 26, 67]

Lag – лаг автокорреляции; Corr. – значение коэффициента корреляции; S.E. – стандартное отклонение; Q – значение Q-статистики; P – нулевая гипотеза

Рисунок 2.2.5 – Результаты построения АКФ объема реального ВВП Украины, статистическая база 2002–2014 гг. (лаг АКФ 24, сезонный лаг 12, количество точек 52)

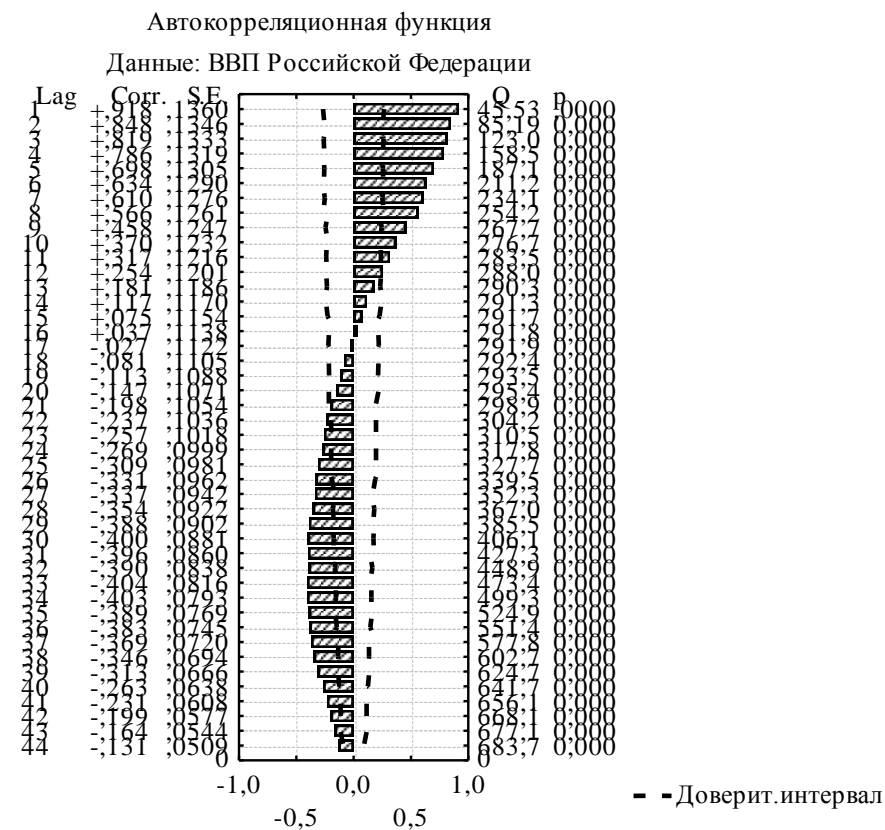
Примечание – Источники: [9, 70]

Lag – лаг автокорреляции; Corr. – значение коэффициента корреляции; S.E. – стандартное отклонение; Q – значение Q-статистики; P – нулевая гипотеза

Рисунок 2.2.6 – Результаты построения АКФ объема реального ВВП Российской Федерации, статистическая база 1998–2014 гг. (лаг АКФ 36, сезонный лаг 12, количество точек 68)

Примечание – Источники: [9, 73, 102, 107]

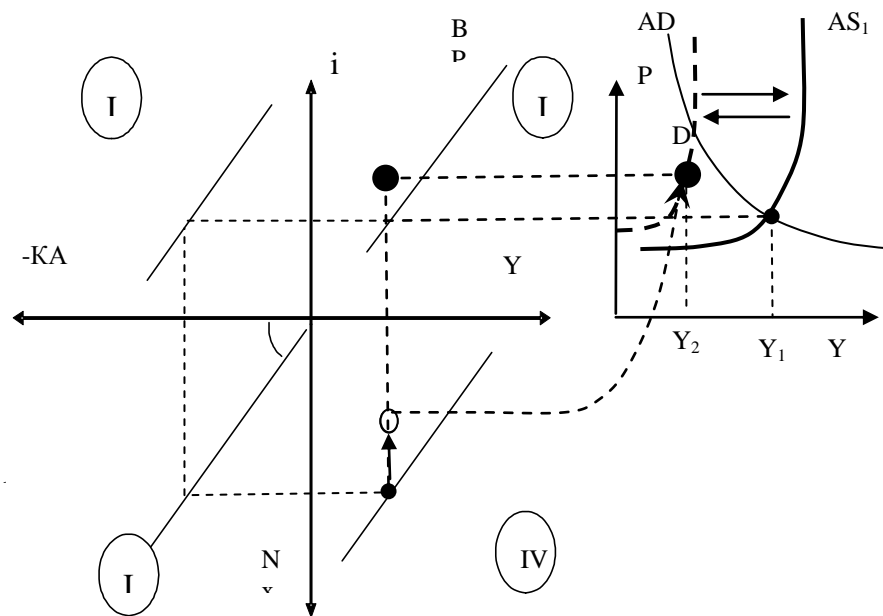
Lag – лаг автокорреляции; Corr. – значение коэффициента корреляции; S.E. – стандартное отклонение; Q – значение Q-статистики; P – нулевая гипотеза

Рисунок 2.2.7– Результаты построения АКФ объема реального ВВП Российской Федерации, статистическая база 1998–2014 гг. (лаг АКФ 44, сезонный лаг 12, количество точек 68)

Примечание – Источники статистических данных : [9, 73, 102, 107]

Ослабление позиций экономики во внешней торговле, вызванное резким изменением валютного курса,

кризисом в основных странах-торговых партнерах, на мировых финансовых рынках, может резко изменить ситуацию на внутреннем рынке (рисунок 2.2.8).

i – банковская ставка; N_x – счет текущих операций;
 КА – счет движения капитала; Y – ВВП; P – цена;
 BP – линия равновесия платежного баланса

Рисунок 2.2.8 – Влияние внешнего ценового шока на состояние платежного баланса экономики и объем национального производства в краткосрочном периоде

Например, в экспорто ориентированной экономике удорожание импортируемых сырьевых ресурсов приведет к уменьшению сальдо счета текущих операций, экономика из теоретического внешнего равновесия платежного баланса (рисунок 2.2.8, позиция В, квадрант II) перейдет благодаря сокращению предложения в позицию неравновесия (позиция А). Такая ситуация при прочих равных условиях вызовет в квадранте I смещение неравновесия в сектор над линией теоретического равновесия платежного баланса B в точку C .

Сокращение импорта вызовет сырьевой «голод» в экономике и, во-первых, приведет к прямому сокращению объемов предложения (с AS_1 до AS_2).

Во-вторых, в краткосрочном периоде удорожание импортированного сырья, материалов, энергии вызовет инфляцию издержек, вырастут цены на готовую продукцию. Возросшие внутренние цены породят напряженную ситуацию с финансированием инвестиционных проектов, повысят спрос на финансовые ресурсы и, следовательно, вызовут рост банковской ставки.

Указанные теоретические зависимости подтверждаются также исследованиями белорусских экономистов В.Н. Комковым [46, с. 29], М.К. Кравцовым [50, с. 9] еще в сер. 2000–х гг..

В случае низкой мобильности капитала (большинство трансформационных экономик обладает низкой инвестиционной привлекательностью из-за финансовой нестабильности и высокой степени риска для бизнеса) высокая банковская ставка незначительно повли-

яет на приток иностранной валюты в страну, как следствие, валютный курс национальной валюты почти не изменится, что не окажет воздействия на экспорт. Внутренняя инфляция вызовет падение совокупных доходов, следовательно, расходов на импорт. Только в долгосрочном периоде внутренняя инфляция в сопряжении с низкими доходами, сокращением платежеспособности субъектов экономики, станет при прочих равных условиях стимулом поиска ресурсосберегающих технологий, компенсирующих влияние внешнего шока и требующих инвестиций на НИОКР. Тогда совокупное предложение вернется в позицию предкризисного уровня AS_1 . Цикл замкнется.

Аналогичная ситуация создается в случае сокращения экспорта в другие страны в связи с изменениями структуры и объема потребностей и спроса, например, в случае возникновения в них экономического кризиса. Сокращение экспорта уменьшит значение счета текущих операций до позиции А на рисунке 2.1.8, и начнет разворачиваться эта же цепь причинно-следственных связей.

Ситуация усугубится в случае тесной взаимосвязи экспорта и импорта. В этом случае возникнет цикл: «сокращение экспорта»→«сокращение доходов»→«сокращение инвестиций»→«свертывание производства»→«сокращение импорта сырья»→«сокращение экспорта», разорвать который будет нелегко. Возникнет необходимость внешних финансовых вливаний в экономику. Однако такие заимствования небезопасны для экономики.

На этот аспект политики Запада указал Пол Кругман: «Аргентина 2002, Индонезия 1998, Мексика 1995, Чили 1982,... список можно продолжить. Тип кризиса, с которым Россия сталкивается сегодня – результат проблем, возникающих у экономики, ставшей уязвимой в результате крупномасштабных заимствований из-за рубежа» [16]. Такое положение совершенно справедливо также для других трансформационных экономик, в том числе для исследуемых нами Украины, Беларуси, Болгарии.

Высокий уровень жизни населения развитых стран в 2000-е во многом обеспечивали кредиты для развивающихся и вывоз туда капитала, это позволяло поддерживать совокупный спрос на Западе на высоком уровне. Объем долларовых кредитов в мире только в период 2008–2014 годов практически удвоился, в т.ч. прирост таких кредитов в развивающихся странах составил 3,1 трлн долларов [16]. Однако пример Греции показал, что такая политика достигла своего предела.

Чувствительность экономики к внешним шокам и возможный риск трансмиссии среднесрочного экономического цикла можно определить эмпирически, исходя из анализа краткосрочных циклических колебаний соответствующих макропоказателей, выявления основных тенденций в их изменениях.

Сравнительный анализ динамик объемов экспорта, импорта и ВВП дает возможность утверждать следующее:

1). спады белорусских циклов Жугляра в 1998–1999 г. и 2008 г., 2013–нач. 2014 гг., а также спад цикла

Китчина (авг. – окт. 2006 г.) связаны с внешними шоками;

2) в Болгарии влияние внешней конъюнктуры на спады 1999–2000 и 2008–2009 гг. особенно сказалось в *конце* соответствующих лет;

3) в России спады среднесрочных циклов 3 кв. 2008 г. – нач. 2009 г., 2014 – нач. 2015 гг. вызваны экзогенно;

4) Украина испытала в первую очередь по сравнению с другими странами бывшего СССР влияние последнего мирового экономического кризиса 2007–2011 гг. (3 кв. 2007 г. – 1 кв. 2008 г.).

Следует отметить, что функциональная открытость не может существовать без институциональной открытости, она является прямым следствием и формой проявления институциональной открытости. Ограничительные или стимулирующие меры правительства так или иначе отражаются на объемах экспорта и импорта, а также на их структуре (Ю.Н. Соколов [90]). При этом переориентация экономики на другие территориальные источники сырья и энергоносителей в краткосрочный период проблематична, обычно несколько стран выступают традиционными естественными монополистами внешнего сырьевого рынка. Ломка так называемой институциональной матрицы в краткосрочном периоде невозможна. Отсюда и «шоковая» трансмиссия внешних циклических импульсов будет продолжаться значительный исторический период.

На фоне среднесрочных циклов прослеживаются краткосрочные и сверхкороткие (до 1 года) волны. Из-

вестно, что в сентябре-ноябре очередного календарного года прекращается массовый сбыт сельхозпродукции и результатов ее переработки пищевой промышленностью, завершаются объемы строительно-монтажных работ, и, как следствие, в динамике объема ВВП возникает нисходящий зигзаг с декабря вплоть до февраля-марта следующего года, обусловленный сезонными процессами в экономике. В динамиках объема ВВП, экспорта и импорта указанных стран четко проявляется тенденция *усиления амплитуд* таких циклических колебаний. Эта тенденция свидетельствует об усилении взаимодействия между элементами трансформирующейся системы, так что передаточный механизм кризисных явлений от одной отрасли в другие становится более результативным, «рыночным».

Применение программы фильтрации линейно-гармонических колебаний [40, с. 198] к динамике объема ВВП выявило наличие множества гармоник, накладывающихся друг на друга, значительной из которых является волна с низкой частотой колебаний продолжительностью около 96–98 месяцев, что равно приблизительно восьми годам. Таким образом, в динамике ВВП явно наблюдается интерференция (наложение и взаимодействие) среднесрочных циклических волн различной частоты.

В результате проведенного экономико-математического анализа влияния открытости экономики на реальный и денежный сектора выявлено следующее. Между объемом экспорта и ИПЦ, объемом импорта и ИПЦ существует тесная взаимосвязь (коэф-

фициент парной корреляции составляет от 0,80 до 0,87 по разным трансформационным экономикам).

Нарастает и зависимость финансовой стабильности национальных экономик от устойчивой динамики объема экспорта и импорта: коэффициент корреляции между объемом экспортом и ИПЦ, импорта и ИПЦ растет по мере сокращения временного интервала базовых данных для расчета и приближения его к современному периоду. Если взять за основу расчета данные 1999–2010 гг., то теснота связи экспорта и ИПЦ, импорта и ИПЦ колеблется в пределах 0,80–0,85 на одноквартальном интервале запаздывания для Беларуси, 0,97–0,98 – на одноквартальном интервале запаздывания для России, соответственно 0,91–0,93 – на четырех-пятиквартальном интервале запаздывания для Республики Болгария (таблица 2.2.1). В связи с этим спецификой трансформационных экономик, а Республики Беларусь – в особенности, является сильное влияние экзогенного фактора (внешней конъюнктуры рынка) на циклообразование.

Следует выделить еще одну специфику трансформационных экономик – практически одноквартальную реакцию темпа инфляции на нарастание открытости экономики. Путем анализа корреляционной зависимости с лаговой объясняющей переменной между объемом экспорта и ИПЦ установлено, что наибольшее

Таблица 2.2.1 – Результаты расчета парной корреляции между динамикой реального ВВП, экспорта, импорта и приростом ИПЦ (CPI) для отдельных трансформационных экономик за период 2000–2014 гг.

Трансформационные экономики	Интервал запаздывания реакции ВВП (кварталов)	Объем реального ВВП – объем экспорта	Объем реального ВВП – объем импорта	Объем экспорта – CPI	Объем импорта – CPI	Объем реального ВВП – CPI
1	2	3	4	5	6	7
Болгария	1	0,923472	0,894435	0,940344	0,914942	0,911394
	2	0,882937	0,874699	0,94073	0,918267	0,923624
	3	0,898758	0,901629	0,900416	0,932105	0,925038
	4	0,942559	0,945221	0,885373	0,935919	0,92139
	5	0,923896	0,894910	0,87756	0,946227	0,917491
	6	0,861642	0,852000	0,879889	0,950347	0,914212
Украина (с 2002 г.)	1	0,904661	0,762132	0,716529	0,747794	0,870384
	2	0,784532	0,676657	0,73017	0,737834	0,867843
	3	0,567829	0,621194	0,754321	0,740427	0,838949
	4	0,499757	0,652000	0,793738	0,756365	0,802853
	5	0,546239	0,609983	0,798107	0,755329	0,788129
	6	0,516353	0,509187	0,816754	0,7736	0,749164

Окончание таблицы 2.2.1

1	2	3	4	5	6	7
Россия	1	0,965758	0,985183	0,681083	0,724749	0,779096
	2	0,871224	0,838278	0,709588	0,739383	0,758737
	3	0,72773	0,716078	0,745064	0,774664	0,73062
	4	0,656857	0,690729	0,778574	0,830887	0,688652
	5	0,669872	0,724701	0,774708	0,823665	0,645107
	6	0,594796	0,574135	0,799229	0,852833	0,623885

Примечание – Источники: [9, 26, 67, 70, 73, 102, 107].

Таблица 2.2.2 – Результаты расчета парной корреляции между динамикой реального ВВП и валютного курса национальных валют к доллару США для отдельных трансформационных экономик за период 2000–2014 гг. (1990=1)

Интервал раздвигания реакции ВВП (кварталов)	Болгария	Россия	Украина*	Интервал раздвигания реакции ВВП (кварталов)	Болгария	Россия	Украина
1	2	3	4	5	6	7	8
1	-0,48831	0,0951449	0,01953	11	-0,43525	0,37903	-0,052842
2	-0,45013	0,1361019	0,188229	12	-0,44552	0,3972264	0,212268
3	-0,39230	0,1993587	0,144255	13	-0,46986	0,3998214	0,389383

Окончание таблицы 2.2.2

1	2	3	4	5	6	7	8
4	-0,32896	0,2382186	0,189806	14	-0,48352	0,4261007	0,288768
5	-0,34508	0,2407198	0,168659	15	-0,48707	0,4726885	-0,020061
6	-0,36468	0,2442236	0,138574	16	-0,49485	0,5624995	0,179706
7	-0,38504	0,2545133	0,086432	17	-0,50436	0,5884158	0,300659
8	-0,40513	0,2619171	0,194909	18	-0,50316	0,6192349	0,095243
9	-0,41672	0,2783751	0,239961	19	-0,50765	0,6619503	-0,160085
10	-0,42820	0,3052915	0,161588	20	-0,49234	0,6937109	0,066762

Примечания – 1. Символ * означает использование статистической базы за период 2001–2014 гг.

2. Источники: [9, 26, 67, 70, 73, 102, 107]

значение коэффициент корреляции приобретает или при отсутствии интервала запаздывания реакции уровня цен на колебания экспорта, или на интервале всего в один-три месяца (один квартал). Анализ реакции уровня инфляции в странах на колебания импорта также подтвердил моментальную зависимость между этими параметрами (таблица 2.2.1).

Для подтверждения влияния экзогенных факторов на экономическую систему была проанализирована специфика колебаний валютного курса как возможного фактора изменения экспорта и импорта (таблица 2.2.2, по Республике Беларусь – см. авторскую монографию [38]).

До 1999 г. в динамике официального курса Республики Беларусь наблюдалось стабильное падение. После этого периода официальный валютный курс Национального банка стал подвергаться циклическим колебаниям кратко- и среднесрочного характера.

При приближении периода исследования к современному этапу (2000–2014 гг.) теснота связи резко увеличилась для Республики Беларусь и Российской Федерации, составив 0,6–0,71 со значительным интервалом запаздывания реакции ВВП, а для Украины и Республики Болгария она имеет не столь существенное значение (таблица 2.2.2).

Валютная политика и подходы к формированию на ее основе валютного курса на протяжении трансформационного периода не были постоянными. В Республике Беларусь, например, с 2000 по 2008 гг. устанавливался фиксированный валютный курс в форме

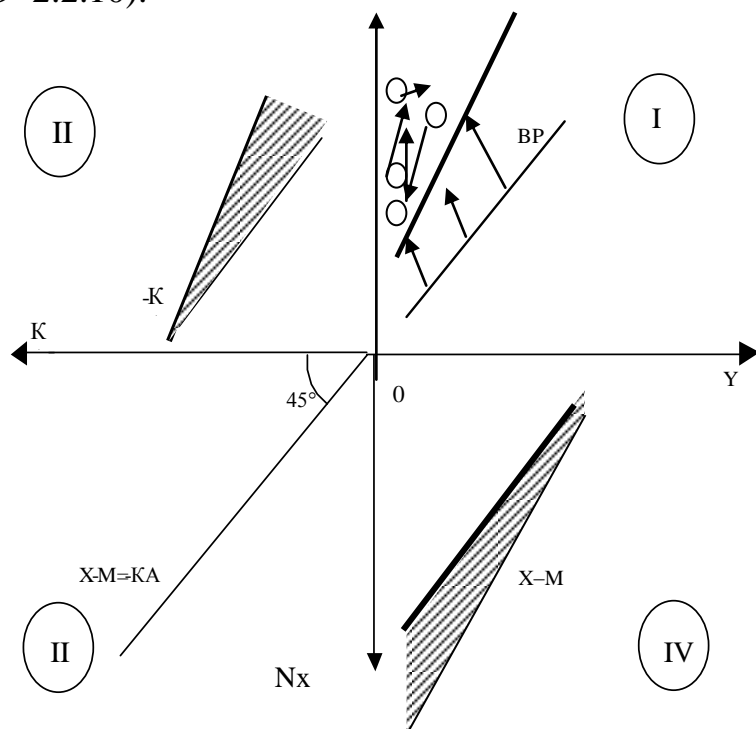
«ползучей» привязки или фиксации. Поэтому колебания валютного курса после 80-го месяца в аналитической выборке фактически отражают колебания курса российского рубля. Предполагается и дальнейшее изменение его динамики в связи с кардинальным изменением валютной политики: с 2009 г. Национальный банк перешел к реализации нового режима курсообразования (привязке курса белорусского рубля к корзине иностранных валют), с 2015 г. – к управляемому плавлению. В Республике Болгария, как одной из присоединившихся к ЕС стран, наблюдается жесткая привязка лева к курсу евро. Отсюда – разное по степени и продолжительности влияние валютных курсов на протекание экономических циклов.

Тем не менее, есть и общая закономерность: нарастание колебаний валютного курса как внешнего дестабилизирующего для системы фактора усиливает циклические проявления в макродинамике по мере углубления интеграционных процессов. Валютный курс влияет на платежный баланс, а уже через него – на процессы внутри экономической системы. Поэтому правомерно будет рассматривать влияние экспорта и импорта на ВВП как *результатирующих* от воздействия других факторов (валютного курса, внешнего долга, изменений условий торговли).

Из всего вышеизложенного можно сделать следующие теоретические выводы:

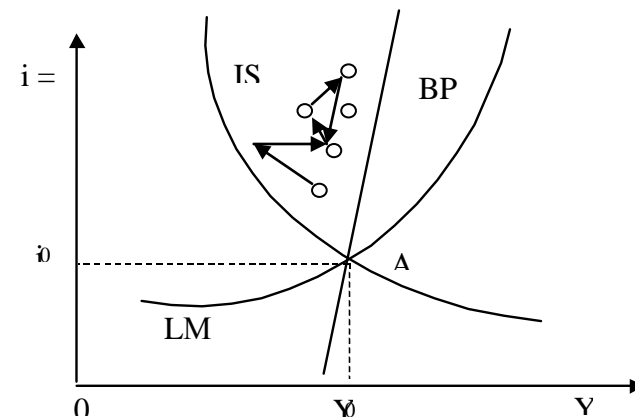
1. Для трансформационной экономики характерно устойчивое неравновесие, в том числе обусловленное внешними факторами, что изменяет методологический

подход к моделированию экономических циклов. Область циклических колебаний Y расположена в зоне, характеризующейся превышением совокупного предложения AS над совокупным спросом AD , инфляцией, отрицательным торговым балансом ($M > X$) (рисунки 2.2.9–2.2.10).

i – банковская ставка; X – экспорт; M – импорт; Nx – счет текущих операций; KA – счет движения капитала; Y – ВВП;
 P – цена; BP – линия равновесия платежного баланса

Рисунок 2.2.9 – Особенности неравновесного состояния малой открытой трансформационной экономики

i – номинальная банковская ставка; IS – линия равновесия на товарном рынке; LM – линия равновесия на денежном рынке; BP – линия равновесия платежного баланса

**Рисунок 2.2.10 – Зона циклических колебаний
макродинамики малых открытых экономик
трансформационного типа и положение
неравновесного тренда**

2. Усиливается циклообразование в экономике, обусловленное нарастанием степени открытости и, следовательно, степенью зависимости национальных экономик от цикличности производства основных торговых партнеров.

Таким образом, в антициклическом регулировании должны доминировать меры по нейтрализации внешних шоков, в том числе фискальная поддержка отрас-

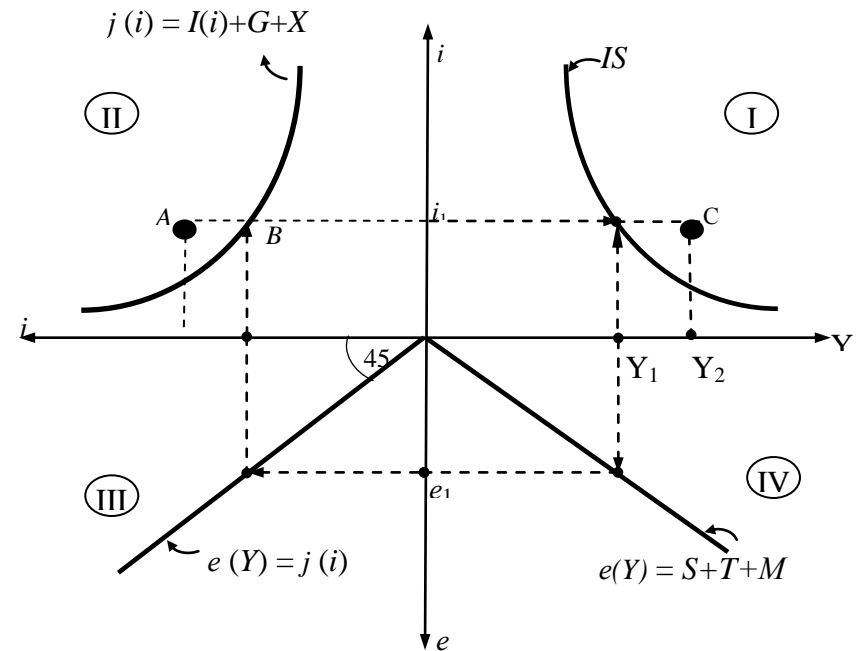
лей экспортной ориентации и инноваций, обеспечивающих увеличение доли национальной продукции на мировом рынке.

Рассмотрим влияние эндогенных факторов на протекание фаз экономического цикла. Во многих теориях инвестиции выступают или главным, или единственным фактором циклообразования (начиная от моделей Э. Хансена [106], Дж. Кларка [6] и заканчивая современными концепциями цикла Р. Айснера [7], Д. Джоргенсона [12], Дж. Форчуна [8]). Следует остановиться на последствиях циклических колебаний краткосрочного характера в динамике инвестиций, имеющих значение для выявления особенностей очередного среднесрочного цикла. При этом надо учитывать, что трансформационные системы характеризуются монополизированными рынками, слабой конкурентной средой и значительным государственным вмешательством в экономику.

Отсталая по сравнению с другими развитыми странами материально-техническая база трансформационных экономик требует интенсивных инвестиционных вливаний и соответствующей государственной политики. Рассмотрим механизм влияния инвестиций на цикл с теоретических позиций. Допустим, государство предпринимает стимулирующую фискальную политику по инвестиционной поддержке обновления основных фондов. Инвестиционный «бум» вызывает в модели $IS-LM$ в краткосрочном периоде смещение функции совокупных инъекций в экономику влево с позиции B

до A в квадранте II (рисунок 2.2.11), рост совокупного спроса до AD_2 (рисунок 2.2.12).

Следовательно, точка, показывающая краткосрочное неравновесие на товарном рынке, будет располагаться правее линии IS в квадранте I.

i – банковская ставка; e – утечки, равные сумме сбережений S , налогов T и импортных закупок M ; j – инъекции в экономику, равные инвестициям I , госрасходам G и доходам от экспорта X .

Рисунок 2.2.11 – Макроэкономическое неравновесие в модели «утечки» – «инъекции», вызванное инвестиционным «бумом»

Сокращение инвестиций, вызванное на втором этапе возросшей банковской ставкой, начнет отрицательно влиять на систему, порождая свертывание объема производства, в результате кривая AS_2 частично подвинется к исходному состоянию, по ходу повышая ставку.

Это приведет к необходимости инвестиционных инъекций правительства на четвертом этапе, следовательно, к росту совокупного спроса. Начнется очередной «бум», цикл замкнется.

Влияние инвестиций на макродинамику можно проследить также с помощью эмпирического исследования.

Вследствие роста совокупного спроса за счет инвестиций (позиция кривой AD_2) в условиях монополизированных рынков трансформационных экономик повысится уровень цен до P_2 . На первом этапе в ответ начнет расти банковская ставка до i_2 . Поэтому на следующем этапе свернется инвестиционное кредитование, что еще не отразится на экономической ситуации из-за наличия лага в ответной реакции ВВП, а от вложенных инвестиций частичная отдача будет в виде прироста объема национального производства (до AS_2) и небольшого падения цен.

В частности, благодаря проведенному анализу ежемесячных и поквартальных данных объемов ВВП и инвестиций за период трансформации экономики Республики Беларусь уточнены интервалы торможения темпов роста экономики: четвертый квартал 1993 г. —

четвертый квартал 1994 г.; третий квартал 1996 г. –
второй квартал 1997 г.; четвертый квартал 1998 г. –

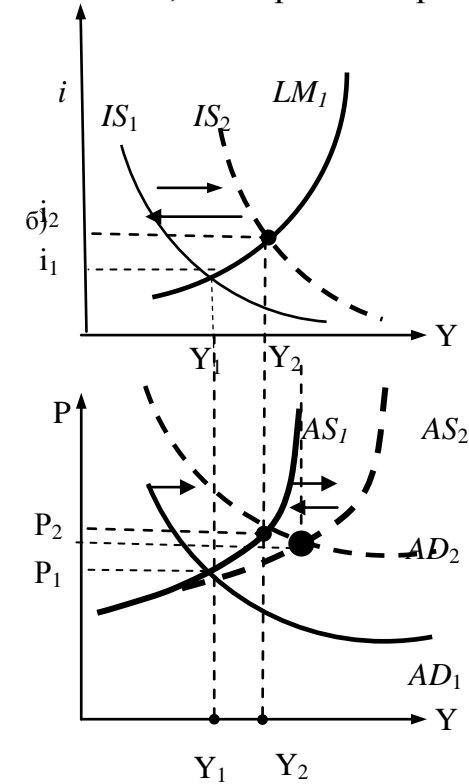

Рисунок 2.2.12 – Формирование циклических колебаний под действием инвестиционного фактора

четвертый квартал 1999 г.; четвертый квартал 2000 г. –
первый квартал 2002 г.; третий квартал 2003 г. – пер-
вый квартал 2004 г.; четвертый квартал 2011 –первый
квартал 2012 гг.; третий–четвертый кварталы 2013 г.;

четвертый квартал 2013 – первый квартал 2014 гг.; для экономики Республики Болгария: первый квартал 2000 г., четвертый квартал 2005 г., четвертый квартал 2008 г., для экономики России: первый квартал 2005 г., первый квартал 2006 г., второй квартал 2008 г.–четвертый квартал 2008 гг., четвертый квартал 2010 г. – первый квартал 2011 гг., четвертый квартал 2012 – первый квартал 2013 гг., ; для экономики Украины: третий квартал 2002 г., второй квартал 2004 г., второй квартал 2005 г.. второй квартал 2008– четвертый квартал 2009 гг.; второй квартал 2011 – третий квартал 2011 гг., второй квартал 2014–первый квартал 2015 гг.

Изучение таких отрезков в макродинамике важно для определения интервала опережения (отставания) инвестиций от динамики ВВП как индикатора цикла и имеет большое значение для уточнения поворотных зон и предсказания экономических спадов в макродинамике.

Следует отметить, что свертыванию объема ВВП предшествует падение объема инвестиций незначительно. Наличие слишком малого интервала запаздывания реакции ВВП на инвестиционные инъекции в экономику вызывает сомнение. Однако для анализа и окончательных выводов квартальные статистические данные слишком дискретны, а ежемесячную динамику инвестиций органы статистического учета не всегда отслеживают.

Аппроксимация параметров временных помесечных рядов «инвестиции в основной капитал» – «ВВП» по методу наименьших квадратов с разными интерва-

лами запаздывания реакции ВВП дала предварительно максимизацию значения коэффициента линейной корреляции на интервалах запаздывания реакции ВВП ноль месяцев (0,86–0,96) и 24–27 месяцев (0,81–0,83) (таблица 2.2.3) .

При этом сначала не принимались во внимание и исключались из выборки исследуемого материала резкие повышения объема инвестиций в конце каждого года, так как для статистического анализа необходима однородность данных временного ряда, то есть отсутствие нетипичных, аномальных явлений (аномальные данные приводят к смещению оценок и, следовательно, к искажению результата анализа). Затем исследовались первичные временные ряды полностью. Установлено, что на наличие вышеуказанных выбросов в динамике инвестиций наступала реакция ВВП практически без какого-либо интервала запаздывания. Необходимо отметить повторение этих же выбросов в динамике объема инвестиций производственного назначения.

Наличие декабрьских выбросов в динамике объема инвестиций в основной капитал связано, по нашему мнению, с *институциональными привычками, традициями* частично сохранившейся административно-командной системы хозяйствования, в частности, перераспределения финансовых ресурсов. С этой позиции объем инвестиций в экономику можно аналитически разложить на три составные части, а не на две, как обычно принято в моделях класса *МА*: автономные инвестиции, индуцированные (зависящие от величины

Таблица 2.2.3 – Результаты расчета парной корреляции между динамиками реального ВВП и объема реальных инвестиций для отдельных трансформационных экономик за период 2000–2014 гг. (1990=1)

Интервал запаздывания реакции ВВП (кварталов)	Болгария	Россия*	Украина**
0	0,895971	0,930709	0,813997
1	0,683716	0,611802	0,43071
2	0,640766	0,473996	0,404243
3	0,689725	0,50647	0,573329
4	0,796841	0,627249	0,595064
5	0,522279	0,262821	0,218705
6	0,389758	0,107041	0,236799
7	0,366694	0,125907	0,38583
8	0,417458	0,254358	0,430903
9	0,079961	-0,11723	-0,00163
10	-0,03250	-0,29196	0,06876

Примечания – 1. Символ * означает использование статистической базы за период 2003–2010 гг., символ ** – статистической базы за период 2002–2014 гг.

2. Примечание – Источники: [9, 26, 67, 70, 73, 102, 107]

совокупных доходов) и «институционально обусловленные», определяемые функционированием трансформирующихся институтов экономики.

Причины колебаний индуцированных и автономных инвестиций весьма дискуссионны, однако динамика институциональнообусловленной части инвестиций колеблется не под действием координационного механизма рыночной системы и, следовательно, не отражает рыночные циклические процессы, с какой бы декабрьской точностью они ни повторялись. По мере исчезновения субъективной причины для таких резких выбросов исчезнут и сами колебания. Кроме того, декабрьские выбросы с точки зрения теории должны уменьшаться по амплитуде по мере удаления трансформационной экономики от административно-командного типа.

Имеется и еще одна часть инвестиций, обусловленная институциональными факторами, которая рассматривается обычно как статистическая погрешность. Дело в том, что подытоженные месячные значения оперативных данных не совпадают с годовой окончательной суммой инвестиций национальной экономики. Причины кроются не только в неточностях отчетностей на уровне организаций и предприятий, ошибках или неточности агрегирования, но и в специальном приурочивании сдачи объектов строительно-монтажных работ (СМР) и отчетности об объемах ин-

вестирования именно к концу года (в целях выполнения плановых заданий и получения премий). Все это обнаруживается, как правило, в течение декабря-января. Указанная «институционально обусловленная» часть инвестиций является специфической характеристикой трансформационных преобразований, происходящих в экономике. Причина существования этой части инвестиций кроется в так называемом льготном периоде, составляющем один месяц после окончания календарного года.

В течение этого льготного месяца завершаются операции по обязательствам, принятым в период исполнения бюджета за прошедший финансовый год. Дальнейший анализ факторов циклообразования основывался на гипотезе об интерференции циклических волн разных типов, и поэтому вызывающих отличные друг от друга гармонические колебания в структуре инвестиций. Следует отметить, что такой составной части инвестиций и своеобразного статистического «выброса» в декабре каждого года нет даже в развитых странах с высоким удельным весом государственного сектора экономики (в таких странах, как Швеция, Германия, Франция, они наблюдаются, но в незначительных масштабах).

На основе корреляционного анализа предварительно выявлены несколько интервалов запаздывания реакции ВВП на инвестиционные инъекции в экономи-

ку. Такое явление может быть обусловлено двумя причинами:

1) трансформационными изменениями в структуре инвестиций (структурные волны), наложением циклических колебаний инвестиций разной целевой ориентации;

2) эффектом «цепной реакции», мультипликацией инвестиций в смежные сферы экономики, в этом случае один уровень инвестиций зависит от значений инвестиций предшествующего периода, отстоящих от исследуемого на определенный интервал времени.

Указанная гипотеза была проверена экономико-математическими методами. Согласно гипотезе, в структуре инвестиций в основной капитал Республики Беларусь следует изучить влияние на ВВП инвестиций в основной капитал производственного и непроизводственного назначения. Корреляционный анализ выявил, что наибольших значений коэффициент корреляции между параметрами ВВП и инвестициями в основной капитал производственного назначения достигает на интервалах запаздывания реакции ВВП в ноль и 10 месяцев. Примечательно то, что Э. Хансен в свое время также не обнаружил практически *никакого интервала запаздывания* между приростом инвестиций и приростом ВВП [106, с. 285]. Теснота связи линейного типа с отсутствием интервала запаздывания реакции объема

национального производства явно не соответствует целевому назначению таких инвестиций.

Предварительный анализ линейной функции парной корреляции параметров «инвестиции» – «ВВП» с разным интервалом запаздывания реакции объема национального производства дает возможность утверждать о крайне низкой степени влияния государственных инвестиций на экономическую динамику. Наибольшее значение (0,78) коэффициент корреляции имел при отсутствии интервала запаздывания, а это возможно при моментальном использовании капитала на закупку оборотных средств, без обновления техники и технологий (таблица 2.2.4).

Теоретическое положение о мультипликативном распространении циклических волн справедливо для одной, отдельно взятой сферы приложения инвестиций. Однако в экономике в целом возможны автономные области приложения различного рода инвестиций. Например, «волна» роста инвестиций в сельское хозяйство, вызванная изменением структуры потребительских расходов, внедрением новой технологии в области генетики и селекции растений, может не зависеть от «волны» роста инвестиций в производство строительных материалов, вызванной усилением процесса иммиграции трудовых ресурсов и, следовательно, дополнительной потребностью в жилье. В связи с этим наложение циклических волн, усиленных различными

инвестициями, создает причудливую картину макро-динамики.

Таблица 2.2.4 – Результаты расчета парной корреляции между динамиками реального ВВП и объема реальных инвестиций для отдельных трансформационных экономик за период 2000–2014 гг. (1990=1)

Интервал запаздывания реакции ВВП (кварталов)	Беларусь	Болгария	Россия*	Украина**
0	0,46847	0,895971	0,930709	0,813997
1	0,153386	0,683716	0,611802	0,43071
2	0,123083	0,640766	0,473996	0,404243
3	0,193521	0,689725	0,50647	0,573329
4	0,123682	0,796841	0,627249	0,595064
5	0,263182	0,522279	0,262821	0,218705
6	0,085341	0,389758	0,107041	0,236799
7	0,097996	0,366694	0,125907	0,38583
8	0,084789	0,417458	0,254358	0,430903
9	0,211045	0,079961	-0,11723	-0,00163
10	0,373248	-0,03250	-0,29196	0,06876

Примечания – 1. Символ * означает использование статистической базы за период 2003–2014 гг., символ ** – статистической базы за период 2002–2014 гг. 2. Источники: [9, 26, 67, 68, 69, 70, 73, 102, 107]

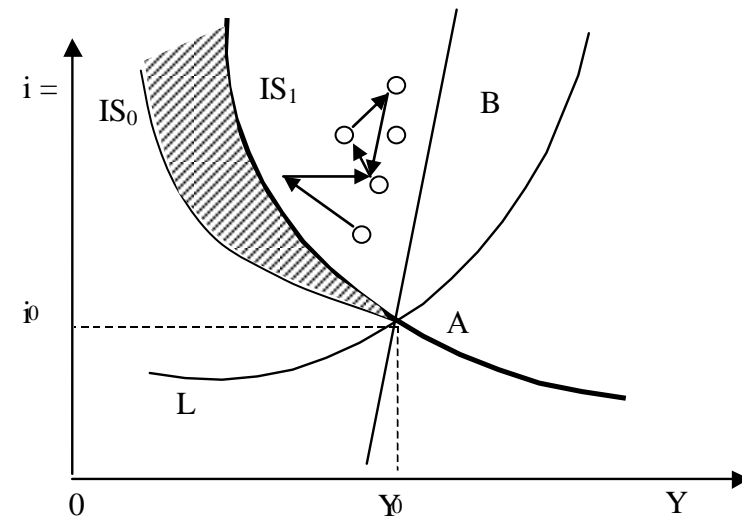
В результате исследований выявлено, что в трансформационной экономике, по сравнению со зрелыми экономическими системами, «волновая» динамика инвестиционной активности, равно как и других эндогенных факторов, резко усиливается. Она связана прежде всего с происходящими структурными изменениями в

экономике, с реформированием института собственности, хозяйственного механизма.

Большинство представителей современных западных школ придерживаются мнения о тесной обратной зависимости инвестиций и уровня банковской ставки (зависимость Хикса). Сравнение помесечной динамики объема инвестиций в основной капитал с динамикой реальной банковской ставки дает основание утверждать о наличии между ними тесной моментальной обратной связи (коэффициент корреляции по разным национальным экономикам составил 0,84–0,99). Но из-за низкой инвестиционной привлекательности трансформационных экономик такая функциональная зависимость будет располагаться в известной графической модели $IS-LM-BP$ ближе к вертикальному положению IS_I , сужая тем самым зону циклических колебаний между линиями внутреннего равновесия IS и внешнего равновесия BP . Циклические колебания, описываемые макродинамикой, располагаются в зоне, отмеченной кругами (рисунок 2.2.13).

Таким образом, по сравнению со зрелыми экономическими системами «волновая» динамика инвестиционной активности в трансформационной экономике резко усиливается (увеличивается амплитуда колебаний). Она связана с происходящими резкими структурными изменениями в самой экономике, отсутствием развитой рыночной инфраструктуры, способной эффективно передавать импульс от вливания инвестиций по всей экономике.

Из-за низкой эффективности функционирования переходных элементов инфраструктуры (прежде всего рынка ценных бумаг и кредитного рынка), сохранения остатков командно-бюрократической системы циклическая динамика индуцированных инвестиционных волн значительно распределена во времени.

IS – кривая, характеризующая равновесие на товарном рынке;
 LM – кривая, характеризующая равновесие на денежном рынке;
 $i=r$ – равенство номинальной (i) и реальной (r) банковских ставок при неизменности цен; Y – объем ВВП

Рисунок 2.2.13 – Зона циклических колебаний в модели $IS-LM-BP$ для трансформационной экономики с учетом специфики поведения инвестиций

В итоге суммарный «профиль» наложения инвестиционных волн обладает характерными периодическими провалами инвестиционной активности.

Интервал периода запаздывания ВВП на объем инвестиций в основной капитал практически отсутствует, что не характерно для долгосрочной отдачи от инвестиций. Такой результат свидетельствует только о том, что эффект от инвестиционных вливаний в экономику значительно распределен во времени и потому не имеет сколько-нибудь выраженного долгосрочного лага.

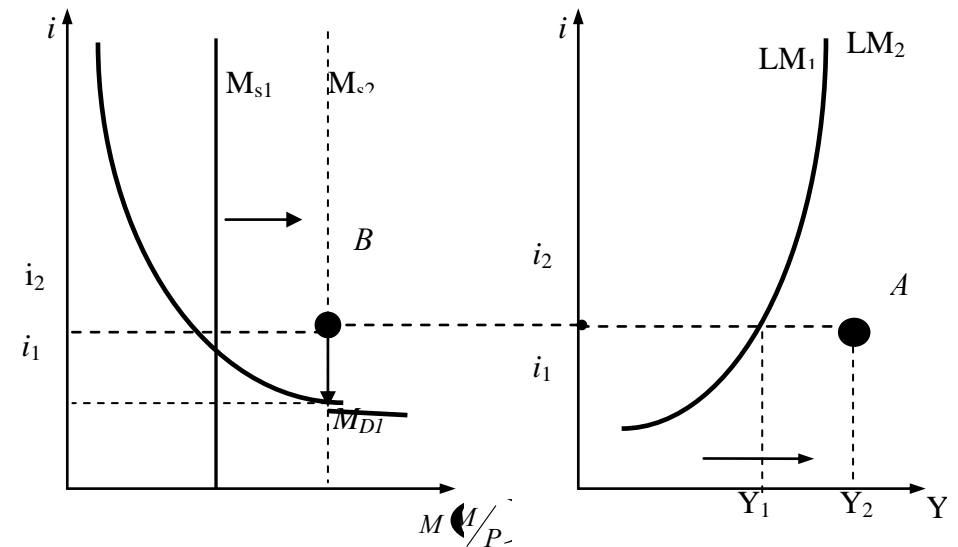
Это положение доказывает необходимость выбора методологии диагностики и моделирования циклических процессов с применением специфического математического аппарата — авторегрессии с распределенным лагом.

Нами проведено также исследование, касающееся эндогенных факторов монетарной природы и состоятельности монетаристских теорий циклов. Выявлено, что монетарные факторы, в том числе вызванные денежно-кредитной политикой центральных банков, также могут выступать дополнительным фактором циклообразования. На это указывают также работы ряда российских и белорусских экономистов (Дементьевой Л.В. [36], Ильина М.В. [42], Каллаура П.В. [44]).

Рассмотрим их влияние с концептуальной точки зрения с применением графического моделирования. Например, решение центрального банка о расширении

денежной массы обуславливает в экономике неравновесие, характеризующееся позицией A на рисунке 2.2.14.

В краткосрочном периоде дополнительная денежная масса увеличит номинальные доходы и номинальный объем ВВП с Y_1 до Y_2 . При этом предложение денег станет превышать спрос на них (позиция B).

M_D – спрос на деньги; M_s – предложение денег;
 $M(M/P)$ – денежная масса (реальная денежная масса);
 LM – кривая, характеризующая равновесие на денежном рынке

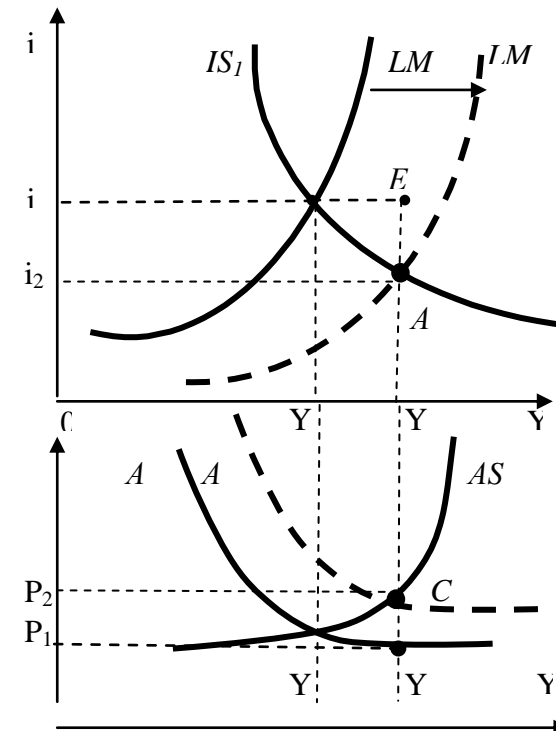
**Рисунок 2.2.14 – Неравновесие в экономике,
 вызванное монетарным
 фактором в модели $IS-LM$**

Рост денежной массы на первом этапе не ведет к снижению банковской ставки, так как для трансформационных экономик характерен выраженный «эффект храповика». Относительно отсталая материально-техническая база не может обеспечить оперативное внедрение ресурсосберегающих технологий, как в развитых странах. Изменение совокупного спроса в такой ситуации не вызовет изменения цен производителей. В результате «эффект храповика» станет причиной, препятствующей появлению реакции банковской ставки на влияние денежной массы.

На первых этапах происходит номинальное увеличение совокупного спроса, в том числе инвестиционного (рисунок 2.2.15). Номинальный рост инвестиций не ведет к значительному реальному приросту ВВП: в условиях адаптации субъектов к сложившейся хронически финансовой нестабильности растут сбережения, а влившаяся избыточная денежная масса поглощается переводом сбережений в иностранную валюту. В результате экономика недополучает часть инвестиций. Ситуация провоцирует дальнейшие действия центрального банка по наращиванию денежной массы в целях стимулирования развития экономики. Круг замкнется.

Эмпирическим доказательством причастности денег к циклическим колебаниям ВВП является установление корреляционной зависимости между денежной массой и объемом национального производства. Проведен анализ статистических данных по Республике

Беларусь, Республике Болгария, Российской Федерации, Украине (таблицы 2.2.5– 2.2.7, рисунки 2.2.16– 2.2.17).

AD – совокупный спрос на товарном рынке;
 AS – совокупное предложение на товарном рынке; Y – объем ВВП; IS – кривая равновесия между объемом ВВП и банковской ставкой i ; LM – кривая равновесия на денежном рынке

Рисунок 2.2.15 – Формирование циклических колебаний под действием монетарного фактора

Таблица 2.2.5 – Результаты расчета парной корреляции между динамикой реального ВВП и некоторыми показателями денежно-кредитного рынка Республики Беларусь за период 2000–2014 гг. (2000=100)

Интервал наблюдения реакции ВВП (месяцев)	ВВП – реальная ставка рефинан- сирования	ВВП – реаль- ная процент- ная ставка по новым креди- там	ВВП – реаль- ная процент- ная ставка по новым депо- зитам	ВВП – реаль- ная процент- ная ставка по валютным кредитам	ВВП – реаль- ная процент- ная ставка по валютным депозитам	ВВП – офи- циальный обменный курс доллара США
1	-0,0612895	-0,087989	0,036933	-0,0316286	-0,019594	0,5991106
2	-0,0028097	-0,02869	0,1074361	-0,0964016	-0,086025	0,5838949
3	-0,0161705	-0,0422382	0,0916027	-0,0446293	-0,035155	0,5701574
4	0,05392476	0,00357374	0,1518105	-0,0814491	-0,07148	0,572112
5	0,02873886	-0,0341008	0,1254984	-0,1178405	-0,108283	0,5603087
6	-0,1305039	-0,1850606	-0,042102	-0,1112572	-0,102043	0,5570588

Примечание – Источники: [68, 69]

Таблица 2.2.6– Результаты расчета парной корреляции между динамикой объема реального ВВП и некоторыми показателями денежно-кредитного рынка Болгарии, России, Украины за период 2000–2014 гг. (1990=1)

Страны	Болгария		Россия		Украина	
Интервал запаздывания реакции ВВП (кварталов)	ВВП – реальная процентная ставка по краткосрочным кредитам	ВВП – базовая учетная ставка	ВВП – процентная ставка по краткосрочным кредитам	ВВП – процентная ставка по депозитам	ВВП – процентная ставка по краткосрочным кредитам	ВВП – процентная ставка по депозитам
1	-0,303845	-0,39052	-0,28891	-0,26149	-0,42425	0,033499
2	-0,459293	-0,36645	-0,3525	-0,20938	-0,48314	-0,04142
3	-0,325937	-0,32635	-0,3775	-0,16533	-0,44648	0,072083
4	-0,160841	-0,2813	-0,39809	-0,10632	-0,42456	0,084356
5	-0,211591	-0,25984	-0,42384	0,010503	-0,53028	-0,02769
6	-0,186563	-0,32023	-0,45175	0,167401	-0,64661	-0,08652

Примечание – Источники: [9, 26, 67, 70, 73, 102, 107]

Таблица 2.2.7 – Итоги расчета коэффициента парной корреляции с лаговой объясняющей переменной между ВВП и реальными денежными агрегатами Республики Беларусь, млрд. руб. (дек. 1994=100)

Лаг запаздывания реакции ВВП (месяцев)	M0 – ВВП	M1 – ВВП	M2 – ВВП	M3 – ВВП
1	2	3	4	5
1	0,877503	0,85153	0,85111	0,82833
2	0,876772	0,86575	0,84692	0,82532
3	0,862492	0,84397	0,82776	0,82211
4	0,852369	0,81511	0,81824	0,81994
5	0,840265	0,80984	0,81253	0,81662
6	0,828011	0,78540	0,80393	0,81320
7	0,828268	0,75621	0,80950	0,81203
8	0,832120	0,76197	0,81756	0,80898
9	0,839611	0,76052	0,82024	0,81151
10	0,849629	0,77087	0,82917	0,81447

Продолжение таблицы 2.2.7

1	2	3	4	5
11	0,859761	0,80572	0,83632	0,81263
12	0,863935	0,80924	0,82960	0,81017
13	0,859944	0,80792	0,82689	0,80892
14	0,853096	0,82834	0,82010	0,80633
15	0,853096	0,80657	0,79910	0,80295
16	0,840528	0,77974	0,78875	0,79972
17	0,824416	0,77720	0,78168	0,79630
18	0,811119	0,75192	0,77340	0,79255
19	0,797830	0,72167	0,77954	0,79059
20	0,794539	0,72887	0,79077	0,78806
21	0,798154	0,72914	0,79205	0,79173
22	0,808347	0,74373	0,80321	0,79189
23	0,816833	0,78776	0,81167	0,78946
24	0,828446	0,79605	0,80619	0,78660
25	0,835876	0,79519	0,80528	0,78433
26	0,830102	0,81726	0,79795	0,77991
27	0,822214	0,79441	0,77765	0,77446

Окончание таблицы 2.2.7

1	2	3	4	5
28	0,810310	0,76471	0,76913	0,76957
29	0,789309	0,75881	0,75994	0,76427
30	0,774809	0,73481	0,75214	0,75831
31	0,762181	0,69870	0,75736	0,76018
32	0,756761	0,69857	0,76434	0,75463
33	0,760465	0,69157	0,77121	0,75586
34	0,771414	0,69579	0,78675	0,76552
35	0,777125	0,73183	0,80112	0,76363
36	0,7938034	0,76318	0,79796	0,76062
37	0,7910015	0,75762	0,79488	0,75505
38	0,7747605	0,74955	0,78364	0,74723
39	0,753889	0,73000	0,75288	0,72960
40	0,6856342	0,66200	0,73272	0,68517
41	0,6086891	0,61372	0,71637	0,64853
42	0,5708403	0,59439	0,69851	0,62205

Примечание – Источники: [68, 69]

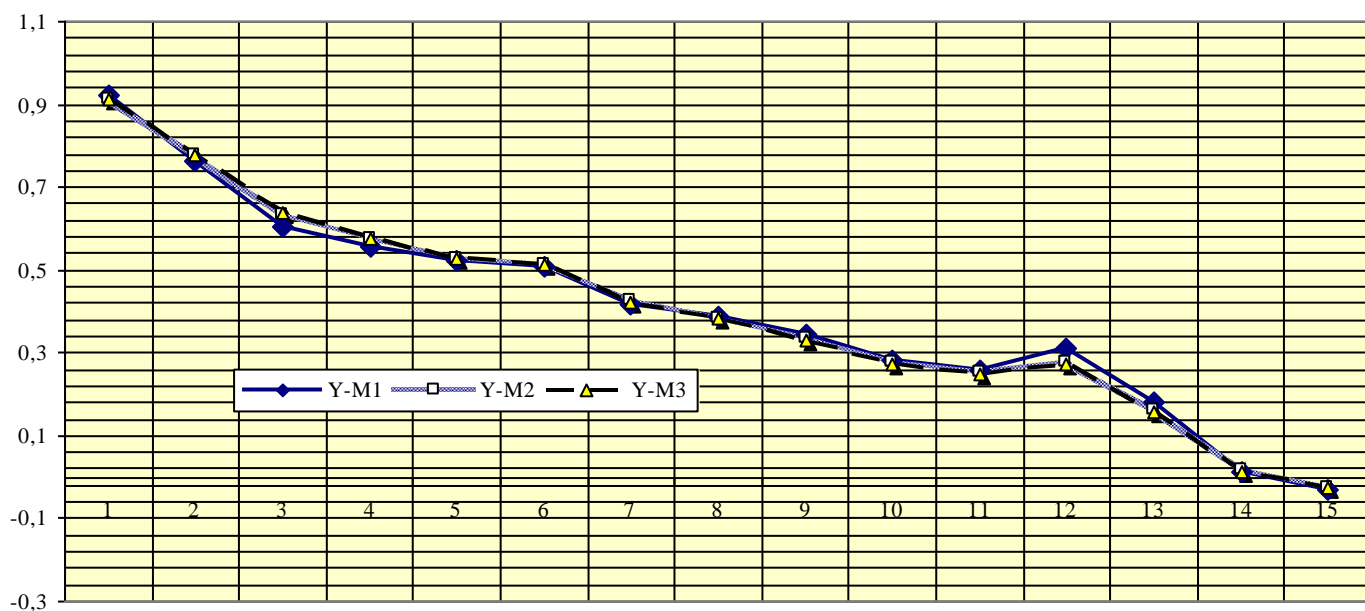

Рисунок 2.2.16 – Значения коэффициента корреляции между агрегатами М1, М2, М3 и ВВП (млн. долл., 1990=1) Украины

Примечание – 1. Лаг запаздывания реакции ВВП указан по горизонтальной оси (кварталов), значение коэффициента корреляции – по вертикальной оси. 2. Источники: [9, 70].

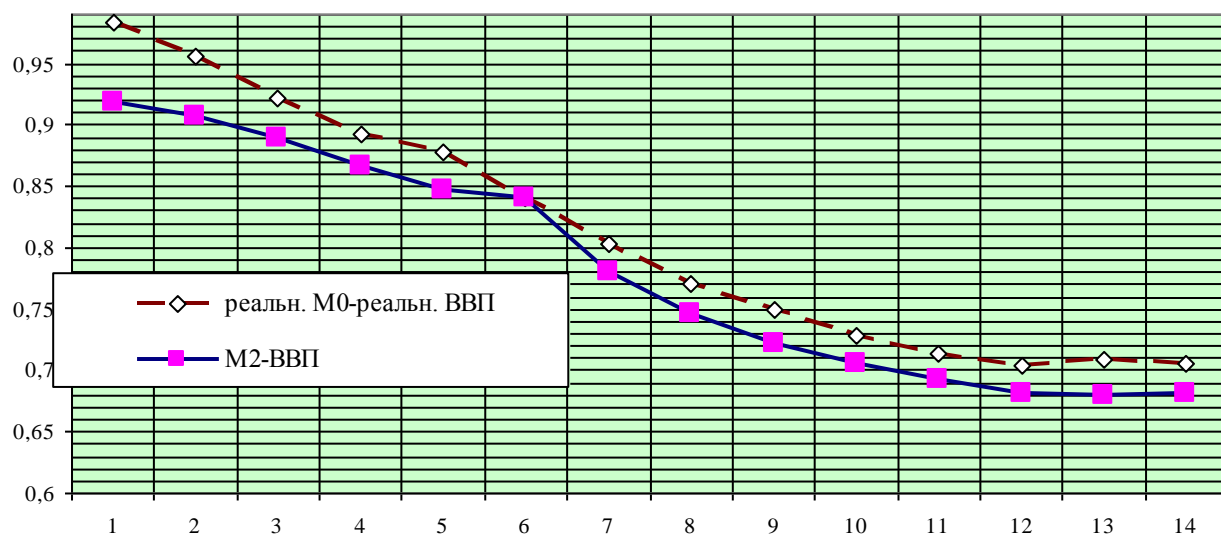

Рисунок 2.2.17 – Значения коэффициента корреляции между денежными агрегатами и ВВП (млрд. долл., 1990=1) Российской Федерации

Примечание – 1. Лаг запаздывания реакции ВВП указан по горизонтальной оси (кварталов), значение коэффициента корреляции – по вертикальной оси. 2. Источники: [9, 73, 102, 107]

В отношении трансформационных экономик можно выдвинуть гипотезу о том, что именно из-за неразвитости финансового рынка, особенно его инфраструктуры, отмечаются медленная реакция экономики на денежное вливание и затяжное распространение волнового импульса от расширения денежных агрегатов.

На это указывают результаты расчета тесноты связи между ВВП и денежными агрегатами M_0 , M_1 , M_2 и M_3 , затяжная реакция запаздывания ВВП, тогда как между поворотными зонами этот интервал запаздывания составляет только четыре в одних, и пять-шесть месяцев (два квартала) – в других случаях. Имеет значение тот факт, что в промежуток времени, равный 12 кварталам, отрезок времени продолжительностью в два квартала укладывается несколько раз (рисунок 2.2.18 и таблица 2.2.8).

В частности, практические результаты анализа корреляционной зависимости между денежным агрегатом M_0 и объемом реального ВВП Республики Беларусь показали, что теснота связи между ними укладывается в четыре выраженные волны (рисунок 2.2.18). Аналогичные, но менее выраженные волны наблюдаются в значениях корреляции между объемом ВВП и другими денежными агрегатами.

Таким образом, реакция макродинамики на изменение денежной массы носит пролонгированный во времени и неравномерный характер. **Неустойчивый характер** зависимости служит косвенным доказательством того, что между динамикой денежных агрегатов

и ВВП нет *прямой* связи согласно уравнению Фишера, как трактуют монетаристы.

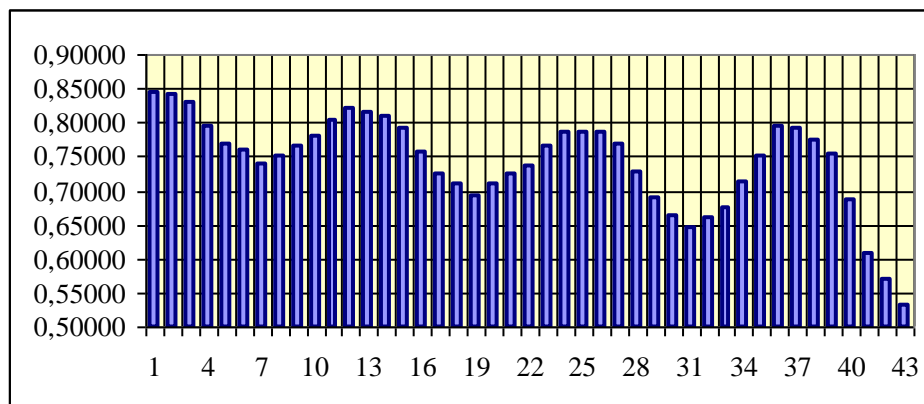

Рисунок 2.2.18 – Распространение мультипликативного эффекта от расширения денежной массы M_0 в экономике Республики Беларусь (уровень парной корреляции M_0 –ВВП)

Примечания – 1. Использована статистическая база за период 2000–2014 гг.; 2. По горизонтальной оси – интервал запаздывания реакции ВВП, месяцев; по вертикальной оси – значение коэффициента корреляции между денежным агрегатом M_0 и ВВП; 3. Источники: [68, 69]

Продолжительность влияния денежной массы на ВВП впечатляет – почти 3 года (для сравнения в развитых странах согласно исследованиям М. Фридмена – от 12 до 18 мес.) (таблица 2.2.8).

Таблица 2.2.8 – Итоги расчета коэффициента корреляции между ежемесячным приростом реального ВВП и ростом реальных денежных агрегатов на основе обработки статистических данных за период 2000–2014 гг.

	M ₀		Денежная база		M ₁	M ₂	M ₃
Интервалы запаздывания реакции ВВП на изменение денежных агрегатов	12 мес.	36 мес	12 мес.	36 мес.	34-36 мес.	34-36 мес.	34-36 мес.
Значение коэффициента для:							
Республики Беларусь	0,810	0,791	0,883	0,670	0,768	0,798	0,765
Республики Болгария	0,841	0,703	0,882	0,760	0,810	0,818	0,826
Российской Федерации	0,952	0,925	0,974	0,825	0,914	0,939	0,987
Украины	0,559	0,543	0,508	0,496	0,510	0,585	0,582

Источники: [9, 26, 67, 68, 69, 70, 73, 102, 107]

Динамика денежных агрегатов M_0 , M_1 , M_2 и M_3 начала описывать регулярные и четкие колебания с интервалом 10–12 месяцев после 2000 г. (рисунок 2.2.19), что свидетельствует об усилении взаимосвязи между элементами нарождающейся экономической системы, так как именно эндогенные по своей природе циклические импульсы способны быстро передаваться в зрелых системах, с хорошо отлаженным координационным механизмом.

В рамках исследований влияния эндогенных факторов циклообразования монетарной природы на макродинамику нами проведен анализ влияния валютного курса, банковской ставки, обязательных резервов, денежной базы на краткосрочные циклические процессы в динамике объема ВВП. Корреляционный анализ кредитно-банковских рычагов с разными интервалами запаздывания реакции ВВП показал результаты, которые частично противоречат позиции белорусского ученого К.В. Рудого, предложившего в качестве индикаторов цикла использовать такие показатели, как денежные агрегаты, валютный курс, валютные резервы, процентные ставки, курсы ценных бумаг и биржевые индексы [85]. По результатам предварительных исследований можно констатировать, что значительное влияние на динамику объемов национального производства Республики Болгария, Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины оказывает только официальный обменный курс (таблицы 2.2.5, 2.2.9).

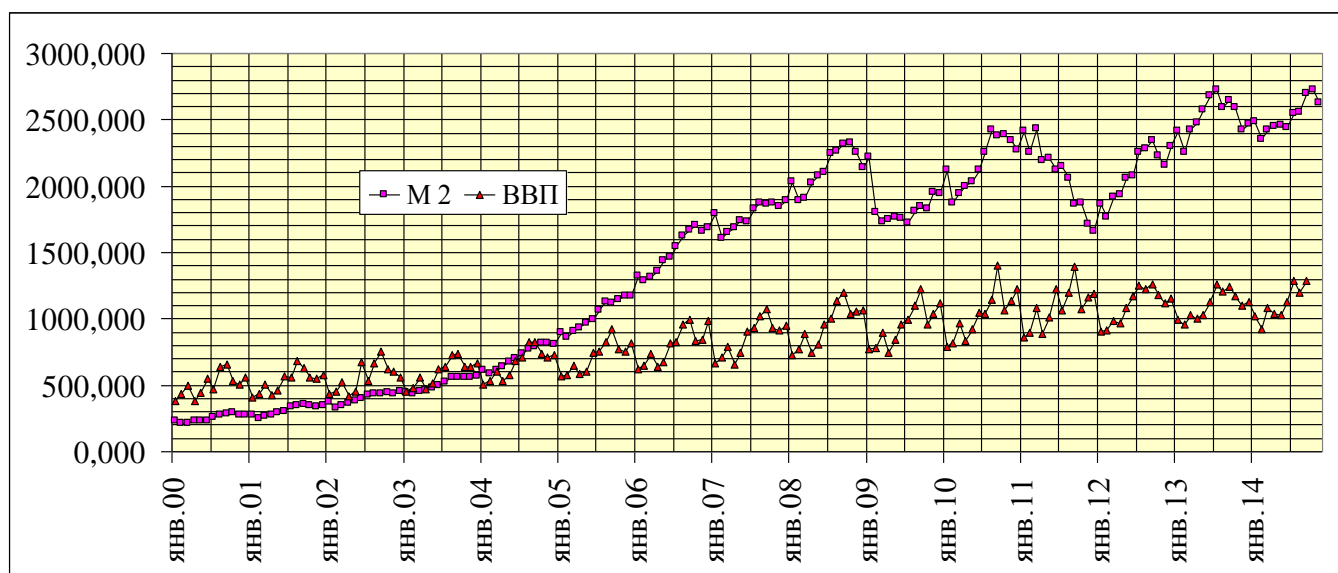

Рисунок 2.2.19 –Динамика объема реального ВВП, (млн. руб., 1999=100) и объема реальной денежной массы (агрегат М₂) Республики Беларусь за 2000–2014 гг.

Примечание – Источники: [68, 69]

Таблица 2.2.9 – Результаты расчета парной корреляции между динамикой реального ВВП и валютного курса национальных валют к доллару США для отдельных трансформационных экономик за период 2000–2014 гг. (1990=1)

Интервал апаздывания реакции ВВП (кварталов)	Болгария	Россия	Украина*	Интервал апаздывания реакции ВВП (кварталов)	Болгария	Россия	Украина
1	-0,48831	0,0951449	0,01953	11	-0,43525	0,37903	-0,052842
2	-0,45013	0,1361019	0,188229	12	-0,44552	0,3972264	0,212268
3	-0,39230	0,1993587	0,144255	13	-0,46986	0,3998214	0,389383
4	-0,32896	0,2382186	0,189806	14	-0,48352	0,4261007	0,288768
5	-0,34508	0,2407198	0,168659	15	-0,48707	0,4726885	-0,020061
6	-0,36468	0,2442236	0,138574	16	-0,49485	0,5624995	0,179706
7	-0,38504	0,2545133	0,086432	17	-0,50436	0,5884158	0,300659
8	-0,40513	0,2619171	0,194909	18	-0,50316	0,6192349	0,095243
9	-0,41672	0,2783751	0,239961	19	-0,50765	0,6619503	-0,160085
10	-0,42820	0,3052915	0,161588	20	-0,49234	0,6937109	0,066762

Примечания – 1. Символ * означает использование статистической базы за период 2001–2010 гг. . Источники: [9, 26, 67, 70, 73, 102, 107]

По результатам статистического анализа влияния валютного курса на протекание экономических циклов можно сделать вывод, что резкое изменение валютных курсов приводит к переоценке предпринимателями и домохозяйствами иерархии потребностей пирамиды Маслоу, а значит, к деформации предпочтений субъектов. Рациональное поведение субъектов экономики, основанное на принципе «минимум затрат»— «максимум выгоды», находит свое отражение в наращивании валютных сбережений, сокращении потребления, свертывании бизнеса, расширении спекулятивных валютно-обменных операций. Таким образом усугубляется фаза кризиса цикла.

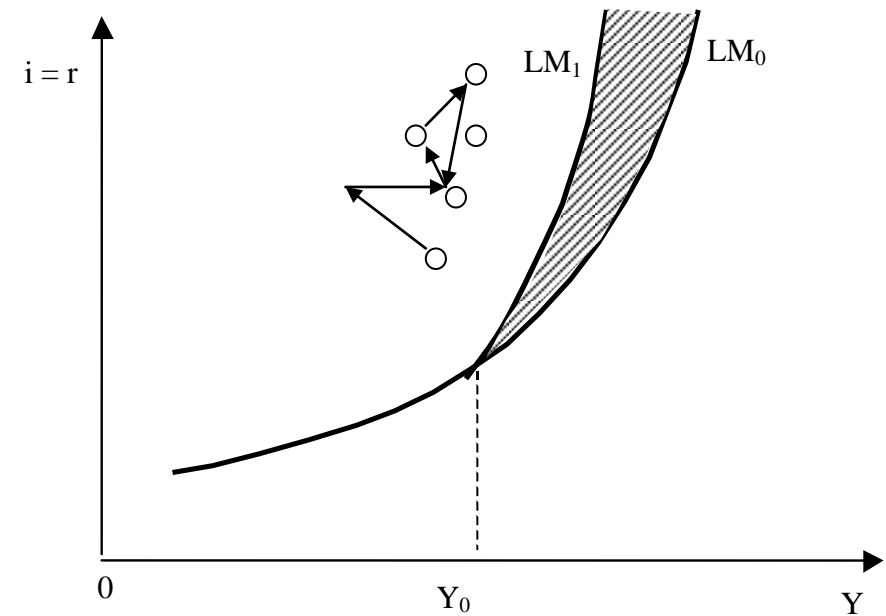
Банковские процентные ставки (таблицы 2.1.6, 2.1.7) не имели существенного влияния на изменение объема производства (значение корреляции меньше порогового значения 0,5). После 2000 г. реальные ставки в указанных экономиках получили положительные значения и стали по своему уровню более устойчивыми. Однако кризис 2008–2009 (2007–2011 гг.) показал, что ставки рефинансирования центральных банков оторвались от динамики ставок по депозитам и кредитам и перестали играть роль эффективного антикризисного рычага. Так, в Республике Беларусь даже в послекризисный период 2011–2013 гг. отмечался рост ставок по кредитам и депозитам при снижающейся ставке рефинансирования, так что Национальный банк вынужден был ввести штрафные санкции против коммерческих банков, завышающих ставки по кредитам [66].

Результаты анализа показали также, что динамика денежного агрегата M_2 в конечном итоге отражает также результаты изменений денежной базы, (наличные деньги и обязательные резервы), так как коэффициент корреляции между динамикой агрегата M_2 и денежной базой по рассматриваемым трансформационным экономикам выше 0,9. Наличие инфляционных процессов на протяжении всех лет трансформации, слабая реакция ВВП на изменение банковской ставки дают основание утверждать, что линия LM в модели $IS-LM-BP$ для трансформационных экономик по сравнению с развитыми странами располагается ближе к вертикальной позиции LM_1 , а циклические колебания макродинамики отмечаются в зоне выше и левее линии LM (рисунок 2.2.20).

Кроме того, в экономиках не наблюдается эффект «ликвидной ловушки», так что отрезок линии LM в зоне $0-Y_0$ не имеет горизонтального участка. Влияние государственной политики на функционирование банковских систем значительно, поэтому в течение ряда лет в период трансформации имели место отрицательные реальные ставки [26, 68, 70, 107].

На основании проведенных исследований монетарных факторов циклообразования можно сделать следующие выводы:

1. Денежно-кредитные показатели начинают оказывать более значительное влияние на динамику ВВП,

LM – кривая равновесия на денежном рынке

Рисунок 2.2.20 – Зона циклических колебаний в трансформационной экономике с учетом специфики реакции ВВП на банковскую ставку

в связи с этим правомерно предполагать, что их научное применение будет играть существенную роль в эффективности стабилизационных национальных политик XXI века. Воздействие монетарных факторов (как эндогенных по своей природе) на механизм циклообразования в трансформационных экономиках усилится в связи с развитием кредитно-денежных институтов рынка.

2. Динамика денежных агрегатов M_0 , M_1 , M_2 , M_3 может служить для национальных экономик в качестве надежных опережающих индикаторов поворотных зон экономических циклов. Наиболее показателен в этом смысле денежный агрегат M_2 , имеющий наибольший интервал опережения динамики ВВП в три-четыре месяца. Обменный курс не годится на эту роль из-за ничтожно малого интервала реакции со стороны ВВП на изменение валютного курса.

3. Реакция ВВП на изменение денежных агрегатов в трансформационных экономиках носит затяжной во времени и более отдаленный по лагу характер по сравнению с развитыми странами.

Посредством монетарных факторов нельзя в полной мере объяснить протекание краткосрочных циклических процессов. В результате эмпирического анализа динамики объема ВВП выявлено наличие циклических колебаний других частот, чем у денежной массы и, следовательно, обусловленных немонетарными факторами, прежде всего, фискальными (вызванными налогово-бюджетной регулирующей политикой правительства). Эконометрический анализ составляющих процесса циклообразования в Республике Беларусь, проведенный на основе статистической базы 1994–2014 гг., выявил ведущую роль монетарных факторов (денежного агрегата M_2 и индекса потребительских цен с лагом опережения динамики ВВП на 11–12 месяцев). Однако в результате эмпирического анализа динамики объема ВВП [40, с. 281, 285, 288, 291, 295, 299] выявлено

наличие циклических колебаний других частот, чем у денежной массы и, следовательно, обусловленных немонетарными факторами.

Важная роль в циклических процессах принадлежит институциональным факторам. В трансформационных экономиках они занимают особое место, так как с институциональных реформ начинается такой переход. Не все из них статистически определяемы и количественно идентифицированы, в связи с чем не могут быть применены в экономико-математических моделях циклообразования. Например, ежемесячные экспертные оценки уровня конкурентной среды, степени разработанности норм хозяйственного права не ведутся в Беларуси. В этом отношении институциональная составляющая в теории циклообразования для трансформационных экономик является малоисследованным и перспективным научным исследованием.

Формальным и неформальным институтам и их роли в трансформации экономической системы посвящены работы российских экономистов Н.Г. Барашова [21], Э.И. Мантаевой [59], А.В. Семенкова [86], Ф.М. Урумовой [100]. На наш взгляд, наиболее малоисследованным аспектом является влияние неформальных институтов на макродинамику вообще, и циклическую – в частности.

Влияние неформальных институтов проявляются прежде всего в выработке у населения стандарта экономического поведения – специфической реакции на затянувшиеся инфляционные процессы (перевод сбережений в иностранную валюту, уход в теневой биз-

нес, недоверие к ценным бумагам). Важную роль играют сложившаяся за многие годы политика дотирования социально значимых производств, степень контроля государства над финансовой системой, курс на формирование социально ориентированной экономической системы.

Среди неформальных институтов важное значение имеет уровень развития конкурентной среды. В период трансформации демонополизация, приватизация государственности и создание конкурентной среды находят выражение в уровне концентрации производства, измеряемом статистически.

Госрасходы, социальные трансферты, особенно дотации и субсидии, также можно рассматривать как показатели, косвенно определяющие интенсивность институциональных реформ. Для осуществления реформ необходимы определенные активные меры со стороны государства по их финансированию. Поэтому с нарастанием интенсивности проведения последних увеличивается и объем финансирования указанных мероприятий. Социальные трансферты из консолидированного бюджета косвенно характеризуют степень сознательного искажения государством рыночного механизма в направлении социальной ориентации.

Среди экономических макропоказателей, характеризующих институциональный аспект системы, можно выделить также долю прямых налогов в ВВП.

Именно прямые налоги относятся к встроенным стабилизаторам в экономике, позволяют автоматически приспособляться экономике к смене фаз экономического цикла без каких-либо дополнительных мер со стороны государства. Однако косвенные налоги таковыми не являются по своей природе. Они в бóльшей степени обеспечивают фискальные сборы в казну, чем выполняют регулирующую функцию. Поэтому доля прямых налогов характеризует степень «рыночности» координационного механизма. Чем больше доля прямых налогов в ВВП, тем более гибка реакция экономики на смену фаз цикла.

В условиях активного вмешательства правительства и Нацбанка в ход реформ инфляция становится частично институциональным фактором циклообразования в той мере, в какой обуздана правительством и учтена в комплексе мероприятий кредитно-денежной политики. Она в значительной степени испытывает влияние институциональных изменений.

Влияние отдельных институциональных факторов на систему неодинаково на протяжении всего трансформационного периода: одни факторы оказывают усиленное воздействие на циклическую динамику, другие – напротив, слабое. Конкретную оценку уровня этого воздействия можно провести с применением экономико-математических методов.

В частности, уровень безработицы, обусловленный институциональными изменениями, является типичной формой проявления неравновесия на рынке труда. Имеет место неудовлетворенный спрос на рабочую силу, сопутствующий официальной безработице. Экономикам недостает квалифицированных кадров для функционирования новых инфраструктурных элементов (бирж, аукционов, фондовых торгов). В то же время интенсивно ликвидируются административно-командные структуры, многие специалисты с высшим образованием оказываются невостребованными на рынке труда (институциональная безработица). Их переквалификация занимает определенный период.

В трансформационных экономиках возникает, таким образом, запаздывание реакции рынка труда на изменения в системе. В связи с этим показатель уровня безработицы в отличие от лидирующих индикаторов экономических циклов зрелых экономических систем [14], не способен быть лидирующим индикатором для трансформационных экономик, по крайней мере, на первых стадиях развития. Это положение доказывается как эмпирическим сопоставлением амплитуд и времени колебаний динамики объемов национального производства и уровней безработицы Республики Болгария, Республики Беларусь, Российской Федерации, Украины, так и на основе анализа корреляционной зависимости (таблица 2.2.10). Для Республики Беларусь

специфична прямая, а не обратная связь между темпами прироста ВВП и уровнем безработицы, что в принципе противоречит закону Оукена. Однако в 2015 г. наблюдается формирование обратной зависимости, чему успешно способствовало принятие нашумевшего закона «о тунеядцах» (декрет «О предупреждении социального иждивенчества» от 02.04.2015).

Таблица 2.2.10 – Значения коэффициента парной линейной корреляции между уровнем безработицы (%) и темпами прироста объема реального ВВП отдельных трансформационных экономик, млн. долл. (1990=1)

Интервал запаздывания реакции ВВП (кварталов)	Беларусь	Болгария	Россия	Украина
0	0,103743	-0,92237	-0,81641	-0,76863
1	0,224014	-0,91457	-0,81901	-0,75124
2	0,452911	-0,88303	-0,69412	-0,61035
3	0,318191	-0,88017	-0,7148	-0,59542

Примечание – Источники: [9, 26, 67, 68, 69, 70, 73, 102, 107]

Структурный кризис принимает в трансформационной экономике затяжной характер, и это является дополнительной причиной несоответствия динамики уровня безработицы фазам среднесрочного экономического цикла. Трансформационная экономика испытывает инвестиционный «голод» из-за необходимости массового обновления устаревшего основного капитала. В частности, В Республике Беларусь средний воз-

раст оборудования ведущих отраслей экономик находится за пределами 15 лет, а коэффициент обновления колеблется в пределах 1,5–4,0 % в год. Поэтому и структурная безработица в ближайшем будущем будет составлять значительную долю в общей безработице. Кроме того, сохранение административно-командной системы и бюрократии на всех уровнях тормозит процесс обновления материально-технической базы, что придает структурной безработице частично институциональный характер. Наблюдается и другая, более скрытая форма проявления структурных сдвигов: наличие несоответствия между квалификацией работников и квалификацией рабочих мест, что подтверждается отдельными исследованиями экономистов [109, с. 66–67; 75].

Проявлением неравновесия на рынке труда, вызванным институциональными факторами, является теневая (скрытая) безработица. В период трансформации плановой экономики в рыночную такая форма безработицы распространяется особенно широко.

Указанные институциональные аспекты безработицы не находят отражения в официально регистрируемом уровне безработицы. Происходящие структурные сдвиги находят выражение не в росте уровня безработицы, а в нарастании доли лиц, работающих не по специальности.

Важным институциональным показателем выступает уровень концентрации производства. Концентрация производства фактически характеризует уро-

вень развития конкурентной среды. Зарубежные экономисты еще в 70-х гг. XX в. доказали тесную связь цикличности экономики с изменением уровня концентрации производства (Р. Хоукинс [10]). Демонополизация, приватизация госсобственности и создание конкурентной среды в период трансформации находят выражение в уровне концентрации производства, измеряемом статистически в индексах Лернера и Херфиндаля (как вариант: индекс Херфиндаля-Хиршмана).

Демонополизация не всегда сопровождается изменением уровня концентрации производства, но в большинстве случаев высокий уровень концентрации производства порождает монополизм. В зрелых рыночных экономических системах, давно столкнувшихся с явлением монополий и объективной необходимостью антимонопольного регулирования, накоплен значительный опыт по учету уровня монотополизации. Монотополизация экономики может приобретать как скрытые, не регистрируемые официальной статистикой формы (вертикальная скрытая соподчиненность через скупку контрольных пакетов акций, личная уния), так и официальные формы, фиксируемые статистически.

Существует несколько способов измерения концентрации производства. В развитых странах мира для оценки степени монотополизации экономики принято рассчитывать индекс Херфиндаля (Н) как сумму квадратов удельных весов масштабов производства фирм отрасли в общеотраслевом производстве. Этот индекс подсчитывается при наличии информации о долях всех фирм на рынке, что не всегда фиксируется официаль-

ной статистикой, особенно в трансформационной экономике, где проблема регулирования уровня концентрации производства и рынка слабо изучена. Индекс концентрации рассчитывается в отраслевом, а не продуктовом разрезе, как в зарубежной статистике (Е.П. Борушко [23]). Он в большей степени отражает нарастающие затруднения малых и средних фирм в усложняющейся экономической ситуации, чем собственно концентрацию производства, так как именно такие фирмы обладают ограниченными ликвидными ресурсами и в предкризисный период первые испытывают затруднения с финансами для новых циклов воспроизводства. В результате при общем сохранившемся зарегистрированном числе фирм возрастает удельный вес крупных производителей, и следовательно, значение индекса Херфиндаля.

В Республике Беларусь не подсчитывается общепринятый в мире индекс Херфиндаля. С сер. 90-х гг. подсчитывался уровень концентрации промышленного производства, основанный на выделении динамики производства 4-6 основных производителей в стратегических отраслях экономики (энергетике, нефтехимии). Проведенный предварительный анализ концентрации производства по официальным статистическим данным показал значительную дифференциацию ее уровня в зависимости от отрасли промышленности. Наибольшая концентрация производства наблюдается в отраслях топливно-энергетического и добывающего комплекса Республики Беларусь: электроэнергетика, топливная промышленность, черная и цветная метал-

лургия [69, 92, 93]. Высокий уровень концентрации производства обусловлен здесь или самим характером производства, или естественной монополией.

Однако такая методика подсчета концентрации производства не отражает реальное состояние дел в условиях высокой инфляции и делает их несопоставимыми во времени. Фиксируемая с 1991 г. в статистическом ежегоднике Беларуси дифференциация промышленных предприятий по группам была ошибочна по своей методике подсчета, так как основывалась на группировке данных *в разрезе определенных предельных границ масштабов производства в денежном измерении*. К примеру, не представляется возможным сопоставить долю производства группы предприятий с объемом продукции (услуг) от 500 до 1000 млн. руб. за 1991 и за 2011 г., так как за это время объем производства номинально многократно вырос в тысячи раз.

В связи со сложившейся ситуацией нами произведен авторский подсчет уровня индекса Херфиндаля (индекса H) с 2000 по 2014 гг. в ежемесячном разрезе на основе общепринятой формулы (1) по более чем 2800 зарегистрированных в Беларуси фирм и организаций:

$$H = S_1^2 + S_2^2 + S_3^2 + \dots + S_N^2, \quad (1)$$

где S_1 – доля рынка у фирмы, обеспечивающей наибольший объем поставок,

S_2 – доля рынка следующего по величине поставщика и т.д.

Значение индекса H колеблется либо от 0 до 1, либо от 0 до 10000 в зависимости от того, представляется ли доля каждой фирмы в процентах или в пунктах от общеотраслевого уровня. Например, для чистой монополии доля единственной фирмы отрасли будет $S_1 = 100\%$, а доля рынка у всех остальных фирм равна нулю. При таких обстоятельствах индекс H как квадрат этой доли равнялся бы 10000, или в пунктах – 1,00. Рынок с 10 фирмами одинакового размера (доля каждого составляла бы 10 %) мог бы быть охарактеризован индексом $H=1000$. Если бы рынок состоял из 100 фирм одинакового размера (каждая, следовательно, с долей рынка, равной 1 %), индекс H принял бы значение 100.

Этот индекс используется в США на практике министерством юстиции для оценки монополистической власти на рынке. Неконцентрированным считается рынок при индексе $H=1000$ или менее. Принято считать рынок с высокой концентрацией производства при индексе H на уровне 1800 и более.

За основу расчета брались статистические данные с наименьшей степенью дискретности – ежемесячные, так как в этом случае более четко проступают зоны наложения одних циклических колебаний на другие в исследуемом показателе (концептуальный подход плюрализма циклообразования и наложения волн краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных циклов). Результаты расчета индекса H в помесечном разрезе приведены на рисунке 2.2.21.

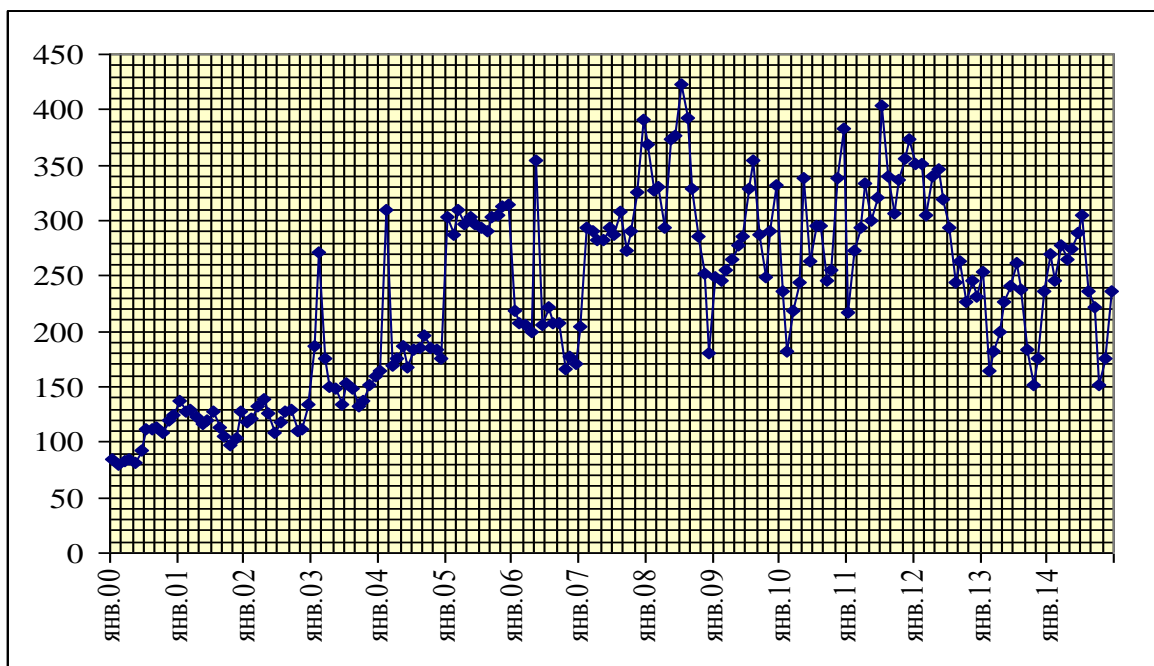

Рисунок 2.2.21 – Индекс Херфиндаля (индекс Н) по промышленному производству Республики Беларусь за период 2000–2014 гг.

Источники первичных данных: собственная разработка на основе формы отчетности 1-пром Управления индексов промышленного производства Национального статистического комитета Республики Беларусь.

Доказательством важности уровня концентрации производства для динамики трансформационной экономики является результат корреляционного анализа зависимости динамик индекса Н и объема ВВП. По результатам анализа коэффициент парной корреляции между индексом Н и объемом реального ВВП Республики Беларусь на основе помесечных данных за период 2000–2014 г. имеет относительно высокое значение (0,64). Однако предварительные расчеты нельзя считать точными: они справедливы только для процессов, связанных моментальной зависимостью. На практике же между динамикой концентрации производства и реакцией объема ВВП на нее существует некий интервал запаздывания, который возможно определить путем проведения корреляционного анализа с лаговой объясняющей переменной между индексом Н и объемом ВВП. Результат статистического анализа по Республике Беларусь подтвердил пролонгированный эффект: значение коэффициента корреляции возрастало до 0,7 и выше на интервалах запаздывания реакции ВВП в 4, 7–8 мес.

Для более точного анализа взаимосвязи циклических «выбросов» в динамиках индекса Херфиндаля и объема ВВП применен спектральный анализ (*ППП STATISTICA 7*). Результаты сопоставления частот в колебаниях обоих показателей приведены на рисунке 2.2.22. Одна из частот по крайней мере, совпадает.

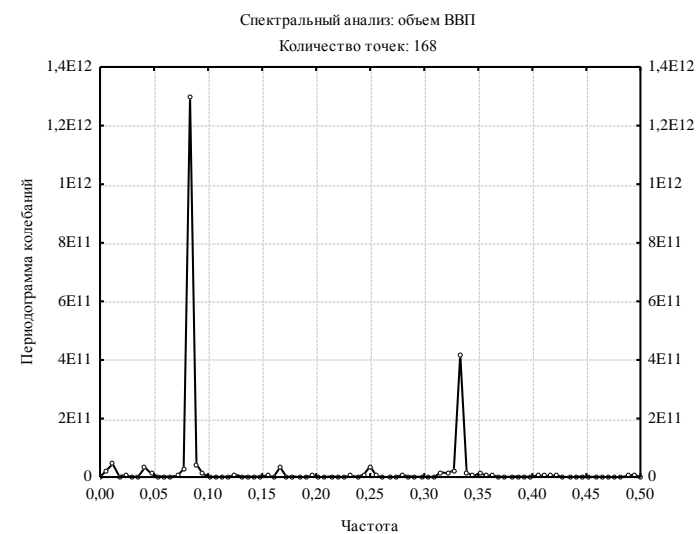
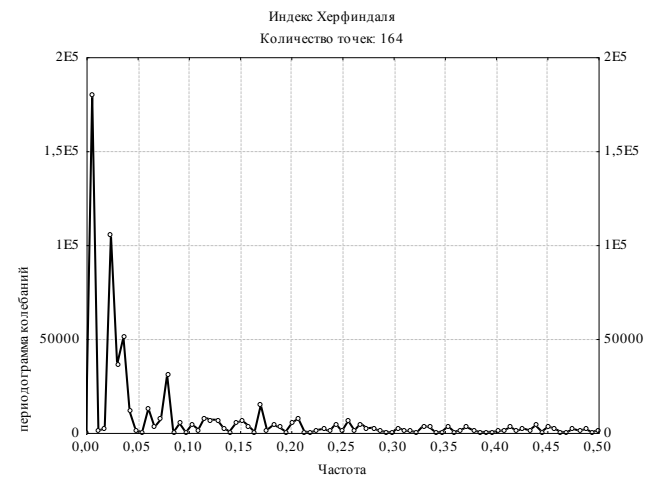

Рисунок 2.2.22 – Сравнительный анализ частот колебаний индекса Херфиндаля и объема ВВП Беларуси

Примечание – Источник: собственная разработка на основе данных Национального статистического комитета.

Таким образом, приведенные результаты анализа подтверждают важность:

1) учета уровня концентрации производства для моделирования циклообразования ВВП;

2) использования его в качестве раннего диагностического лидирующего индикатора предстоящего кризиса.

Факт отражения первых кризисных явлений на уровне концентрации производства по сути подтвердили также исследования российского экономиста Г. Ханина [105, с. 22], выявив первоочередное влияние кризиса 2008 г. на мелкие и средние фирмы.

Трансформационная экономика ориентирована на активную роль государства, что еще более придает государственному регулированию характер институционального циклообразующего фактора. В связи с этим представляет интерес экономический анализ влияния фискальных рычагов на волновую динамику объемов ВВП рассматриваемых стран. К таковым, в частности, относятся налоговые сборы, включая прямые; доходы, расходы и сальдо консолидированного бюджета, объем фискальных платежей, включая субсидии и дотации.

В последние годы появились исследования, не только подтверждающие роль фискальной политики в циклообразовании, но и доказывающие специфический, проциклический (а не ациклический, как в зрелых экономических системах) характер фискальной политики *в странах с формирующимися рынками*

(Ц. Калдерон, К.С. Хеббел [5]; Р. Кабальеро, А. Кришнамурти [4]; П. Лейн [13], А. Алезина, Дж. Табелини [2], М. Айольфи [1]). С целью выявления этой зависимости нами было проведено исследование влияния на объем ВВП показателей совокупных налоговых сборов, доли налогов в ВВП, доли прямых налоговых сборов в ВВП, объема госрасходов, объема сальдо и доходов консолидированного бюджета.

Для оценки влияния прямых налогов на макроэкономику использованы статистические и экономико-математические методы: расчет коэффициента корреляции, спектральный анализ. Первоначально была проанализирована теснота связи между динамикой объема реального ВВП и объемом реальных налоговых сборов в консолидированный бюджет на основе расчетов коэффициентов линейной корреляции (таблицы 2.2.11–2.2.14) .

Результаты показывают, что между усилением прямой налоговой нагрузки на экономику и ростом ВВП существует обратно пропорциональная зависимость практически без интервала запаздывания, что и следовало ожидать с позиции представителей теории предложения (согласно кривой Лаффера).

Возможно, что связь между уровнем налогообложения и динамикой ВВП опосредована колебаниями объема инвестиций, так как интервал запаздывания реакции ВВП отсутствует как в отношении инвестиций, так и в отношении налогов.

В таком случае напрашивается вывод: колебания инвестиций не являются исходной причиной колебаний макродинамики, а вызываются, кроме прочего, институциональным фактором – колебаниями доли прямых налогов в ВВП.

Таблица 2.2.11– Значения коэффициентов парной корреляции реальных макропоказателей при различных интервалах запаздывания реакции реального ВВП Украины на основе статистических данных за период 2000–2014 гг.

Интервал запаздывания реакции Y (кварталов)	Коэффициент линейной корреляции Y – T	Коэффициент корреляции Y – G	Коэффициент корреляции Y – Trг	Коэффициент корреляции Y – сальдо госбюджета	Коэффициент корреляции Y – доходы госбюджета	Коэффициент корреляции Y – CU
1	2	3	4	5	6	7
0	0,946983	0,93801	0,95544	-0,13636	0,944905	0,794924
1	0,758396	0,646464	0,610258	0,157204	0,744606	0,705923
2	0,531053	0,489142	0,436827	-0,00384	0,515272	0,653454
3	0,50871	0,544036	0,486129	-0,12265	0,531864	0,530351
4	0,466431	0,570681	0,491922	-0,29706	0,501937	0,523758
5	0,341973	0,267309	0,176415	0,216913	0,360331	0,403419
6	0,161399	0,126012	0,025253	0,040776	0,147732	0,316104
7	0,189565	0,228196	0,124889	-0,11198	0,203924	0,307632

Примечание – Источники: [9, 70]

С теоретической точки зрения указанная зависимость очевидна. В макроэкономике известен мульти-

пликативный эффект от изменения пропорциональной налоговой ставки. Но эта зависимость не является одномоментной и потому не обнаруживается с помощью обычных экономико-математических инструментов. Причина – в отставленном и пролонгированном во времени эффекте от повышения (снижения) налогов,

Таблица 2.2.12 – Итоги расчета коэффициента парной корреляции с лаговой объясняющей переменной между объемом реального ВВП и объемом прямых налоговых сборов в консолидированный бюджет Беларуси за период 2000–2014 гг.

Интервал запаздывания реакции ВВП (месяцев)	ВВП – доля прямых налогов от ВВП	ВВП – объемы прямых налоговых сборов
1	2	3
0	-0,0851	0,86398
1	0,042895	0,8
2	0,111378	0,766695
3	0,003389	0,708772
4	0,161131	0,629384
5	0,260436	0,603627
6	0,159011	0,604109
7	0,325012	0,64006
8	0,299706	0,715291
9	0,064637	0,777687
10	0,085366	0,795918
11	0,0243	0,83267
12	-0,24262	0,817558
13	-0,17387	0,747048
14	-0,10795	0,687847
15	-0,17525	0,623879

Окончание таблицы 2.2.12

1	2	3
16	0,011907	0,521393
17	0,146311	0,496853
18	0,048273	0,492624
19	0,248143	0,542441
20	0,234187	0,637518
21	-0,00602	0,712429
22	-0,0109	0,710639
23	-0,06576	0,759403
24	-0,31704	0,774488
25	-0,24118	0,670662
26	-0,16305	0,599077
27	-0,21299	0,535466
28	-0,04668	0,406521
29	0,125055	0,392943
30	0,037062	0,389451
31	0,187224	0,409853
32	0,241689	0,55691
33	-0,04472	0,600932
34	-0,06527	0,603357
35	-0,1033	0,686707
36	-0,38916	0,66422

Примечание – Источники: [68, 69]

сказывающемся на изменении инвестиций в разных отраслях по принципу цепной реакции (динамические модели экономики). При обработке первичных данных методом построения АКФ в динамике совокупных налоговых сборов обнаруживается наиболее яркая циклическая волна с продолжительным периодом (приблизительно семь с половиной лет). Волна аналогичной продолжительности была ранее отмечена при

исследовании динамики инвестиционных потоков. В связи с этим предположение о том, что колебания инвестиций являются прямым следствием динамики налогообложения, приобретает доказательную основу.

Попытки выявления тесноты связи между усилением налогового давления на экономику в целом и динамикой ВВП трансформационных экономик привели к следующим результатам. Во-первых, с позиций линейного корреляционного анализа эта зависимость не всегда существенна, с интервалом запаздывания реакции ВВП в три-пять месяцев (максимальный коэффициент корреляции по странам составил от 0,45 до 0,94) и носит характер прямой зависимости. Исследование статистической базы Республики Беларусь, Республики Болгария, Российской Федерации, Украины за период 2000–2014 гг. позволяют сделать вывод об усилении зависимости динамики ВВП от уровня налогообложения в современных условиях.

Во-вторых, разница в интервалах запаздывания реакции ВВП трансформационных экономик на изменение доли прямых налогов (ноль месяцев) и доли всех налогов (один квартал – пять месяцев) связана с различным мультипликативным влиянием прямых (пропорциональных) и косвенных (аккордных) налогов на макродинамику. Однако косвенные сборы, как оказалось, недостаточно коррелированы с динамикой ВВП (максимальный коэффициент корреляции достигнут на интервале пять месяцев и составил 0,24).

Дальнейший анализ влияния фискальных рычагов на циклообразование в трансформационных экономи-

ках был проведен относительно доходов, расходов и сальдо консолидированного бюджета. Статистическая проверка временного ряда доходов консолидированного бюджета выявила ситуацию, аналогичную результатам анализа временных рядов прямых и совокупных текущих налоговых сборов: наблюдалась автокорреляция.

В связи с наличием автокорреляции временного ряда было бы неточным использовать объем доходов консолидированного бюджета в качестве фактора, влияющего на циклообразование. Более качественные результаты дало бы использование относительной величины – доли доходов консолидированного бюджета в ВВП. Но в доходы консолидированного бюджета включены неналоговые доходы, слабо связанные с дискреционной политикой государства. Отсюда следует, что в моделировании факторов циклообразования будет более точным применение показателя доли налоговых сборов, особенно прямых, чем доли совокупных доходов государственного бюджета в объеме ВВП.

Изменение госрасходов является реакцией правительства на протекание очередной фазы цикла. Поэтому в данном случае имело смысл анализировать влияние на макродинамику не доли госрасходов в ВВП, а непосредственно самого объема расходов консолидированного бюджета (таблицы 2.2.11–2.2.14).

Результаты исследования показали, что наибольшего значения коэффициент корреляции между указанными данными достигал при отсутствии ин-

тервала запаздывания реакции ВВП: 0,80 на базе данных 1994–2006 гг. и 0,86 на базе данных 2000–2014 гг.

Таблица 2.2.13 – Значения коэффициентов парной корреляции реальных макропоказателей при различных интервалах запаздывания реакции реального ВВП Болгарии на основе статистических данных за период 2000–2014 гг.

Интервал запаздывания реакции Y (кварталов)	Коэффициент линейной корреляции Y – T	Коэффициент линейной корреляции Y–G	Коэффициент линейной корреляции Y–доля T от Y	Коэффициент линейной корреляции Y–дефицит госбюджета	Коэффициент линейной корреляции Y–CU	Коэффициент линейной корреляции Y–доходы госбюджета
1	2	3	4	5	6	7
0	0,8179	0,9183	-0,309	0,1386	0,8265	0,1386
1	0,7390	0,7745	-0,070	0,3803	0,4561	0,38023
2	0,6449	0,8155	0,1807	0,2565	0,4807	0,2565
3	0,6811	0,8543	0,1216	0,1356	0,5967	0,1356
4	0,7566	0,6646	-0,048	0,1769	0,6472	0,1769
5	0,7081	0,6990	0,3124	0,5392	0,2971	0,5393
6	0,5577	0,7675	0,5977	0,4007	0,3411	0,4007
7	0,5069	0,7961	0,4475	0,1386	0,4501	0,13856

Примечание – Источники: [9, 26, 67]

Однако статистическая проверка качества уравнения линейной регрессии между указанными параметрами показала недостаточную достоверность этой связи. Попытки подбора функциональной зависимости между указанными параметрами не привели к удовлетворительным результатам.

Таблица 2.2.14 – Значения коэффициентов парной корреляции реальных макропоказателей при различных интервалах запаздывания реакции реального ВВП Российской Федерации на основе статистических данных за период 2000–2014 гг.

Интервал запаздывания реакции Y (кварталов)	Коэффициент линейной корреляции $Y - T$	Коэффициент линейной корреляции $Y - G$	Коэффициент линейной корреляции Y –доля T от Y	Коэффициент линейной корреляции Y –дефицит госбюджета	Коэффициент линейной корреляции Y –доходы госбюджета
1	2	3	4	5	6
0	0,89223	0,8659	0,0544	0,0307	0,9163
1	0,807	0,7373	0,0587	0,2132	0,8926
2	0,726	0,6961	0,1410	0,1615	0,8055
3	0,6597	0,6692	0,1766	0,1014	0,7493
4	0,6404	0,7636	0,3035	0,2259	0,8029
5	0,5451	0,6824	0,2389	0,4002	0,8098
6	0,4852	0,6746	0,3405	0,4591	0,7770
7	0,4487	0,6272	0,3312	0,4234	0,7070

Примечание – Источники: [9, 73, 102, 107]

Причина кроется в том, что объем налоговых сборов является функцией двух величин – средней ставки налогообложения и объема ВВП. В связи с этим в функциональной математической зависимости динамики ВВП от объемов прямых налоговых сборов наблюдается автокорреляция параметров. Следовательно, для выявления специфики циклообразования необходим анализ влияния относительной величины – доли прямых налоговых сборов на макродинамику.

Кроме того, с применением экономико-математических методов подтверждается неэффективность использования доли госрасходов от ВВП в качестве объясняющей переменной: максимальный коэффициент парной корреляции при обработке данных по Республике Беларусь за период 1995–2005 гг. достигал при двухмесячном интервале запаздывания реакции ВВП и был равен всего -0,21 (в то же время при обработке данных за период 2000–2014 гг. – соответственно 0,32 при восьмимесячном интервале запаздывания). Характерен в большинстве случаев знак минуса, свидетельствующий об обратной зависимости между рассматриваемыми параметрами. Такой же результат наблюдается с корреляцией сальдо госбюджета и объема реального ВВП изучаемых трансформационных экономик (таблицы 2.2.11–2.2.14). Значения корреляции между объемами госрасходов и ВВП по Республике Болгария составили 0,52, по Российской Федерации – 0,87, по Украине – 0,95, что еще раз подтверждает высокую степень контроля государства над финансами

национальных экономик и большое влияние величины госрасходов на протекание фаз экономического цикла.

Результаты обработки временного ряда объема госрасходов показали меньшую автокорреляцию, чем другие показатели фискальной политики. Иными словами, вливание в экономику госрасходов только частично вызывает распределенную во времени волновую реакцию повышения совокупных доходов и совокупного спроса. Это связано, по нашему мнению, с целевой направленностью части госрасходов на поддержание убыточных производств.

На основе теоретического анализа институциональных изменений в трансформационных экономиках можно предположить, что по мере продвижения по пути рыночных преобразований будет сокращаться система государственных субсидий и дотаций, она будет носить более адресный характер, будет увеличиваться количество субъектов хозяйствования, переходящих на режим самофинансирования. В связи с этим представляется логичным провести анализ влияния уровня дотаций, социальных трансфертов на циклообразование в трансформационной экономике.

Наибольшее значение коэффициент парной корреляции объема реального ВВП Беларуси и объема субсидий из консолидированного бюджета за период 2003–2014 гг. имеет на интервале запаздывания в три месяца: 0,66 (на основе обработки временных рядов 2003–2008 гг. при интервале в три месяца – 0,7468). Для других стран корреляция между объемом ВВП и объемами социальных трансфертов составляет более

0,8 на интервале запаздывания реакции ВВП в один квартал. Теснота зависимости существенная. Таким образом, по результатам эмпирического и статистического анализа субсидий из консолидированного бюджета их можно считать важным институциональным фактором, воздействующим на краткосрочные циклические колебания ВВП.

Анализ влияния сальдо консолидированного бюджета не подтвердил ожидаемые теоретические положения об эффективности госбюджета как антициклического института в трансформационных экономиках: наибольший коэффициент линейной корреляции между месячными данными за исследуемый период наблюдался на интервале запаздывания в десять месяцев и составил всего 0,1336. Таким образом, результаты наших исследований совпадают с выводами латиноамериканских исследователей о процикличности фискальной политики.

Подборы любых нелинейных функциональных уравнений между динамикой сальдо консолидированного бюджета и объемом ВВП не дали сколько-нибудь значительных результатов. Следовательно, сальдо консолидированного бюджета нельзя трактовать в качестве фактора, влияющего на формирование циклических колебаний отдельных макропоказателей и в результате – на формирование экономического цикла. Предположительно это связано, во-первых, с отсутствием опыта антициклического регулирования в трансформационных экономиках и, следовательно, с недостаточно эффективным использованием фискаль-

ных мер стабилизации экономики, во-вторых, – с целевым использованием части госрасходов на содержание госаппарата, на реализацию конкретной модели рыночной системы.

Таким образом, цикличность экономических процессов в трансформационных экономиках обнаруживается не только в динамике объема ВВП, но и в динамиках отдельных макропоказателей, тесным образом связанных с результатами хозяйственной деятельности экономики.

В результате проведенного эмпирического и статистического анализа институциональных факторов можно утверждать, что для циклообразования в трансформационной экономике специфичны следующие аспекты:

1) Тесная зависимость колебаний ВВП от доли налоговых сборов в ВВП, величины госрасходов, объема социальных трансфертов, в частности, субсидий из консолидированного бюджета. Следовательно, государство как институт оказывает значительное влияние на процесс формирования экономических циклов.

2) Необусловленность циклической динамики малых и средних волн в ВВП уровнем официальной безработицы. На *данном этапе* уровень безработицы не может служить надежным индикатором циклов из-за наличия значительной скрытой безработицы.

3) Высокая зависимость циклических колебаний ВВП от степени концентрации производства. Предположительно происходит следующее: перед началом очередного торможения темпов роста или фазы спада

мелкие предприятия и организации испытывают более значительные финансовые трудности по сравнению с крупными, у них быстрее происходит «вымывание» оборотных средств, что приводит к росту показателя степени концентрации производства при сохранении общего числа фирм.

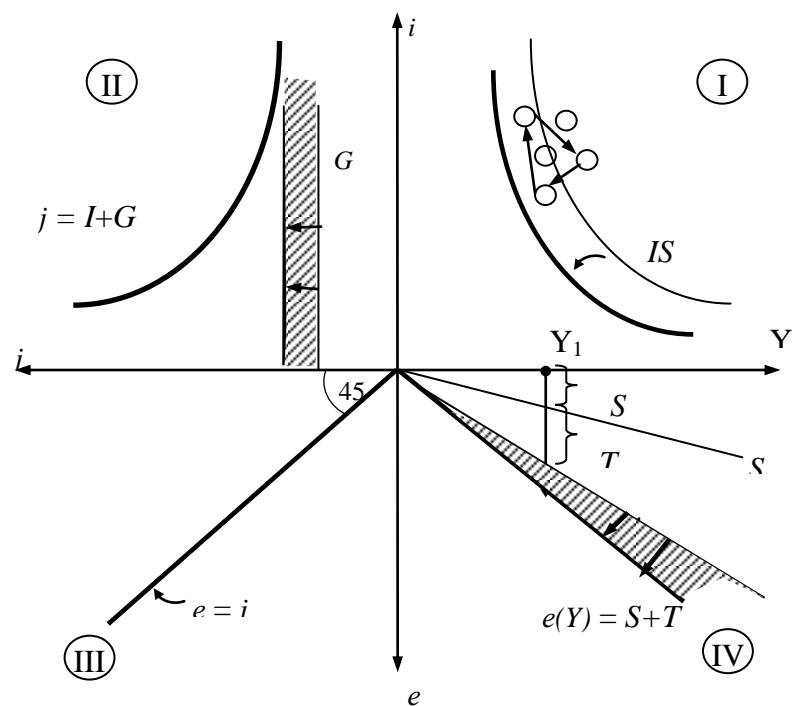
4) Невыраженный антициклический характер сальдо консолидированного бюджета, более напоминающий проциклическую динамику. В трансформационной экономике значительная часть расходов обусловлена стратегией построения конкретной модели рынка, что определяет высокий уровень госрасходов и социальных трансфертов даже в периоды ускорения ежемесячных темпов роста. Кроме того, преобладающая часть налоговых сборов являются косвенными и не пропорциональны изменению совокупных доходов.

Выявленные институциональные факторы динамики ВВП в той или иной мере выдвинулись на эту роль из-за специфических процессов трансформации. Их влияние на ВВП следует учитывать в дальнейшем при выработке антикризисных мер. По мере развертывания трансформационных процессов возможно изменение влияния этих факторов на циклические колебания.

Обнаруженная разница в интервалах запаздывания реакции ВВП на изменение доли прямых налоговых сборов в ВВП и доли совокупных налогов связана с разным мультипликативным влиянием прямых (пропорциональных) и косвенных (аккордных) налогов на макродинамику. В связи с этим, во-первых, возможна

разная цикличность, вызванная косвенными и прямыми налогами. Прямые налоговые сборы оказывают на экономику более ошутимое воздействие. Возможно их использование в модели циклообразования в качестве наиболее существенного фискального фактора.

Во-вторых, можно предполагать усиление реакции динамики ВВП на уровень налогообложения с течением времени в связи со стратегической, ориентацией государства на усиление значимости прямых налогов (рисунок 2.2.23).

$e(Y) = S + T$ – утечки из системы, равные сумме сбережений (S) и налоговых сборов (T); $j = I + G$ – инъекции в экономику, равные

сумме инвестиций (I) и госрасходов (G); i – банковская ставка;
 Y – объем ВВП

Рисунок 2.2.23 – Зона циклических колебаний в модели $IS-LM$, с учетом специфики реакции ВВП на налоговые сборы и объем госрасходов в трансформационной экономике

На рисунке 2.2.23 указано изменение положений функций налогов (в квадранте IV), госрасходов (в квадранте II) с учетом изученной специфики и, как следствие, смещение влево функции инвестиций и линии IS (квадрант I). Тем самым зона циклических колебаний (отмечена кружками) расширяется, ее левая граница сдвигается ближе к центру теоретического равновесия.

Важную роль во взаимодействии кратко- и среднесрочных экономических циклов играют неформальные социально-психологические институты. Эмпирический анализ статистических данных свидетельствует о возникновении из-за них циклического процесса, усиливающего кризисные явления текущей фазы краткосрочного цикла и провоцирующего наступление среднесрочного экономического цикла.

Так, в период получения субъектами хозяйствования Республики Беларусь информации о разразившемся мировом финансовом кризисе и ожидании его соответствующего влияния на национальную экономику население резко увеличило покупку иностранной валюты. По данным Национального банка, сальдо превышения объема

покупок физических лиц над объемами продаж иностранной валюты в последние месяцы 2008 г. увеличилось в несколько раз по отношению к своему среднемесячному значению за предшествующие 12 месяцев [68].

Выявленное поведение было продиктовано необходимостью удовлетворения потребности второго уровня – потребности в безопасности. В результате наличная денежная масса (агрегат M_0) получила толчок к свертыванию (рисунок 2.2.24), что отрицательно отразилось на совокупном спросе и объеме ВВП.

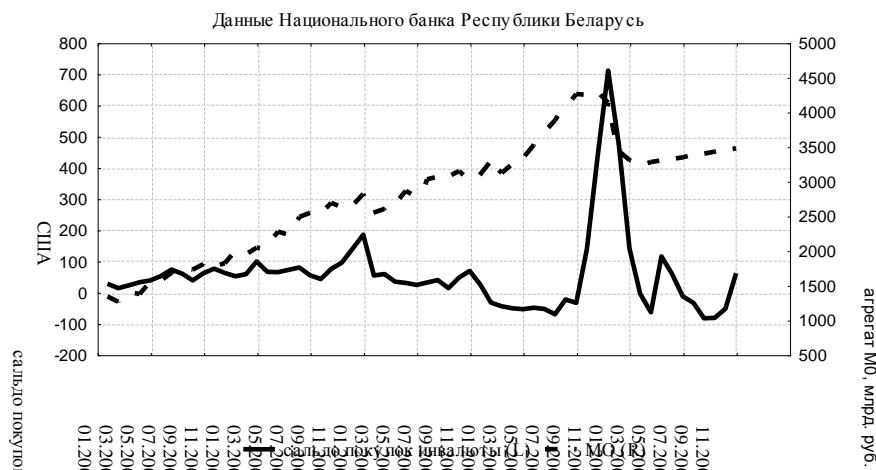

Рисунок 2.2.24 – Влияние стандарта экономического поведения на динамику агрегата M_0 Республики Беларусь в период экономического спада 2008 г., млрд. руб. (дек. 1999=100)

Примечание – Источники: [68]

В условиях политики фиксированного валютного курса такая ситуация провоцирует валютную интер-

венцию центрального банка, следовательно, потерю значительной части золотовалютных резервов, стимулирует рост недоверия к банковской системе и снижение предпринимательской активности. Дальнейшая реализация стратегии, стимулирующей экономический рост трансформирующейся экономики, порождает потребность в расширении предложения денежной массы. Но социальное доверие к правительству и политике центрального банка уже подорвано, такой шаг может привести к очередному всплеску массовой скупки иностранной валюты населением. Так произошло в связи с проведением разовой 20 %-ной девальвации белорусского рубля 2 января 2009 г.: возник повышенный спрос на иностранную валюту. И тогда циклический процесс способен усилиться, разразится кризис финансовой системы в целом.

Анализ статистики банковских систем трансформационных экономик Республики Болгария, Российской Федерации, Украины подтверждает влияние социально-психологического института на динамику денежной массы и на усиление макроэкономической нестабильности (рисунки 2.2.25–2.2.26), что обнаружено первоначально в экономике Республики Беларусь.

Рисунок 2.2.25 – Влияние стандарта экономического поведения на финансовую систему РФ в период экономического кризиса 2008 г., млн. долл. США

Примечание – Источник: [73, 102 ,107]

В результате, например, к концу 2009 года сбережения домашних хозяйств, не вовлеченные в систему финансового рынка Республики Беларусь, оценивались в 9–10 млрд. долл. США [48, с. 45]. Чем глубже и сильнее было влияние экономических спадов на экономику, тем явственнее проявлялось недоверие населения к национальным валютам и сильнее отражалось на денежном обращении.

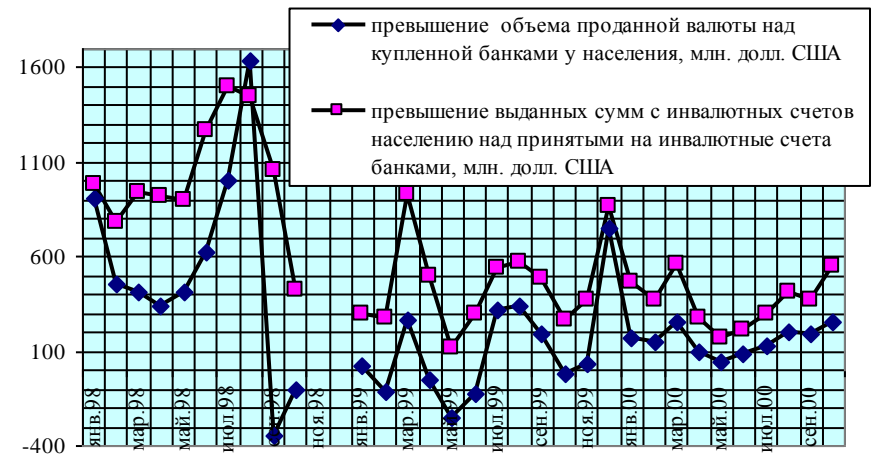

Рисунок 2.2.26 – Влияние стандарта экономического поведения на финансовую систему РФ в период начала экономического спада 1998 г., млн. долл. США

Примечание – Источник: [73, 102 ,107]

Социально-психологический институт социального доверия формируется на протяжении длительного времени, определяет меру доминирования потребностей второго уровня (потребности в безопасности). Институт доверия отмечается экономистами как важное условие экономических реформ [35].

В период крайней финансовой нестабильности, характерной для трансформационных экономик, этот институт приобретает важное значение и способен привести во взаимодействие кратко- и среднесрочные циклы, усугубляя негативную экономическую ситуацию.

Таким образом, по итогам эмпирических исследований можно утверждать, что состояние трансформационной экономики – устойчивое неравновесие. Оно описывается колебаниями вокруг некоего долгосрочного тренда (обведен кругом на рисунке 2.2.27).

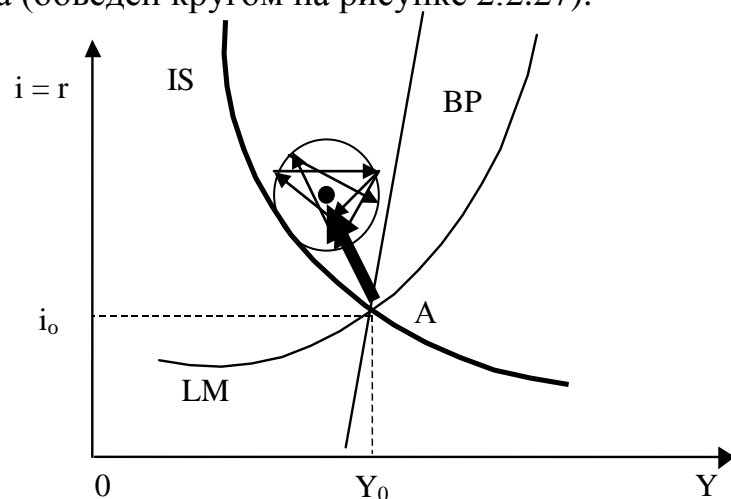

Рисунок 2.2.27 – Теоретическая концепция зоны циклических колебаний макродинамики для трансформационной экономики

Его местоположение (радиус отклонения от равновесия) определяется спецификой процессов трансформации, инертностью социально-психологических и социально-правовых институтов. Такой вывод созвучен с точкой зрения Ю.М. Ясинского на эволюцию социально-экономических систем («Изменение институциональной организации соответствующих рынков может привести к тому, что характер и последствия

(экономических процессов) ... могут существенно измениться» [111, с. 43]).

Таким образом, в ходе анализа циклообразующих факторов в трансформационной экономике выявлено следующее:

1. Динамика каждого фактора (макропоказателя) подвержена циклическим колебаниям под действием ряда различных причин, причем с учетом временного лага.

2. По мере продвижения экономической системы по пути трансформации наблюдается усиление амплитуды циклических колебаний эндогенных факторов и затухание – экзогенных.

3. По степени значимости в циклообразовании в трансформационных системах первое место занимают внешние факторы, второе – монетарные, третье – институциональные.

4. По степени влияния на экономические циклы среди проанализированных факторов возможно выделить ведущие (степень открытости экономики, объем госрасходов, динамика денежной массы) и дополнительные (валютный курс, величина таможенных сборов, уровень банковских ставок).

5. Приближение периода *взаимодействия* кратко- и среднесрочных экономических циклов возможно определять по сальдо покупки населением иностранной валюты.

3. Лидирующие индикаторы экономических циклов в развитых странах и трансформационных экономиках: сравнительный анализ

За прошедшие десятилетия развитыми странами наработаны многочисленные пакеты антициклических мер, так что затруднительно предложить что-либо новое правительствам в этом аспекте. Однако эффективность этих пакетов зависит от *своевременности* использования в режиме упреждения ожидаемой фазы кризиса или подъема. В условиях значительной финансовой нестабильности трансформационных экономик эта проблема особенно актуальна и требует решения нескольких задач.

Задача 1. Упреждение фазы спада (кризиса).

Задача 2. Расчет ожидаемой глубины и продолжительности спада.

Задачи – сложные, требующие выявления многих параметров исследования и поиска ответов на многие вопросы, так как в основе данного исследования лежит авторская позиция о плюралистичности экономических циклов и не просто их взаимном наложении, а о взаимодействии.

Подавляющее большинство работ, как отечественных, так и зарубежных, посвящается исследованию делового цикла («бизнес»–цикла). Отрезок макродинамики между двумя соседними аналогичными точками (циклическая волна) при этом составляет 6–8 лет и включает две переломных точки – «дно» и «пик». В

настоящее время для определения переломных точек цикла используется методология Национального бюро экономических исследований (НБЭИ) США. Датировка цикла, уточнение поворотных зон еще с 60-х гг. XX в. основаны на выделении НБЭИ не менее 5-месячной фазы спада в экономических показателях, а также продолжительности всей циклической волны не менее 15 месяцев [37]. Однако если принимать во внимание существование экономических циклов разной продолжительности и обусловленности, то возможно наложение во времени фаз спада различных циклических волн, следовательно, указанная продолжительность не отражает всего разнообразия процесса циклообразования.

Возникает справедливый вопрос, почему именно деловой цикл удостоился такого внимания ученых? Ведь деловой цикл является лишь одной из многочисленных разновидностей среднесрочного экономического цикла, наряду с циклами Мура, Лабруса, Чижевского и проч. Почему не учитываются краткосрочные циклы? Ответ очевиден: развитые страны добились значительных успехов в области макроэкономической стабилизации, в эффективной реализации антикризисных программ, поэтому краткосрочные циклы для них уже не представляют серьезную угрозу экономической безопасности. Краткосрочные циклы в этих странах проявляются лишь как незначительные падения темпов роста. Поэтому один из ведущих исследователей циклов США Э. Хансен в свое время отмечал, что «стадия роста (expansion) может быть прервана несколькими падениями», то есть иногда может включать несколько

циклов, которые в этом случае именуются «циклами роста» (growth cycles) [106, с. 218].

Из многочисленных работ по изучению экономических циклов вытекает, что в экономике наблюдается развитие различных циклов одновременно, имеет место эффект, подобный тому, который получил в физике название «интерференция волн». Происходит не просто наложение циклических колебаний, а усиление амплитуды колебаний, глубины экономического спада.

Для трансформационных экономик, не имеющих серьезного опыта в регулировании кризисных явлений, важно исследовать не только деловой цикл, а весь «спектр» циклов. Следовательно, *исследованию должны подвергаться первичные, а не сглаженные статистически данные макродинамики*, причем с наименьшей степенью дискретности (помесячные, в худшем случае – поквартальные). Незначительные колебания в макродинамике (объеме ВВП, уровне занятости, доходов, ценах), поверхностно воспринимаемые как случайные или сезонные явления, на самом деле являются результирующей от наложения нескольких экономических циклов.

В связи с проблемой выявления лидирующих индикаторов цикла вызывает сомнение понятие, устоявшееся среди ученых-циклистов, – «переломная точка» («Turning Points») и вошедшее в учебники по экономиксу и экономической теории [57, с. 354]. Во-первых, любые факторные влияния на макродинамику не проявляются тут же, реакция экономики запаздывает на определенный период. Во-вторых, ответная реакция

экономики не наступает в какой-то момент, а распределена во времени (рисунок 2.2.1).

Это явление подтверждают статистические методы анализа. В частности, расчет коэффициента корреляции с лаговой объясняющей переменной выявил как наличие определенного периода запаздывания реакции со стороны динамики ВВП на изменение конкретного макроэкономического показателя (рассматриваемого как фактор циклообразования), так и некоторую продолжительность ответной реакции ВВП с выраженным максимумом (пиком) (таблица 3.1).

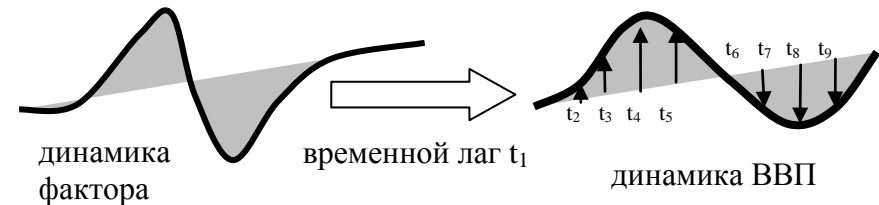

Рисунок 3.1 – Пролонгированное воздействие циклообразующего фактора на динамику ВВП

Отсюда возникает *необходимость пересмотра этого понятия и замены его на более точное – «переломная зона» («Turning Zone»).*

Протяженность переломной зоны зависит от интенсивности воздействия фактора на цикл, от быстроты и продолжительности реакции экономики на этот фактор. Последние определяются:

1) уровнем диверсификации и концентрации производства;

- 2) жесткостью конкуренции на рынках;
- 3) эластичностью цен;
- 4) уровнем государственного вмешательства;
- 5) реакцией потребителей на рыночную конъюнктуру, в том числе сложившимися стандартами экономического поведения, адаптивными ожиданиями;
- 6) открытостью системы;
- 7) зрелостью координационного механизма системы.

Естественно предположить, что в трансформационных экономиках реакция системы специфична: из-за отсутствия отлаженного координационного механизма передача внутреннего циклообразующего импульса между элементами системы затруднена, зато *внешние импульсы вызывают резкие циклические колебания «взрывного» типа (система не успела еще выработать достаточно гибкий защитный механизм)*, что и подтверждается расчетными данными таблицы 3.1.

Таблица 3.1 – Результаты расчета парной корреляции с лаговой объясняющей переменной по отдельным лидирующим индикаторам открытой трансформационной экономики

Факторы, влияющие на динамику ВВП	Интервал запаздывания реакции ВВП (кварталов)	Пик влияния на динамику ВВП, квартал	Продолжительность периода со значимым коэффициентом корреляции (более 0,5); кварталов
Болгария: экспорт	0	1-й и 4-й	4
-уровень безработицы	0	1-й	7
-валютный курс	1	17-й	21
Украина: экспорт	0	1-й	6
- уровень безработицы	0	1-й	5
-валютный курс	2	13-й	1
Россия: экспорт	1	1-й	7
- уровень безработицы	0	1-й	5
-валютный курс	2	20-й	20
Беларусь: экспорт	1	2-й	6
- уровень безработицы	1	1-й	1
-валютный курс	0	1-й	6

Примечание. Рассчитано по: [9, 26, 67], [68, 69], [70], [73, 102, 107].

Следовательно, фазы кризиса и спада все же возможно предсказать в краткосрочном периоде. При этом весьма важным является определение временных рамок переломной зоны в изучаемой макродинамике ВВП, для чего опять-таки необходима *наименьшая дискретность* статистических данных (поквартальная или лучше помесечная).

Для процедуры датировки фаз экономического цикла используются макропоказатели–критерии, динамика которых ложится в основу определения переломных зон. По европейской методологии это – один показатель (объем ВВП), по американской методологии – это *совокупность* ведущих показателей (уровня занятости, доходов, торговли, цен и объема ВВП, промышленного производства), определяющая сводный индекс деловой активности и используемая в работе специально сформированного в США Комитета по датировке деловых циклов.

Трансформационные экономики имеют здесь свои особенности: значительную пока роль государства как в институциональных преобразованиях, в реформах отношений собственности, так и в контроле над ценами, внешнеэкономических связей. Поэтому государственное влияние на экономику способно искажать циклический характер динамики занятости (пример: в Республике Беларусь за последние 5 лет уровень безработицы неуклонно падал с 0,9 в 2008 г. до 0,5 % в 2013 г., в Российской Федерации на фоне кризисных явлений с февраля по июль 2008 г. уровень официальной безработицы, наоборот, сократился с 6,7 до 5,9%)

[68, 107], доходов, запасов в розничной торговле. В связи со значительной долей сельского хозяйства или услуг в валовой добавленной стоимости во многих трансформационных экономиках индекс промышленного производства не всегда приемлем для оценки фаз цикла (пример – Республика Болгария, Республика Беларусь, Молдова). Практика функционирования трансформационных экономик свидетельствует о нарастании доли финансового сектора и производства услуг (в частности, доля услуг в экспорте Беларуси возросла за годы трансформации с 10 до 14 %) [68, 92, 93], что снижает ценность индекса промышленного производства в рассматриваемом аспекте.

Из вышеизложенного следует, что для датировки фаз цикла в трансформационных экономиках наиболее оптимальным является *выбор одного показателя – динамики объема ВВП. Это не исключает учета специфики каждой трансформационной экономики в процедуре датировки фаз экономического цикла и добавления к ВВП оценок динамики дополнительных показателей*. Однако имеет место и общая тенденция: развитие трансформационных экономик носит догоняющий характер, продолжительное существование административно-командных систем хозяйствования в этих странах обусловило 40-50-летнее отставание сферы НИОКР от развитых стран, за исключением, возможно, оборонной промышленности. Именно поэтому такие экономики особенно восприимчивы к «импорту» экономических циклов из внешнего мира. *Отсюда для точной датировки фаз кризиса здесь важно использо-*

вать процедуру сопоставления торможения темпов роста объемов ВВП, экспорта и импорта.

Все мировые послевоенные циклы проявлялись в виде депрессий. Поэтому даже в развитых странах методологически более точным представляется выявление не абсолютных падений в динамике макропоказателей, а торможения темпов их роста. Последние десятилетия спады в мировой экономике предопределяются конъюнктурой именно американской экономики. Американские исследователи датируют фазы спада следующим образом: «...в течение последних двадцати лет экономика США пережила три спада – в 1990–1991 гг., 2001 г., 2008 г. Во всех случаях предшественником формирования верхней переломной зоны служило значительное снижение темпа роста реального и номинального ВВП»^{*}.

Также в трансформационных экономиках достаточно велика роль государства в регулировании экономических процессов, что служит весомым аргументом *выбора ускорения (или замедления) темпов экономического роста в качестве критерия датировки фаз циклов*, а не абсолютных падений уровней макропоказателей.

Современный мировой экономический кризис конца 2000-х гг., по мнению большинства ученых, является проявлением наложения кризисных фаз двух типов экономических циклов – среднесрочного цикла Жугляра (делового цикла) и К-волны (длинной волны

^{*} Ямароне, Р. Э. Основные экономические индикаторы. – М.: СлатБук, 2010. – С. 54–55.

Кондратьева). Однако в отдельных трансформационных экономиках он отягощен как экономическим спадом краткосрочного цикла Китчина (3–4 года), так и сверхкороткой циклической волной периодичностью до 1 года.

Результаты статистического анализа макродинамики четырех трансформационных экономик (Республики Беларусь, Республики Болгария, Российской Федерации и Украины) свидетельствует о взаимодействии среднесрочного цикла и циклических колебаний краткосрочного и сверхкороткого типа [26, 68, 70, 102] (таблица 3.2). Для Республики Беларусь, в частности, характерны специфические краткосрочные экономические циклы, фазы спада которых приходятся ежегодно на август-октябрь. Более точным представляется их рассмотрение не как сезонных колебаний, а как колебаний институциональной природы. Если они накладываются на динамику среднесрочной волны, то кризис или усугубляется (удлиняется, усиливается) при синхронизации фаз обоих спадов (окт. 2008–апр. 2009 гг.), или кратковременно прерывается фазой подъема краткосрочного цикла (май–окт. 1999 г., ноябр. 2013 – май 2014 гг.).

Сравнительный анализ интервалов торможения темпов роста в динамиках объемов экспорта и импорта, ВВП Беларуси свидетельствует об экзогенной причине, вызвавшей спады циклов Жугляра в 1998–1999 г. и 2008 г., 2014 г., а также спад цикла Китчина (авг. – окт. 2006 г.). Кроме того, прослеживаются периоды наложения эндогенных циклов годичной периодично-

сти и 3–4-летних циклов Китчина, обусловивших значительные отрицательные темпы прироста объема ВВП в периоды сент. – ноябр. 1995 г., сент. – окт. 1998 г., сент. – ноябр. 2001 г., сент. – ноябр. 2004 г., авг. – окт. 2006 г., янв. – апр. 2010 г., ноябр. 2011 – апр. 2012 гг., март–май 2014 г.

В то же время аналогичный статистический анализ объемов производства в трансформационных экономиках Болгарии, России, Украины позволил сделать следующие выводы:

1) В Республике Болгария в периоды 4 кв. 1999 г.–2 кв. 2000 г., 3 кв. 2008 г. – 1 кв. 2009 г. имело место наложение фазы спада среднесрочного экономического цикла (обусловленного экзогенными факторами) и краткосрочного цикла Китчина. Закономерно прослеживается фаза спада цикла годичной периодичности, приходящаяся на 4 кв. уходящего года – 1 кв. нового года. В связи с этим влияние внешней конъюнктуры в 1999–2000 и 2008–2009 гг. особенно сказалось в *конце* соответствующих лет [26].

2) В Российской Федерации спады в периоды 3 кв. 1998 г. – 1 кв. 1999 г., 3 кв. 2008 г. – 1 кв. 2009 г. также являются результатом наложения среднесрочного экономического цикла, вызванного экзогенно, и краткосрочного цикла Китчина. Фаза спада экзогенного краткосрочного цикла в периоды 4 кв. 2007 г. – 1 кв. 2008 г. и 4 кв. 2001 г. – 1 кв. 2002 г. в Российской Федерации не зафиксирована, она была нивелирована фазой подъема среднесрочного цикла.

Таблица 3.2 – Сравнительный анализ внешнеэкономических показателей для датировки кризисных фаз экономических циклов в Республике Беларусь за период 1990–2014-х гг.

Продолжительность понижательной тенденции в темпах динамики:		
объема экспорта	объема импорта	объема ВВП
1	2	3
янв. – март 1994 г. (3 мес.) авг. – окт. 1994 (3 мес.) май – сент. 1998 г. (6 мес.) окт. 2001 г. – янв. 2002 г. (4 мес.) февр. – май 2003 г. (4 мес.) авг. – окт. 2006 г. (3 мес.) май – ноябр. 2008 г. (6 мес.) май – сент. 2009 г. (5 мес.) ноябр. 2009 г. – янв. 2010 г. (3 мес.) март – май 2010 г. (3 мес.) июль–окт. 2011 г. (4 мес.) май–ноябр. 2012 г. (7 мес.) авг. – ноябр. 2013 г. (4 мес.)	февр. – май 1994 г. (4 мес.) май – сент. 1998 г. (5 мес.) окт. 1999 г. – янв. 2000 г. (4 мес.) окт. 2001 г. – янв. 2002 г. (4 мес.) июнь – сент. 2003 г. (4 мес.) февр. – май 2005 г. (4 мес.) июнь – окт. 2005 г. (5 мес.) авг. – ноябр. 2006 г. (4 мес.) июнь – окт. 2007 г. (5 мес.)	авг. – окт. 1995 г. (3 мес.) авг. – окт. 1996 г. (3 мес.) авг. – окт. 1997 г. (3 мес.) авг. – окт. 1998 г. (3 мес.) май – июль 1999 г. (3 мес.) авг. – окт. 1999 г. (3 мес.) авг. – окт. 2000 г. (3 мес.) авг. – окт. 2001 г. (3 мес.) авг. – окт. 2002 г. (3 мес.) авг. – окт. 2004 г. (3 мес.) авг. – окт. 2006 г. (3 мес.)

Окончание таблицы 2.2.2

1	2	3
июль – ноябр. 2014 г. (5 мес.)	май – ноябр. 2008 г. (7 мес.) март – май 2009 г. (3 мес.) март – май 2010 г. (3 мес.) авг. – окт. 2010 г. (3 мес.) февр.–май 2011 г. (4 мес.) май–июль 2012 г. (3 мес.) апр.–июнь 2013 г. (3 мес.) авг.–ноябр. 2013 г. (4 мес.) дек. 2013–февр. 2014 гг. (3 мес.)	авг. – окт. 2007 г. (3 мес.) авг. – окт. 2008 г. (3 мес.) ноябр. – янв. 2009 г. (3 мес.) ноябр. 2009 – янв. 2010 гг. (3 мес.) ноябр. 2010 – янв. 2011 гг. (3 мес.) ноябр. 2011 – янв. 2012 гг. (3 мес.) май 2012 – авг. 2012 г. (4 мес.) сент. – ноябр. 2013 г. (3 мес.) дек. 2013 – февр. 2014 гг. (3 мес.)

Источник: [68, 69]

Прослеживаются так же, как и в Республике Болгария, годовые краткосрочные циклы с фазой спада в конце текущего – начале очередного года на протяжении всего периода исследования [107].

3) В период 1 – 2 кв. 2003 г. сказалось влияние мировой конъюнктуры на экономику Украины, вызвав спад краткосрочного цикла Китчина. Влияние современного мирового экономического кризиса 2007–2011 гг. Украина испытала в первую очередь по сравнению с другими странами СНГ (3 кв. 2007 г. – 1 кв. 2008 г.), что вызвало девальвацию гривны гораздо раньше, чем в Республике Беларусь (сентябрь–октябрь 2008 г.) [70].

Проблема определения лидирующих индикаторов в трансформационной экономике упирается в проблему концептуального подхода к циклообразованию. Иными словами, лидирующие индикаторы – к чему? К деловому циклу (бизнес-циклу)? К краткосрочным экономическим циклам? Ко всем циклам сразу, выплывающим при своем наложении сложную картину макродинамики?

В настоящее время среди экономистов распространен поиск лидирующих индикаторов именно к бизнес-циклу в двух направлениях (либо *комплекс* показателей опережающего типа в своей макродинамике по сравнению с динамикой ВВП, либо *одного агрегированного*, сводного опережающего показателя-индекса: ИПУ, ИПН, СОИ*) [37] (Г.В. Остапкович [72], С.В. Смирнов [89], А.Г. Таболов [95]). Такой концеп-

* Индекс предпринимательской уверенности, индекс потребительских настроений, сводный опережающий индекс.

туальный подход (монистический) основан У. Митчеллом (США) и был продолжен Дж. Муром. Он объективно обусловлен относительной устойчивостью зрелых рыночных систем к краткосрочным импульсным воздействиям.

При монистическом подходе исследователи традиционно сглаживают статистическими методами данные в сравниваемых временных рядах (обычно «окно» сглаживания колеблется в пределах 2–4 кварталов), а затем сравнивали динамики сглаженных рядов на предмет лидирования переломных зон (рисунок 3.2).

Но так ли это? На наш взгляд, циклические волны не просто накладываются друг на друга, а усиливают (ослабляют) ведущую макродинамику, что и отмечено в результатах анализа таблицы 3.1.

В связи с плюралистическим представлением о процессе циклообразования в экономической системе следует совершенно по-иному подходить как к выбору критериев датировки наступления очередной фазы цикла, так и к методике отслеживания лидирующих индикаторов. Во-первых, следует представлять макродинамику как результирующую от наложения и взаимодействия циклических колебаний различной амплитуды и периодичности, а значит, имеется еще один аргумент при датировке фаз в пользу выбора цикла *относительных* отклонений в темпах роста, а не абсолютных.

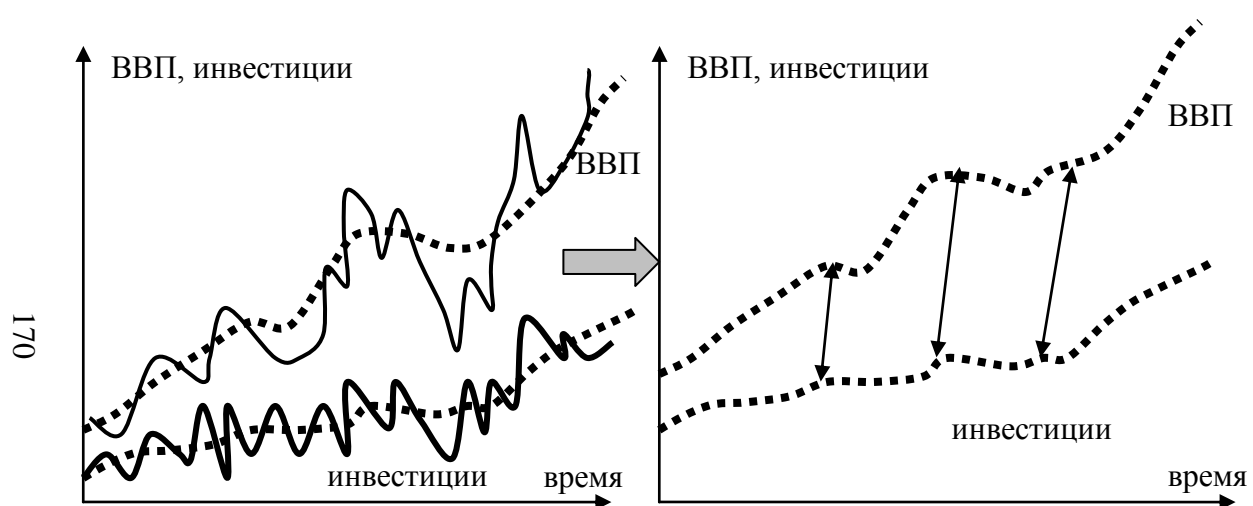

Рисунок 2.2.2 – Монистический концептуальный подход к выделению переломных зон экономического цикла и лидирующих индикаторов

Во-вторых, оценку интервала лидирования следует проводить на основе первичных, а не сглаженных статистических данных, сравнивая ближайшие интервалы относительного подъема (спада) в динамике ВВП и избранного макропоказателя (рисунок 2.2.3).

В этом случае отбор лидирующих индикаторов позволит точнее установить краткосрочные циклы, следовательно, упредить зону их наложения как возможный вариант формирования среднесрочного (делового) цикла. Кроме того, сопоставление наиболее значительных колебаний в динамике ВВП и отобранных макропоказателей позволит выявить лидирующие индикаторы, характерные только для среднесрочных циклов как таковых. Это важно, так как до сих пор по лидирующему индикатору нельзя было судить о типе приближающегося кризиса. Косвенно на глубину приближающегося спада указывала амплитуда колебания динамики самого лидирующего индикатора.

Предварительный отбор перечня макропоказателей, претендующих на роль лидирующих индикаторов, возможно осуществлять либо статистическим (корреляция с лаговой объясняющей переменной), либо эконометрическим методом (сопоставление результатов спектрального анализа).

В зарубежной практике наиболее часто в перечень лидирующих индикаторов попадают денежная масса, фондовый индекс, учетная кредитная ставка, индекс условий торговли, реже – объем розничного товарооборота, индекс цен, запасы готовой продукции, уровень безработицы (таблица 2.2.3).

Однако применительно к трансформационным экономикам и с учетом плюралистического подхода к циклообразованию этот перечень следует уточнить:

1) следует ранжировать перечень лидирующих индикаторов для кратко- и среднесрочных циклов;

1) из-за наличия значительных масштабов теневой экономики нелогично использовать в этой номинации уровень безработицы, объем конечного потребления населения, уровень доходов населения;

3) необходимо исключить из рассматриваемого перечня макропоказатели открытости экономики, они вызывают практически моментальную реакцию со стороны ВВП, без какого-либо значимого лага запаздывания (это – валютный курс, объем экспорта, импорта);

4) в связи с неразвитостью фондового рынка из данного перечня следует убрать соответствующие показатели: объем продаж ценных бумаг на вторичном рынке, котировку акций ведущих компаний, удельный вес казначейских ценных бумаг и уровень их продаж или первичного размещения.

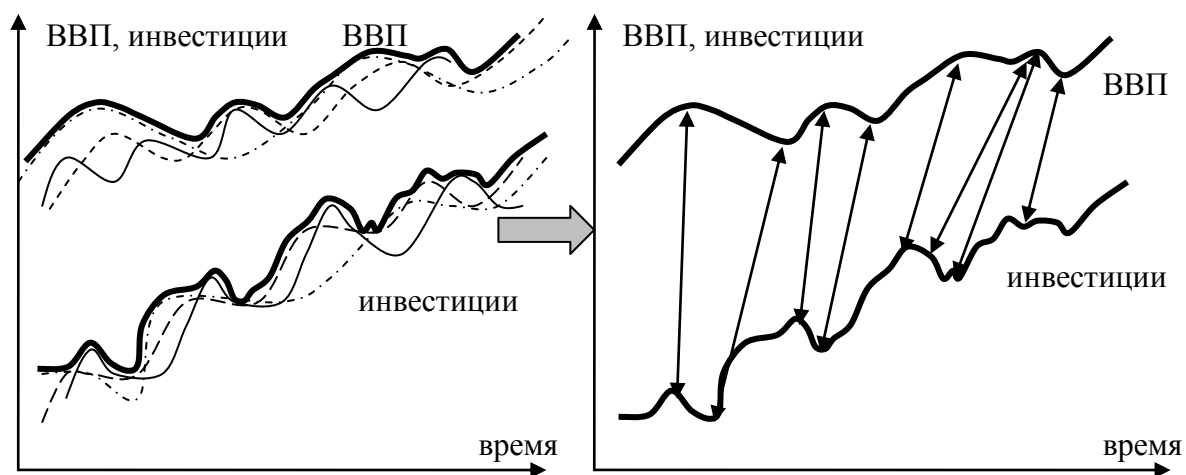

Рисунок 2.2.3 –Плюралистический концептуальный подход к выделению переломных зон циклической макродинамики и лидирующих индикаторов

Таблица 3.3 – Сравнительный анализ используемых лидирующих индикаторов в развитых странах и результатов изучения на предмет лидирования аналогичных макропоказателей трансформационных экономик России, Беларуси, Болгарии, Украины

Показатели	Дж. Мур (США) – по США, 19 50-е годы	Р. Яма-роне (США) – по США, 2000-е годы	Г.В. Остапкович (Россия) – по странам ОЭСР (количество применяющих стран), 2000-е годы	Исследовательская организация Conference Board по 13 странам, с 1996 г.	Ф. Кляйн (США) – по странам ОЭСР, 1980-е годы	Подтвердили статус лидирующих индикаторов по результатам исследований в РФ, РБ, Украине, Болгарии
1	2	3	4	5	6	7
Денежный агрегат М ₁			*(17)			
Денежный агрегат М ₂		*	*(3)	*	*	*

Продолжение таблицы 3.3

1	2	3	4	5	6	7
Фондовый индекс (биржевой курс Standard&Poor's500 или индекс деловой активности)	*	*	*(12)	*	*	...
Ставки банков (по кредитам, по депозитам, рефинансирования)		*	*(11)	*	*	-
Начатые строительные проекты (строительные лицензии)	*	*	*(6)	*	*	...
Объемы товарооборота (продаж)			*(5)	*	*	-
Индексы цен	*		*(5)		*	*
«Портфель» заказов (новые заказы)		*	*(4)	*	*	...
Объем продаж легковых автомобилей	*		*(4)			...
Динамика объемов кредитования (ссуд)			*(4)		*	
Запасы готовой продукции			3			-
Запасы сырья и материалов			2		*	...
Предупреждения об увольнении			2			...
Вакансии			1			...

Окончание таблицы 3.3

1	2	3	4	5	6	7
Общий объем экспорта			1			-
Торговый баланс			1			-
Среднее количество рабочего времени в неделю (или занятость)	*	*		*	*	...
Количество первичных обращений за пособиями по безработице в неделю (или страхований по ней)		*		*	*	...
Индекс намерений потребителей (уверенности)		*		*	*	...
Клиринги вне «Нью-Йорк-Сити»	*					...
Объем грузооборота (либо грузооборота железных дорог)	*					-
Разница в доходности				*	*	...
Инвестиции в основной капитал					*	*

Примечание – Источники: [37, 72].

Кроме того, многие макропоказатели из данного перечня официально либо не фиксируются статистикой трансформационных экономик, либо фиксируются с высокой степенью дискретности (за полугодие, год).

В таблице 3.3 в скобках приведено количество стран ОЭСР, использующих данный макропоказатель в качестве опережающего индикатора. Работы по отбору показателей на роль надежных лидирующих индикаторов в трансформационных экономиках проводились нами с 2000 г., при этом изучались интервалы лидирования по отношению к динамике ВВП за разные периоды времени, так как трансформационные экономики интенсивно меняются, соответственно, меняется перечень лидирующих индикаторов [39, 40].

Для выявления эффекта лидирования к поворотным зонам циклов подверглись анализу более 30 показателей в каждой из четырех изученных стран:

- ❖ группа показателей (5 – минимум) открытости экономики: объем экспорта, объем импорта, объем внешнеторгового оборота, внешнеторговое сальдо, экспортно-импортная квота (среднегеометрическая), индекс условий торговли *;

- ❖ группа показателей (7) контроля государства над экономикой: объем госрасходов из консолидированного бюджета, объем доходов консолидированного бюджета, объем субсидий, дефицит консолидированного бюджета, доля дефицита (профицита) в ВВП, объем налоговых сборов, доля прямых налогов в ВВП;

- ❖ группа показателей (4 - минимум) масштабности производства и товарных потоков: объем розничного

товарооборота, объем грузооборота; объем инвестиций в основной капитал, в том числе производственного и непроизводственного * назначения, индекс Херфиндаля (степень концентрации промышленного производства) *, уровень товарных запасов по отношению к месячному объему производства;

❖ показатели макроэкономической нестабильности (3): уровень безработицы, уровень инфляции (индекс потребительских цен, индекс цен производителей промышленной продукции);

❖ группа показателей (12), характеризующих денежно-кредитную систему и политику Нацбанка: норма обязательных резервов, денежная база, денежные агрегаты M_0 , M_1 , M_2 , M_3 , валютный курс, ставка рефинансирования, ставка по новым кредитам, ставка по новым депозитам, объем покупки и продажи физическим лицам иностранной валюты.

Для определения свойства лидирования использовались следующие статистические и эконометрические процедуры:

1) построение периодограмм на основе спектрального анализа; в случае совпадения частот колебаний, свидетельствовавших о тесной взаимосвязи динамики ВВП с данным показателем, последний подвергался дальнейшей статистической аналитике по существенности корреляционной связи;

2) расчет коэффициента парной корреляции с лаговой объясняющей переменной для различных интер-

* в связи с ограниченностью статистической базы рассчитывалось только по Республики Беларусь

валов запаздывания по отношению к динамике ВВП; в случае превышения коэффициентом значения 0,6 выявлялся также конкретный интервал лидирования данного показателя по отношению к переломным зонам ВВП (по максимальному значению указанного коэффициента).

Полученные результаты по выявлению опережающих (лидирующих) индикаторов уже нашли применение в практике выработки макроэкономической политики. Благодаря применению выявленных лидирующих индикаторов в моделировании экономических циклов удалось предупредить правительство Республики Беларусь в лице Министерства экономики в 2008 г. о наступлении в начале 2009 года продолжительного и глубокого кризиса [40, с. 192], а также предсказывать ежегодно с достаточной точностью ($\pm 1\%$) циклическое поведение ВВП на протяжении последующих лет.

Проделанная авторская аналитическая работа по отбору лидирующих (на основе вышеизложенной концептуальной платформы) позволила выявить типичные лидирующие индикаторы для трансформационной экономики: индекс потребительских цен, объем инвестиций в основной капитал, денежный агрегат M_2 .

Указанный перечень не случаен: 1) трансформационные экономики из-за отсталости материально-технической базы функционируют в догоняющем режиме по отношению к зрелым рыночным системам, поэтому важными лидирующими макропоказателями будут выступать те, что определяют техническое обновление производства; 2) значительная финансовая

нестабильность определяет объем и структуру реального платежеспособного спроса и выдвигает на первый план показатели инфляции и денежного обращения. При этом значительный контроль государства процесса ценообразования, наличие монопольных рынков, теневой экономики давно опровергли монетаристскую взаимосвязь (уравнение Фишера) между ценами и денежной массой. Поэтому в перечне лидирующих индикаторов одновременно присутствуют как цены, так и денежные агрегаты.

Специфика каждой национальной экономики будет дополнять этот перечень своими, особенными лидирующими индикаторами. В частности, выявлен значимый лидирующий индикатор для Российской Федерации — объем грузооборота, что обусловлено масштабами территории экономики. В Республике Болгария относительно надежным лидирующим индикатором поворотных зон среднесрочного делового цикла выступает уровень безработицы.

Выявлен также лидирующий индикатор, характерный только для среднесрочного экономического цикла в трансформационной экономике — это рост темпов чистой продажи иностранной валюты населению. Использование индикаторов в практике может не только предсказать кризисные фазы цикла, но и оказать помощь в прогнозировании краткосрочной нелинейной динамики ВВП в целом. Министерство экономики Республики Беларусь уже использует предложенную нами модель экономического цикла, созданную на основе выявленных лидирующих индикаторов. Однако

исторический период времени для выявления других, более надежных индикаторов циклов пока недостаточен. Научные изыскания в данном направлении продолжаются.

Отдельной проблемой исследования циклов представляют собой так называемые поворотные точки. На наш взгляд, все-таки следует употреблять понятие «зона», а не «точка». Верхняя поворотная зона циклической волны, вызванной изменением внешних цен, формируется следующим образом.

Субъекты экономики получают неожиданный сигнал извне в виде роста цен на импортное сырье. Столкнувшись с такой формой проявления открытости экономики, они принимают несколько решений. Во-первых, сокращают объемы производства из-за невозможности сохранять их на прежнем уровне в силу ограниченности своих капиталов, низкой платежеспособности белорусского населения (эффект Кейнса). Но тут же повышают цены на готовую продукцию, производимую из данного сырья в целях наверстывания в будущем упущенных производственных возможностей и в ожидании дальнейшего роста цен. Растут индексы ИЦППП, затем ИЦПП и ИЦП. Свертывается платежеспособный спрос населения. Так рождается поворотная зона к спаду в динамике ВВП, созданному экзогенным фактором монетарной природы.

Следует отметить, что повышение индексов цен (ИЦППП, ИЦПП, ИЦП) происходит в несколько этапов, сначала сразу, затем с запаздыванием на та-

кой интервал, который представляет время от момента окончания переработки сырья по старым ценам, находящегося в производственных запасах, до момента закупки сырья по уже более высоким ценам и реализации готовой продукции. Этот период – различный у разных товарных групп. Не случайно в ходе анализа выделены несколько интервалов лидирования поворотных зон индексов цен по отношению к ВВП.

На следующей стадии этого процесса возникает тиражирование роста цен во всех смежных секторах экономики по принципу мультипликативного эффекта. Но субъекты осведомлены о начальной причине роста цен за счет внешних факторов, а не за счет сокращения реального совокупного спроса и готовы осуществлять объемы производства, по крайней мере, в тех же масштабах. В результате возникает повышенный спрос на деньги в связи с выросшими ценами. Правительство и Национальный банк предпринимают меры по расширению денежной массы согласно спросу. В результате рост денежной массы наступает вторично, уже позже сформировавшейся первоначальной поворотной зоны цикла, созданной экзогенным ростом импортных цен. Следует отметить специфику структуры денежной массы – низкий коэффициент монетизации (в России, например, около 19 %, Республике Беларусь – около 10 % [68, 107] денежного обращения. Поэтому будут эффективны результаты антициклических мероприятий

Национального банка по умеренному расширению, а не сжатию денежной массы.

На третьей стадии расширение денежной массы рождает волнообразный процесс мультипликативного тиражирования денежной массы внутри банковской системы. Незрелость финансового рынка Беларуси, особенно его инфраструктуры, способствует медленной реакции, продолжительному распространению волнового импульса расширения денежных агрегатов.

На четвертой стадии после расширения денежной массы спустя четыре месяца, как показал корреляционный анализ и анализ интервала лидирования соответствующих поворотных зон, наступает положительная реакция на расширение номинального платежеспособного спроса со стороны производства. Так формируется нижняя поворотная зона рассматриваемого типа цикла.

4 Кризис 2008–2009 гг.: итоги

Последний мировой кризис 2007–2009 (или в других странах 2008–2011 гг.) изучается особенно тщательно, так как мировая экономика *давно не испытывала такого потрясения*. Предпоследний существенный кризис относится к 1974–75 гг. О «колыбели» мирового экономического кризиса сомнений нет: все началось в США. В связи с серьезными проблемами в американской экономике, оказавшими воздействие на ход экономических событий на мировых финансовых рынках, ученые объявили о начале мирового финансового кризиса в 2007 г. Здесь возникает по меньшей мере два вопроса:

1) Можно ли трактовать сложившееся положение как *кризис*, или это краткосрочное затруднение, которое не раз уже бывало в периоды краткосрочных спадов?

2) Является ли этот кризис *финансовым*, или насколько велика финансовая составляющая тех процессов, которые потрясли мировую экономику? Множество экономистов высказываются о причинах и механизме его развертывания, поэтому название кризиса варьирует от «*ипотечного*», «*финансового*» до «*экономического*», «*глобального*».

Споры экономистов о природе, глубине и продолжительности последнего мирового кризиса продолжаются до сих пор. Бесспорным является лишь его *мировой характер*. С переходом экономик к плавающим валютным курсам возросла взаимозависимость нацио-

нальных циклов, особенно для средне- и слаборазвитых стран.

4.1 Взгляды экономистов на механизм формирования

Последний мировой кризис 2007–2009 гг. (2008–2011 гг. в разных странах), по мнению большинства экономистов, является проявлением *делового (средне-срочного) цикла*. Однако его тяжесть заставляет предполагать, что он совпал с *пятой понижательной волной долгосрочного экономического цикла* Кондратьева (так называемой К-волной) и тем самым усугубился. Так, рецессия 2007–2009 гг. в США проявилась в изменениях на рынке труда, выражающимися в изменении соотношения между предельной нормой замещения потребления свободным временем и предельным продуктом труда. Отсюда следует, что рецессия 2007–2009 гг. в США имеет значительное сходство с Великой депрессией 1929–1933 гг., по мнению профессора Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе (США) Л.Е. Оханиан (L.E. Ohanian). В обоих случаях экономическое отклонение выражалось в значительном превышении предельного продукта труда над предельной нормой замещения [103, с. 15]

Споры вокруг первоисточника этого кризиса основаны на разных методологических подходах ученых. Анализ теорий циклов показывает, что с развитием экономической науки можно выделить монистический (основанный на единственности причины циклообразования) и плюралистический (признающий множество

причин) подходы к происхождению экономического цикла. К сторонникам монистического подхода следует частично отнести А. Афтальона, К. Викселя, Дж. Гобсона, Ф. фон Хайека, Р. Хоутри, А. Шпитгоффа, Й. Шумпетера. Сторонники плюралистического подхода (М. Туган-Барановский, Дж. Б. Кларк, У. Митчелл и др.) по-разному оценивают роль каждого фактора в циклообразовании [40, с. 80–84].

Большинство теорий монистического типа принадлежит к неокейнсианскому подходу. Сравнительный анализ научных трудов выявил, что значительная часть неокейнсианских моделей в качестве циклообразующих факторов признает факторы сферы производства (инвестиции, инновации) (Б. Бернанке, П. Кларк, Р. Мэтьюз, Р. Хоукинс). В основе указанных теорий цикла лежит взаимодействие мультипликатора и акселератора, что фактически означает признание за капиталом роли исходного элемента в механизме циклообразования [40, с. 30–44].

Сторонники неоклассического направления теорий цикла считают, что модель рыночной экономики обладает внутренне присущей ей устойчивостью и поэтому, сойдя с равновесной траектории роста, должна вернуться на нее под действием эндогенных сил. В силу методологического подхода денежно-кредитные факторы исключаются из перечня причин, вызывающих циклические колебания. Причинами колебаний считаются шоки, вызывающие изменения совокупного спроса и совокупного предложения, в том числе технологические шоки (Г. Генберг, Д. Дийк, С.Е.Эдвардс),

экзогенные шоки (Р. Лукас Р. Фриш Дж. Голдстайн) [40, С. 194–196].

Новым мотивом к расширению предмета исследования среди данного направления теорий циклов явилось признание роли последствий государственных денежно-кредитных политик в 70-х годах XX века (М. Айольфи, М. Камински, В. Чери) [38, С. 14–15]. Отсюда возникает вопрос: не является ли причиной мирового кризиса 2008–2011 гг. шок в финансовой сфере американской экономики, передавшийся всем остальным странам?

Рассмотрим более подробно точки зрения экономистов на причину этого кризиса. Анализ мнений ученых позволяет выделить три основных точки зрения:

1) Видимая финансовая причина – чрезмерно раздутые операции на рынке деривативов, приведшие к значительному (в 30–40 раз) отрыву рыночной котировки ценных бумаг от их фактической стоимости на фондовых рынках) (У. Боннер [цит. по 64, с. 33], Л.Б. Вардамский, А.Г. Пылин [28, с. 4], И. Минервин [103, С. 14–15]). Приток капитала со всего мира в США сделал денежные ресурсы дешевыми и привел к снижению процентных ставок на рынке США с дальнейшими последствиями. Такой подход позволил называть кризис 2007–2011 гг. проявлением болезни «голландских пузырей». Данная точка зрения показала, что глобальные дисбалансы не нарушали законов макроэкономики до тех пор, пока американская финансовая система была способна эффективно и надежно работать со сбережениями всего мира.

2) Причиной являются более глубинные предпосылки и перспективы развития кризисных процессов:

а) Рост торгового дисбаланса между США и остальными странами, выраженный прежде всего в резком увеличении резервов центральных банков мира (В, Перепелица, В, Мелюшко [64, с. 31–32]). В результате краха Бреттон-Вудской системы механизмы саморегуляции, основанные на привязке к золоту или доллару США, полностью конвертируемому в золото, и предотвращавшие устойчивое нарушение торгового и денежного баланса, перестали работать. В результате отмены конвертируемости доллара США в золото американцы получили уникальную возможность оплачивать импорт необеспеченными долларами или долговыми инструментами, оцененными в долларах. Поэтому такой подход дает возможность трактовать спад начала 2007 г. как мировой финансовый кризис американской инициативы.

За период с 1949 г. по 2009 г. общие совокупные резервы иностранной валюты центральных банков увеличились в 134 раза при уменьшении доли золота в резервах с 72 до 11% [64, с. 32]. Тот факт, что основу резервов составляют доллары США, говорит не только об экспансии доллара США или высоком доверии к нему, но и об увеличении многих рисков мировой валютной системы и необходимости ее реформирования для повышения защищенности национальных денежно-кредитных систем государств.

б) Накопившийся дисбаланс международной торговли: огромный торговый дефицит у США и Ве-

ликобритании, а также профицит у азиатских стран, России и экспортеров нефти. В результате дефицит счета текущих операций платежного баланса США в 2000-е гг. колебался в диапазоне 1—2% мирового ВВП, примерно таким был совокупный профицит развивающихся азиатских стран (включая Китай) и стран — экспортеров нефти (В. Мелюшко [64, с. 33]. Такое объяснение причины кризиса дало основание называть его мировым шоком внешней конъюнктуры.

в) Увеличение дефицита бюджетов и госдолга развитых стран мира. Американцы покрывали свой непомерный долг (в сотни раз превышающий объем ВВП) простым печатанием долларов и распространением их в странах Европы и Азии. Другие же страны держали свои золотовалютные резервы в валюте США и потому были вовлечены в процесс рецессии американской экономики. (Е. Злотникова [, с. 55-56; К.Н. Лепешкина [, с. 26–27], А.А. Суэтин [, с. 41–42]).

3) Ипотечный рынок, точнее, возникшие на нем трудности погашения ранее взятого ипотечного кредита (А. Разгулин [80, С. 117], В. Тарасов [96, С. 22–23]). Денежно-кредитная политика, которую Федеральная резервная система США проводила с начала 2000-х годов, стимулировала выдачу коммерческими банками потребительских и ипотечных кредитов. Среднегодовые темпы прироста банковского потребительского кредитования в 2003–2007 гг. достигли 5% [26, 68, 70, 107]. Беспрецедентные объемы выдачи ипотечных кредитов в США были обеспечены высокими темпами роста цен на недвижимость, которые увеличивались на

10% в год. Благодаря подобным условиям, приобретение жилья в собственность стало дешевле, чем аренда. Так продолжалось до тех пор, пока население не столкнулось с ростом процентных ставок и затруднением погашения ранее взятого кредита.

4) Политическое объяснение рецессии 2007–2009 гг., возлагающее значительную часть вины на меры непродуманной экономической политики США, включая снижение налогов, программу оказания помощи кризисным активам (Troubled asset relief program, TARP), программы Министерства финансов по модификации ипотеки (treasury mortgage modification programs) и др. Согласно распространенным аргументам, эти неудачные меры разрушили стимулы и повысили неопределенность в экономике. Так, как показало одно из исследований, курсы американских и иностранных акций в наибольшей степени деградировали именно в период объявления TARP (И. Минервин [103, с. 16]).

Таким образом, среди указанных причин, вызвавших мировой кризис 2007–2009 гг., большинство либо являются финансовыми по содержанию, либо связано с денежным обращением косвенно, поэтому в экономической науке преобладает название «мировой *финансовый* кризис». Однако более глубокий анализ *источников данного кризиса* позволяет выявить механизм его развертывания. Денежное обращение, каким бы масштабным и сложным оно ни было, включая операции с ценными бумагами, обслуживает лишь процесс воспроизводства, обеспечивая продвижение товаров и услуг от производителя к потребителю, поэтому отра-

жает, как в зеркале, накопившиеся диспропорции производства. Как отмечал К. Маркс, «...то, что представляется кризисом на денежном рынке, в действительности выражает аномалии в самом процессе производства и воспроизводства» [60, с. 358].

Дисбалансы в торговле являются следствием, а не причиной кризиса, так как торговля (обмен) сама по себе является лишь третьей стадией расширенного воспроизводства, она реализует лишь то, что создано в процессе производства. Диспропорции в мировой торговле также являются следствием накопившихся противоречий в сфере производства мировой экономики. Поэтому кризис разворачивался, начиная с производства, затем проявился в сфере торговли в форме дисбалансов в мировой экономике, а денежно-кредитные «провалы» явились лишь его «показателями». Таким образом, рассматриваемый кризис по праву можно считать мировым *экономическим* кризисом американского происхождения.

Остановимся более подробно на финансовой причине кризисов. Она наиболее подробно рассматривается экономистами потому, что в основе правительственных программ регулирования экономики до недавнего времени преобладали теории монетаризма, оттеснившие идеи кейнсианства с конца 60-х гг. XX в.

Сторонники спроса на деньги по формуле Фишера ($PQ=MV$) объясняют равенство между спросом на деньги (PQ/V) и их предложением (M). Для практического использования этой формулы имеются сомнения:

1. На сегодняшний день на каждый доллар, который обслуживает реальное обращение благ, в мировом хозяйстве приходится 9 долларов, обслуживающих обращение финансовых активов (так называемая «экономика казино»). Между тем, финансовые инструменты не составляют никакой части ВВП и колебания их курсов на объем ВВП никак не влияют. Таким образом, связь между объемом ВВП и потребностью в денежной массе (транзакционный спрос на деньги) – чисто теоретическая [71, с. 9].

Кроме того, на рынке покупаются товары прошлых лет (вторичное жилье, подержанные автомобили), не имеющие к величине текущего годового ВВП никакого отношения, но обслуживаемые деньгами.

2. В формуле не учтен также мотив отложенного спроса (резервирование денег для будущих транзакций) и спекулятивный мотив спроса на деньги. В условиях, когда около 80 % мирового оборота приходится на американские ТНК, доллар США априори является резервной валютой, а это означает, что спрос на доллары в значительной степени определяется будущими потребностями.

Нынешний кризис, по мнению Р.М. Нижегородцева и А.С. Стрелецкого, сработал по механизму финансовых циклов, описанному еще в 60-е годы XX в. Х. Мински [71, с. 50]. В первой фазе цикла происходит «замещение», некое событие, которое меняет представление людей о будущем. Затем происходит рост цен на активы в том секторе, который был затронут «замещением». Третья фаза цикла – получение доступа

к дешевому кредиту и рост финансовых инноваций, связанных с использованием и обеспечением кредита. Четвертая фаза – бурный рост сделок, когда рынок постоянно зависит от притока новых участников, которые незнакомы с правилами игры. Пятая фаза – эйфория, когда новоприбывшие участники рынка надеются заработать столько же, сколько их предшественники. В шестой фазе происходит фиксирование прибыли инсайдерами, которые понимают неминуемость кризиса. После чего наступает седьмая стадия финансового цикла – собственно кризис.

В случае с нынешним кризисом первая стадия «замещение» началась в результате масштабного сокращения процентных ставок в 2000–2002 гг., которое привело к росту цен на многие активы, прежде всего на недвижимость.

В печати появилось много научных публикаций, связывающих кризис США с ростом долларовой массы, почти в 30 раз превышающей годовой объем ВВП всего мира, и следовательно, не обеспеченный товарным покрытием [84, 94, 96, 98, 99]. Однако из-за особой роли доллара в мировом хозяйстве ему не нужно товарное покрытие, и формула И. Фишера здесь также не «работает».

До тех пор, пока центральные банки разных стран мира хранят золотовалютные резервы частично в долларовом выражении, пока доллар США является резервной валютой в мире, избыточная денежная эмиссия идет только на пользу американской экономике, явля-

ется инструментом покрытия внутренних и внешних долгов правительства.

Коренной причиной кризиса, по мнению Р.М. Нижгородцева, является перенакопление капитала сверх *потребностей* производства [71, с. 12]. И здесь мы солидарны, так как считаем первоисточником любых циклов совершенствование потребностей, ведущее к периодически возникающему противоречию между потребностями и урсами (глава 2 данной монографии).

Одной из причин мирового кризиса, как уже указывалось, экономистами рассматриваются диспропорции на ипотечном рынке, желание американцев удовлетворить свои потребности в жилье с помощью дешевого кредита. При этом финансовая сфера явилась преемником кризисного сигнала, а не «колыбелью» кризиса. Истоки этого кризиса заложены в начале 2000-х гг. политикой «дешевых» денег ФРС США (ставка рефинансирования планомерно была снижена с 6 % в 1 кв. 2000 г. до 1 % : к 3 к 2003 г.). На рынке недвижимости начался бум, когда дома стали покупать не для того использования и проживания, а для перепродажи, с целью расширить свои финансовые ресурсы, получить спекулятивную прибыль. В результате доля ненадежных заемщиков в сер. 2006 г. составляла около 1/5 [71, с. 37].

В конце 2006 г. на американском рынке жилья замедлился рост продаж, это насторожило инвесторов и банки. В такой ситуации возрастание рисков банки всегда стремятся компенсировать за счет подъема коммерческой учетной ставки, а это означает удорожа-

ние денег в экономике, следовательно всплеск инфляции издержек, свертывание инвестиционных проектов.

В итоге распространение получили ипотечные кредиты с плавающей процентной ставкой, привязанной к ставке ФРС. И когда последняя начала расти, американцы оказались не в состоянии обслуживать свои кредитные задолженности. Потребности американцев пришли в противоречие с их финансовыми ресурсами. Рост цен на недвижимость в результате прекратился, а перед ипотечными банками нависла угроза неплатежей. В результате кризис перешел на финансовую сферу, на фондовых рынках стали терять свою ценность ценные бумаги, а инвестиционные банки, имевшие в своих активах эти бумаги, оказались на грани банкротства. Поэтому финансовый кризис стал не причиной, а следствием, тем более, что в США недвижимость – основная форма залога в кредитовании [80].

Несмотря на предпринятую меру со стороны ФРС (снижение ставки рефинансирования), учетные коммерческие ставки продолжали расти. Более того, не помогло вмешательство государства: правительство США пыталось взять на себя часть финансовых рисков, поддерживало банки, поэтому ставка рефинансирования падала, но учетные ставки процента росли. Таким образом, *ставка рефинансирования перестала быть автоматическим регулятором* учетной ставки, правительство выпустило из рук важнейший регулятор монетарной системы.

Таким образом, причины, названные учеными в качестве «спускового механизма» кризиса 2008–2009 гг., можно субординировать между собой.

1) Главной причиной являются диспропорции в самом производстве, прежде всего в перенакоплении в США одного из важнейших ресурсов производства – капитале. Кредитно-денежные факторы, диспропорции во внешней торговле, платежных балансах явились производными, но не первичными факторами современного кризиса.

2) Из-за интернационализации промышленного производства, роста степени взаимозависимости экономик кризис распространился из США на все остальные страны мира, приобретая специфические формы проявления в каждой из них.

3) Мировой финансовый кризис по существу является среднесрочным экономическим («деловым циклом»), распространившимся на все стадии воспроизводства, затронувший все сферы экономики, отягощенным понижательной волной Кондратьева. Он разразился летом 2007 г., и до сих пор в некоторых странах (Греция, Болгария, Украина и др.) нет сигналов к тому, что он заканчивается. Кроме того, имеется мнение ряда ученых, что у кризиса проявилась «вторая волна» [96].

Использование выявленных нами ведущих факторов циклообразования в Республике Беларусь способствовало более точному прогнозированию нелинейной макродинамики в 2012 году на 2013 год (использован *ППП «Eviews 7»*). Так, наши расчетные значения при-

роста ВВП на 2013 г. составили + 2,1 % г., а прогноз Минэкономики на указанный год составлял +7,5 %) (см. рисунок 4.1.1). По итогам завершеного 2013 года с корректировкой на дату 20 марта 2014 г. прирост объема ВВП Беларуси за 2013 г. составил по факту + 0,9 %, подтвердив достаточную точность спрогнозированной годом ранее динамики ВВП с применением циклической компоненты.

Таким образом, методика прогнозирования циклической динамики ВВП на протяжении 2007–2013 гг. еще раз подтвердила свою состоятельность. Наши расчетные значения прироста ВВП на 2015 г. составляют минус 2,1 % г. (см. рисунок 4.1.2). Время покажет. По мере продвижения экономической системы по пути трансформации наблюдается усиление амплитуды циклических колебаний эндогенных факторов и затухание – экзогенных. Поэтому влияние денежно-кредитных рычагов, степени концентрации производства на макродинамику будет возрастать.

4.2 Кризис 2008–2009 гг. : сравнительный обзор антициклической политики в трансформационных экономиках

За 200 лет с начала статистической фиксации экономических кризисов странами мира приобретен большой опыт применения рычагов антициклической политики. Однако эффективность антициклического пакета зависит от *своевременности* его использования

и максимального учета специфики экономической ситуации.

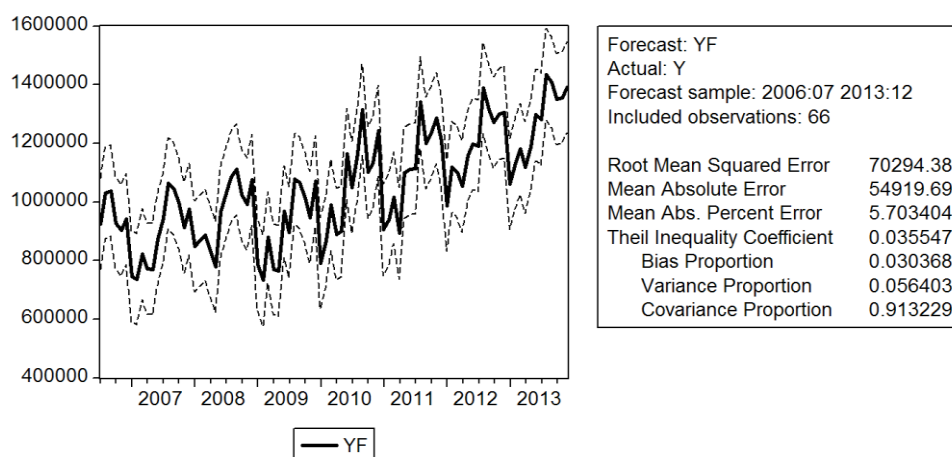

Рисунок 4.1.1 – Результаты прогнозирования циклической динамики ВВП Республики Беларусь (в 2012 году) на 2013 г. с учетом выявленных циклообразующих факторов

Примечание: собственная разработка с использованием *PIPP Views 7*.

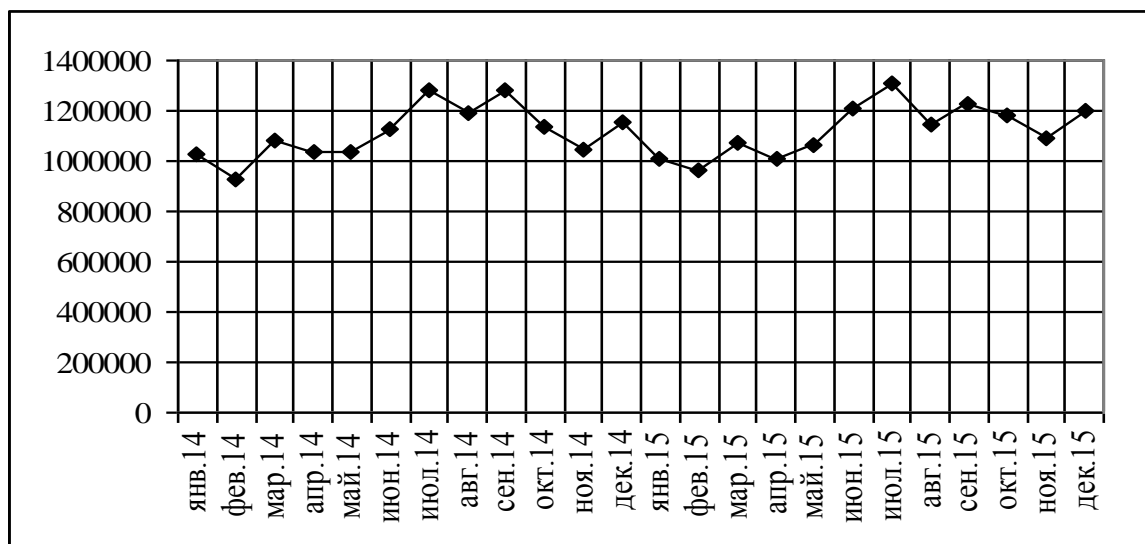

Рисунок 4.1.2. – Прогноз циклической динамики ВВП Республики Беларусь (в 2014 году) на 2015 гг. с учетом выявленных циклообразующих факторов

Примечание – Собственная разработка с использованием *ППП Eviews 7*, опубликована (Экономика и управление. – 2015. – № 2. – С. 7–10).

Уроки кризиса 2008–2009 гг. (2008–2011 гг. в разных странах) для трансформационных экономик особенно тяжелы. Специфика антициклических мер вытекала из состояния товарного и денежного рынков каждой страны. Для сравнительного анализа содержания антикризисных программ были избраны четыре разнообразных страны так называемых трансформационных экономик – Республика Беларусь, Российская Федерация, Украина и Республика Болгария.

Украина наиболее пострадала от кризиса среди стран мира. К началу мирового кризиса Украина не смогла достичь уровня производства советского периода: в 2008 г. ВВП составил 74,1 % уровня 1990 г. За период 2000–2008 гг. устойчиво увеличивалось отрицательное торговое сальдо по товарам и услугам, составив 13,5 млрд. долл. к концу 2008 г.

Только за январь – ноябрь 2009 г. объем экспорта сократился на 43,4 %. Он сопровождался грандиозным оттоком капитала по счету движения капитала платежного баланса. В результате девальвация гривны произошла в Украине гораздо раньше, чем в Беларуси, России и Казахстане (сентябрь-октябрь 2008 г. – девальвация на 58 %) [28, с. 6].

Однако кредитная помощь МВФ достигла цели: в 2009 г. дефицит торгового баланса сократился в 10 раз по сравнению с 2008 г. [70]. Кризис заставил задуматься о «долговых» источниках экономического роста Украины (внешний долг Украины составил 104,4 млрд. долл. на 1.10.2009. г) [70]. Он выявил также внутреннюю основу кризиса: в стране практически не прово-

дилась модернизация материально-технической базы промышленности, что и вылилось в обширный структурный кризис.

В докризисный период украинская экономика развивалась за счет интенсивного привлечения внешних кредитных ресурсов, направлявшихся в основном в сферу услуг, экспортный сектор, сферу недвижимости. Финансовый кризис в Украине развивался по той же схеме, что и в России. Однако масштабы свертывания фондового рынка – самые значительные среди стран СНГ (86, 1% к максимальному значению 2008 года) [70].

Антикризисные меры Украины основаны на идеях монетаризма, в то время как другие страны предпочли кейнсианские подходы [28, с. 4]. Основными инструментами стали:

- 1). Индивидуальные правительственные решения о финансовой поддержке национальной банковской системы.
- 2). Поддержка экспортного сектора экономики.
- 3). Удержание цен на коммунальные услуги.
- 4). Налоговые льготы для госпредприятий.

Украинская экономика фактически приняла Меморандум МВФ за основу антикризисной программы, что нашло отражение в Законе Украины «О первоочередных мерах по предотвращению негативных последствий финансового кризиса и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины» от 3 ноября 2008 года. Главные требования, выдвинутые МВФ к Украине, заключались в обуздании инфляции, перехо-

де к гибкому курсу национальной валюты, отказе от протекционизма во внешней торговле, сокращении бюджетных расходов и фискальной помощи экономике, укреплении банковской системы.

Однако курс правительства Украины на повышение социальных стандартов в 2010 г. не вписывался в лимит дефицита госбюджета 3–4 %, выдвинутый МВФ в качестве одного из требований при выделении четвертого транша кредитования, что привело к противоречию между политикой государства и позицией МВФ, замораживанию выплат по программе stand-by. На начало 2010 г. Украина получила лишь 65 % запланированных кредитных ресурсов МВФ [70]. Россия, учитывая сложную ситуацию Украины, воздержалась от введения штрафных санкций против Украины за недобор газа, а осенью 2009 г. пошла на уступки (оплата Украиной только реально потребляемого газа).

В отличие от других трансформационных экономик, Российская Федерация располагает крупными золотовалютными резервами (к концу кризисного 2009 года – 600 млрд. долл. [107], занимая третье место в мире после Японии и Китая). Причинами усугубления влияния мирового кризиса на экономику РФ послужили проблемы как на денежном, так и на товарном рынках. В частности, диспропорции денежного рынка предопределили неизбежность кризиса даже без влияния мирового экономического пространства (бесконтрольное расширение предложения денег в 2000-е гг., падение уровня капитализации российских банков, спекулятивное ценообразование на фондовом рынке).

Свертывание функционирования кредитного рынка привело к резкому сокращению оборотных средств фирм и организаций, объема инвестирования за счет средств предприятий. Кризис заставил изменить структуру пирамиды Маслоу: усиление потребности в безопасности вылилось в бегство частного капитала из РФ (в сент.-дек. 2008 года 160 млрд. долл.) [19, С. 2–3].

Мировой кризис повлиял на экономику РФ через резкое сокращение экспортной выручки по счету текущих операций платежного баланса [107]. В результате сократился объем широкой денежной массы. В связи с этим антикризисные меры РФ были основаны на сочетании кейнсианского и монетаристского подходов:

- 1). Отказ от фискальной поддержки неэффективных производств.

- 2). Финансирование высокорентабельных и технически передовых промышленных производств (в 2008–2009 гг. выделены целевые средства для поддержки реального сектора экономики в размере 6383 млрд. руб. [77, с. 42])

- 3). Долгосрочная целенаправленная модернизация экономики.

- 4). Поддержка малого бизнеса (снижение нагрузки на бизнес, экспортных пошлин, ограничение роста тарифов естественных монополий).

- 5). Стабилизация банковской системы, фондового рынка, стимулирование сбережений населения.

- 6). Стимулирование внутреннего спроса с целью ослабления зависимости от внешней конъюнктуры (расширены социальные трансферты: пенсии, пособия,

бюджетная заработная плата, увеличены госзакупки; инвестиционные программы субъектов естественных монополий; расширен лизинг; внедрены защитные таможенные меры);

7). Адресная фискальная поддержка пострадавшим от кризиса гражданам и семьям. [77; 55, С. 27–29].

Первоочередной мерой правительства РФ явилась стабилизация финансового рынка. В частности, была оказана государственная поддержка основным системообразующим банкам путем вливания ликвидности в крупные банки (в 2008 г. выдано более 2 трлн. руб. субординированных кредитов [19, С, с. 42]). По данным Всемирного банка, объем антикризисных бюджетных мер по поддержке российской финансовой системы в 2008–2009 гг. оценивается в 1,4 трлн. руб. [83]. Российские эксперты оценивают финансовую помощь банкам – государственные взносы в уставный капитал банков – в 2,8 трлн. руб. [79].

Иные меры обеспечивали условия для укрепления доходной базы банков в виде привлечения на возвратной основе средств Банка России, государственного бюджета, государственных корпораций и депозитов населения. Сюда же можно отнести плавную девальвацию рубля, позволившую банкам исправить дисбаланс между валютными активами и обязательствами. Важную роль в укреплении стабильности банков сыграли решения по снижению резервных требований и введение гарантий по вкладам граждан в сумме до 700 тыс. руб. в одном банке.

Наличие почти 600-миллиардного золотовалютного резерва позволило Правительству РФ не допустить дефолта банковской системы и кредитного рынка. Так, за период с июля 2008 г. по февраль 2009 г. часть золотовалютных резервов, которая находилась в ведении Банка России, сократилась на 270 млрд. долл. (с 434 млрд. долл. до 164 млрд. долл.) [73]. Начавшаяся осенью 2008 г. девальвация рубля, которая в итоге снизила стоимость рубля на 50%, неизбежно привела бы к повторению сценария дефолта банковской системы 1998 г., если бы Правительство РФ не оказало поддержку банкам.

Социальная поддержка населения также была одним из приоритетных направлений антикризисной политики Правительства РФ, основными составляющими которой стали: исполнение всех социальных обязательств государства в полном объёме, сохранение рабочих мест и поддержка отдельных социально-значимых предприятий, стимулирование внутреннего спроса. Как отметил В.В. Путин в статье «Строительство справедливости. Социальная политика для России», расходы бюджетной системы на социальную сферу составляют более половины в общих бюджетных расходах, только за 2008–2012 гг. они выросли в абсолютном выражении в 1,5 раза, а в доле ВВП – с 21% до 27% [78]. Ни одна из социальных гарантий не была поколеблена в условиях кризиса 2008–2009 годов. Более того, даже в этот период росла зарплата работников бюджетного сектора, увеличивались пенсии и другие социальные выплаты. Таким образом, сравне-

ние российской антикризисной политики с политикой стран Европейского Союза показывает, что антикризисная политика РФ оказалась одной из наиболее социально ориентированных. В эти годы многие страны ЕС проводили меры по свертыванию социальных программ: от сокращения социальных выплат и зарплат бюджетников в Испании и Греции до пенсионной реформы, предусматривающей повышение пенсионного возраста, во Франции [65].

Экономический спад выявил также внутреннюю основу кризиса: не проводилась масштабная модернизация материально-технической базы, «огосударствление» деятельности ЦБР привело к снижению эффективности его деятельности.

Сформировав перечень системообразующих организаций, Правительство РФ стало оказывать им поддержку [51]. Основным её инструментом выступили государственные гарантии по кредитам. Данный механизм долго разрабатывался и начал использоваться только с середины 2009 г. С одной стороны, по мнению российских учёных [79], это позволило, стабилизировать социальную и экономическую ситуацию, а с другой – препятствовало реструктуризации и обновлению, «поскольку многие системообразующие предприятия на самом деле – системообразующие банкроты, и их спасение не поможет решить задачи модернизации» [63, с. 10].

Другим инструментом поддержки реального сектора экономики стало стимулирование спроса при помощи межбюджетных трансфертов. При этом вливание

денежных средств в экономику происходило через коммерческие банки, которые возвращали ЦБ РФ кредиты в объеме, практически равном денежной эмиссии (в результате девальвации). Поэтому ликвидность оставалась в дефиците, что привело к снижению запасов готовой продукции до 7,5% от ВВП, а инфляция во втором полугодии 2009 г. упала практически до нуля.

Схемы поддержки спроса в России ограничились пределами автомобильного сектора экономики и не были распространены на другие производства, в частности на электро- и электронную технику (как это было сделано в Германии, Японии, КНР).

Болгария, являясь страной, готовящейся к введению евро, тяжело восприняла дестабилизацию внутреннего финансового рынка. Сильнее пострадали от кризиса потребители. За 2008—2009 гг. индекс потребительских цен увеличился на 7—11% [41, 57]. Отмечался неравномерный рост цен по различным товарным позициям (от 7 до 30 %). Резко менялась стоимость таких товаров, как бензин, газ, автомобили, а также медикаменты и медицинские услуги. Влияние мирового кризиса усугублено многолетним дефицитом торгового баланса. По сравнению с РФ и РБ Болгария имела высокий уровень безработицы (6—7 % в течение 2008 г.) и совокупного внешнего долга [76].

Предпринятые антициклические меры характеризовались:

- 1). Беспрецедентным ростом государственных фискальных вливаний и переходом на «ручное» управление экономикой;

2). Поддержкой ликвидных ресурсов банковской системы;

3). Стимулированием внутреннего спроса (рост фискальных трансфертов на 25 % по сравнению с 2007 г.);

4). Нарращиванием внешнего заимствования (за 2008 г. – на 30 % по сравнению с 2007 г., к концу 2008 г. совокупный внешний долг достиг 36 970 млн. евро).

4). Ориентацией предприятий на долгосрочную модернизацию.

Антициклическая политика в Болгарии не достигла эффективных результатов на рынке труда, так как к концу 2010 г. уровень безработицы возрос до 10 % [76, с. 52; 67]. Возможно, недостаточной была поддержка малого бизнеса в рамках антикризисных мер.

В Республике Беларусь протекание фазы спада характеризовалось: свертыванием объемов производства только в промышленном секторе, в целом же динамика объема ВВП была более характерной для фазы депрессии экономического цикла. При этом для экономики характерен самый низкий уровень безработицы – 0,7–0,8 %. Наиболее значительно кризис отразился на экспортной выручке, следовательно, на уровне золотовалютных резервов Национального банка. Высокая импортозависимость производства усугубила ситуацию на валютном рынке, резко возрос спрос на иностранную валюту, спровоцировав двойственность валютных курсов и развитие теневого валютного рынка.

Далее начала развиваться инфляция издержек, инспирированная в основном ростом курсов россий-

ского рубля. Рост потребительских цен несколько смягчился за счет сокращения доходов торговых посредников, однако такой эффект был достигнут в большей степени административными рычагами в сфере ценообразования, а не рыночными.

Направлениями антициклической политики стали комплексы фискальных и монетарных рычагов:

- 1). Значительное снижение рисков от внешнеторговых операций, учет прогнозного изменения уровня инфляции, увеличение ставки рефинансирования;

- 2). Установление наклонного валютного коридора (рост курса догоняет темп роста цен);

- 3). Сознательное занижение реального обменного курса для стимулирования экспорта.

- 4). Пополнение золотовалютных резервов масштабной приватизацией госсобственности, кредитами МВФ и ЕврАзЭС;

- 5). Поддержка уровня ликвидности основных системообразующих банков страны;

- 6). Поддержка отечественных производителей;

- 7). Масштабная адресная социальная защита населения.

Усиление потребности населения в безопасности по сравнению с первичными потребностями пирамиды Маслоу вызвало искажение структуры депозитов населения: за янв. – май 2009 г. рублевые депозиты сократились на 20 %, валютные – увеличились на 73 %. [68]. Если бы не удалось остановить обвальный рост спроса на иностранную валюту, были бы в 2010–2011 гг. введены волонтаристские меры (мораторий на досрочное

снятие валютных депозитов, открытие депозитов в нетипичной валюте (юани Китая, шекели Израиля и проч.).

Значительного эффекта антициклические меры не дали, так как рентабельность реализованной продукции в торговле и общественном питании снизилась с 19,9% (в 2008 г.) до 17,7% (в 2009 г.), а отрицательное внешнеторговое сальдо продолжало сохраняться [68]. Без коренной модернизации производства исправить такое положение дел невозможно. Потребуется несколько лет даже при интенсификации мероприятий по структурной перестройке и модернизации экономики.

Таким образом, все антициклические меры в период мирового финансового кризиса конца 2000-х гг. можно свести в единую сравнительную таблицу (таблица 4.2.1).

Анализ примененных антициклических мер в трансформационных экономиках показывает, что избирательность кейнсианских или монетаристских мер обусловлена спецификой развертывания кризиса в национальных системах. Однако нигде не учитывался процесс наложения экономических циклов разной периодичности. Своевременность применения дискреционных антициклических рычагов и в конечном счете их эффективность зависит от избранного интервала их воздействия, следовательно, важно определить продолжительность циклических волн (и фазы кризиса соответственно), имеющих место в данный момент времени.

Таблица 4.2.1 – Специфика кризиса 2008–2009 гг. и антициклических мер в отдельных трансформационных экономиках

Страна	Специфика экономической ситуации	Особенности фискальных рычагов	Особенности монетарных рычагов
1	2	3	4
Республика Беларусь	Объем ВВП достиг уровня 1990 г. в 2003 г.; более 10 лет – отрицательный торговый баланс; обширный структурный кризис; критическое состояние золотовалютных резервов; ускорение темпов инфляции; характерен «эффект хранилища»	Поддержка отечественных производителей; стимулирование внутреннего спроса, стимулирование экспорта; обуздание инфляции; стимулирование инвестиционной активности; модернизация экономики; социальная защита населения	Сочетались монетарные и фискальные рычаги; преобладали кейнсианский подход, монетарные рычаги; стабилизация валютных курсов, поддержка основных системообразующих банков.

Продолжение таблицы 4.1

1	2	3	4
Республика Болгария	Объем ВВП достиг уровня 1990 г. к 2003 г.; самый нестабильный уровень цен в Вост. Европе – скачкообразный рост на 20 % к концу 2009 г. по сравнению с 2007 г.; чередование инфляции и дефляции; низкий уровень золотовалютных резервов; большой внешний долг	Адресная фискальная поддержка субъектов, «ручное» управление экономикой; стимулирование внутреннего спроса; стабилизация цен; поддержка малого бизнеса, обеспечение занятости	Сочетались кейнсианские и монетаристские подходы; преобладали монетаристские подходы; поддержка ресурсов банковской системы.

Окончание таблицы 4.1

1	2	3	4
Россия	наличие крупных золотовалютных резервов; характерен «эффект храповика»	системы дотаций убыточных производств; поддержка малого бизнеса; стимулирование внутреннего спроса	фискальная поддержка передовых производств; поддержка банковской системы; стабилизация фондового рынка.
Украина	В 2008 г. ВВП составил 74,1 % уровня 1990 г.; резкий рост цен; «эффект храповика»; девальвация гривны на 58 % в сент.– окт. 2008 г.; масштабы свертывания фондового рынка—самые большие в СНГ; преобладали долговые источники роста; обширный структурный кризис	Налоговые льготы для госпредприятий; поддержка экспортного сектора экономики; сдерживание цен на коммунальные услуги.	Преобладали идеи монетаризма; поддержка банковской системы.

Сравнительный анализ циклообразующих факторов показывает, что наиболее пролонгированное воздействие на систему оказывают монетарные рычаги (до 3 лет). Эффект фискальных рычагов относительно краткосрочен (до 1 года). Следовательно, непродуманные регулирующие меры на *финансовом* рынке, имеющие следствием резкие дестабилизирующие скачки в динамике денежных агрегатов, валютных курсов, процентных ставок, будут сказываться на стабильном развитии реального сектора долгое время.

Некоторыми учеными ставится под вопрос применение монетарных рычагов антициклической политики вследствие циклической асимметрии ДКП [41, с. 58–59]). Однако по мере трансформации экономической системы в рыночную будет возрастать роль эндогенных связей элементов этой системы. Денежно-кредитная сфера относится как раз к таковым, следовательно, возрастание ее влияния на протекание экономических циклов и их взаимодействие является закономерным процессом.

Выделение зон возможного наложения циклов различной периодичности важно при распределении сумм погашения внешних займов трансформационных экономик в конкретные сроки. Отдельные экономисты считают, что Республике Беларусь следует рассчитывать на кредиты, выделяемые траншами из сформированного странами ЕврАзЭС антикризисного фонда (АКФ) в размере 10 млрд.долл. (доля России – 7,5 млрд. долл., 10 % из которых внесены почти всеми участниками) [55, с. 29]. Однако уже без того в 2012 г.

суммы по обслуживанию долга страны возросли на 60 %, в 2013–2015 гг. они еще более увеличились. Судя по нашим расчетам, опубликованным в 2013 г.¹, определялась возможность наложения на динамику объема ВВП (отягощенную нерешенными проблемами кризиса 2009 года) фазы спада цикла Китчина в 2013–2014 гг. В этом случае дальнейшее «залезание» в долги чревато отвлечением значительных средств от срочной модернизации экономики, которую жизненно необходимо провести в ближайшие несколько лет.

Заключение

Конечной целью такого рода исследований является разработка своевременных и эффективных антициклических мер. Существует сомнение в том, что можно добиться полностью бескризисного развития мировой экономики, но поиск новых методов и подходов для выявления и смягчения кризисных процессов должен вестись постоянно.

Кроме того, речь идет об *эффективности времени* применения антициклических рычагов. На основе данных авторских исследований выделение зон возможного наложения циклов различной периодичности важно как для выбора правильного интервала времени воздействия монетарными и фискальными рычагами на систему, так и для расчетов сроков и сумм погашения внешних займов трансформационных экономик.

¹ Изв. Гомел. гос. ун-та. – 2012. – № 2. – С. 186–193.

Посткризисные исследования «Российского союза промышленников и предпринимателей» показывают, что удовлетворённость результатами собственной антикризисной политики испытывают порядка 77% предпринимателей, что же касается антикризисной политики Правительства РФ, то её результатами не удовлетворены или удовлетворены частично 60% опрошенных [74]. Эксперты Высшей школы экономики РФ считают, что «лишь немногим больше 10% мер имеют сильный эффект на стадии кризиса, примерно 30% – обеспечивают умеренный, а 60% – слабый антикризисный эффект» [87, с. 37–38].

К числу первых отнесены меры прямой помощи организациям (государственные гарантии по кредитам), отдельные меры таможенной политики, меры по регулированию деятельности субъектов естественных монополий, а также ряд мер налоговой политики. При этом отмечается, что оценка эффекта не всегда коррелирована с объёмом ресурсов, выделяемым государством на реализацию тех или иных мероприятий.

Действительно, антикризисный эффект многих управленческих решений и применяемых мер может быть поставлен под сомнение, поскольку одним из основополагающих условий антикризисного управления, как известно, является «максимизация выгоды» (эффекта) в настоящем, т.е. в краткосрочном текущем периоде. Вместе с тем, ряд мер, содержащихся в антикризисных программах, изначально был направлен на поддержание стратегического курса на модернизацию экономики, установленного в докризисный период.

Социальные институты подтвердили способность работать в условиях кризиса и купировать усиление напряжённости на рынке труда. Была практически доказана правильность курса предшествующих лет на накопление *резервов*, которые могут использоваться для смягчения остроты кризиса, учитывая особую уязвимость российской экономики в условиях резких колебаний внешнеэкономической конъюнктуры.

Так как потребности как исходная причина циклических процессов – социально-психологическая категория, а совокупный спрос – их отражение в зеркале нарождающегося рыночного механизма хозяйствования, то необходимы гибкие методы антикризисного регулирования, направленные на стимулирование *мотивации* потребителя. Особенно опасно в такие периоды проводить резкие изменения валютных курсов, банковских ставок, уровней социальных трансфертов, так как это спровоцирует изменение структуры потребностей, мотивов адаптивного поведения потребителя.

Практические рекомендации для программ устойчивого развития национальной экономики с учетом циклических процессов включают:

а) обоснование необходимости расширения перечня критериев экономической безопасности национальной экономики за счет введения предела амплитуды ежемесячных (ежеквартальных) колебаний следующих макропоказателей: объема инвестиций в основной капитал; доли налоговых сборов в ВВП, в том числе прямых; объема государственных расходов и объема субсидий из консолидированного бюджета; объема ре-

альной денежной массы (агрегат M_2) (введение порогового значения – «не более среднемесячной фактически сложившейся амплитуды»);

б) меры по сглаживанию краткосрочных циклических колебаний на основе государственного регулирования:

- применение группы гибких методов антикризисного регулирования, направленных на стимулирование *мотивации* потребителя;

- избежание резких изменений валютных курсов, банковских ставок, уровней социальных трансфертов из консолидированного бюджета, влекущих изменение мотивов адаптивного поведения потребителя;

- обеспечение контроля над равномерным во времени распределением, освоением инвестиций в основной капитал, госрасходов в течение календарного года, смягчая краткосрочные годовые циклы в их динамике;

- учет результатов диагностики зон возможного наложения экономических циклов различной периодичности при определении сумм обслуживания внешних займов и сроков их уплаты.

Библиографический список

1. Aiolfi, M. Common factors in Latin America's business cycles / M. Aiolfi, L. Catao, A. Timmermann. – Washington : Intern. Monetary Fund, 2006. – 62 p. – (Working paper, № WP/06/49).

2. Alesina, A. Why is fiscal policy often procyclical? / A. Alesina, G. Tabellini. – Cambridge : Nat. Bureau of Econ. Research, 2005. – 27 p. – (Working paper, № 11600).
3. Business cycles indicators : in 2 vol. / ed. G. Moore. – Princeton : Princeton Univ. Press, 1961. – Vol. 2 (Studies in business cycles).
4. Caballero, R. Fiscal policy and financial depth / R. Caballero, A. Krishnamurthy. – Cambridge : Nat. Bureau of Econ. Research, 2004. – 20 p. – (Working paper, № 10532).
5. Calderón, C. Business cycles and fiscal policies: the role of institutions and financial markets / C. Calderón, K.S. Hebbel. – Santiago de Chile : Banco Centr. De Chile, 2008. – 40 p. – (Doc. de trab., № 481).
6. Clark, J. M. Strategic factors in business cycles / J.M. Clark. – New York : H. Wolff, 1934. – 238 p. – (Publ. of the Nat. Bureau of Econ. Research, № 24).
7. Eisner, R. Factors in business investment / R. Eisner. – Cambridge : Nat. Bureau of Econ. Research, 1978. – 219 p. – (Gen. ser., № 102).
8. Fortune, J.N. Manufacturers aggregate inventory accumulation and unfilled orderd / J.N. Fortune, J. Neill // J. of Post Keynesian Econ. – 1985. – Vol. 7, № 3. – P. 324–331.

9. GDP Deflator // National Aeronautics and Space Administration / [Electronic resource]. – Mode of access : <http://cost.jsc.nasa.gov/inflateGDP.html>. – Date of access : 20.03.2015.
 10. Hawkins, R.G. Cyclical investment behavior of indigenous firms and US foreign affiliates / R.G. Hawkins // European research in international business ; ed. M. Ghertman, J. Leontiadis. – Amsterdam [etc.], 1978. – P. 189–213.
 11. Jevons, W.S. Investigation in currency and finance / W.S. Jevons. – London : Macmillan, 1884. – 428 p.
 12. Jorgenson, D.W. Econometric studies of investment behavior : a survey / D.W. Jorgenson // J. of Econ. Lit. – 1971. – Vol. 9, № 4. – P. 1111–1147.
 13. Lane, P.R. Business cycles and macroeconomic policy in emerging market economies / P.R. Lane // Intern. Finance. – 2003. – Vol. 6, № 1. – P. 89–108.
 14. Mueller, A. Business Cycles, Unemployment and Yob Search / A. Mueller. – Stockholm Stockholm University, Department of Economics, 2011. – 117 p.
 15. Ruth, P.M. Consumption and business fluctuations: a case study of the shoe, leather, hide sequence / P.M. Ruth. – New York : Nat. Bureau of Econ. Research, 1956. – 293 p. – (Studies in business cycles, № 7).
- source=gismeteo. – Дата доступа: 23.07.2015.

- 16.Абухович, А. Напрасные ожидания: почему даже когда кризис кончится, лучше не станет. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.tut.by/economics/457313.html?utm_campaign=out-traf&utm_medium=block-news&utm_
- 17.Алексашенко, С. Российский кризис и антикризисный пакет: цели, масштабы, эффективность / С. Алексашенко, В. Миронов, Д. Мирошниченко // Вопросы экономики. – 2011. – № 2. – С. 23–49.
- 18.Алымов, Ю. Эффективность монетарной политики как условие устойчивого экономического роста / Юрий Алымов // Банкаўскі веснік. – 2010. – № 16 (чэрвень). – С. 5–9.
- 19.Андрюшин, С. К оценке антикризисной политики Центрального банка России / С. Андрюшин, В. Кузнецова // Экономист. – 2010. – № 5. – С. 40–46.
- 20.Аукуционек, С.П. Современные буржуазные теории и модели цикла: критический анализ / С.П. Аукуционек, И.М. Осадчая, Ю.Н. Покатаев ; отв. ред. Р.М. Энтов. – М. : Наука, 1984. – 223 с.
- 21.Барашов, Н.Г. Большие циклы хозяйственных реформ в экономике России : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / Н.Г. Барашов. – Саратов, 2002. – 199 л.
- 22.Бондаренко, Н.Н. Циклические колебания в эко-

- номике: методология исследования / Н.Н. Бондаренко. – Минск : Мисанта, 2008. – 243 с.
- 23.Борушко, Е.П. Концентрация на товарных рынках Беларуси: состояние, показатели измерения, государственное регулирование / Е.П. Борушко, Л.Ю. Данковцева // Экон. бюл. Науч.-исслед. экон. ин-та М-ва экономики Респ. Беларусь. – 2006. – № 1. – С. 34–40.
- 24.Бузгалин, А. Мировой экономический кризис и сценарии посткризисного развития: марксистский анализ / А. Бузгалин, А.Колганов // Вопр. экономики. –2009. – № 1. – С. 119–131.
- 25.Бычкова, Л.С. Особенности экономического цикла в экономике России : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / Л.С. Бычкова, Ин-т экономики отраслей, бизнеса и администрирования ФГ БОУ ВПО «Челябинский гос. ун-т». – Челябинск, 2012. – 26 с.
- 26.Българска народна банка. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bnb.bg>. – Дата доступа: 08.02.2015.
- 27.Вайн, С. Глобальный финансовый кризис: механизмы развития и стратегии выживания. – М. : Альпина Бизнес Букс. – 2009. – 302 с.

28. Вардомский, Л.Б. Глобальный кризис в Украине: причины глубокого спада и противоречия экономической политики / Л.Б. Вардомский, А.Г. Пылин // БЭЖ. – 2010. – №1. – С. 4–16.
29. Вашко, И.М. Совершенствование антикризисного управления в Республике Беларусь в условиях воздействия мирового экономического кризиса / И.М. Вашко // Экономика и управление. – 2010. – № 4. – С. 35–40.
30. Гилман, М. Дефолт, которого могло не быть : пер. с англ. / М. Гилман. – М.: Время, 2009. – 480 с.
31. Госкомстат Украины [Электронный ресурс] 2012. – Режим доступа : <http://www.ukrstat.gov.ua>. – Дата доступа: 21.03.2015.
32. Григорьев, Л. Теория циклы под ударом кризиса / Л. Григорьев, А. Иващенко // Вопр. экономики. – 2010. – № 10. – С. 31–55.
33. Гринберг, Р.С. Глобальный экономический кризис и модернизация России / Р.С. Гринберг // Белорусский экономический журнал. – 2011. – № 1. – С. 4–10.
34. Дадашов, И. Антикризисные советы /И. Дадашов // Вестник Ассоциации белорусских банков. – 2011. — 7 октября (№ 37). — С. 12—13.
35. Дементьев, В.Е. Доверие – фактор функционирования и развития современной рыночной экономики / В.Е. Дементьев // Рос. экон. журн. – 2004. – № 8. – С. 46–65.

36. Дементьева, Л.В. Циклы в современной экономике и влияние экономической политики на их развитие : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / Л.В. Дементьева. – Казань, 2006. – 145 л.
37. Ежемесячный отчет исследовательской организации Conference Board «Индикаторы экономического цикла» (сводный композит по ряду показателей). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.conferenceboard.org/data/bci.cfm>. – Дата доступа: 10.03.2015.
38. Зенькова, Л.П. Институциональные подходы к циклам зарубежных экономистов / Л.П. Зенькова // Экономика и упр. – 2009. – № 2. – С. 12–18.
39. Зенькова, Л.П. Кризис 2009 года и важнейшие индикаторы: состоятельность современных эмпирических и теоретических исследований / Л.П. Зенькова // Изв. Гомел. гос. ун-та. – 2011. – № 3. – С. 194–201.
40. Зенькова, Л.П. Циклы: теоретическое наследие и реалии трансформационной экономики Беларуси : моногр. / Л.П. Зенькова. – М. : Интеграция, 2006. – 304 с.
41. Злотникова, Е. Инфляционные последствия кризиса в Беларуси и странах Европы / Е. Злотникова // Банкаўскі веснік. – 2010. – № 19. – С. 55–57.
42. Ильин, М.В. Экономические циклы и их регулирование в национальной экономике Российской Федерации : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / М.В. Ильин. – М.: Гос. Ун-т упр., 2010. – 245 с.

43. Исследовательский центр ИПМ: исследования, прогнозы, мониторинг. – [Электронный ресурс] – Минск, 2014. – Режим доступа : <http://research.by/pdf/>– Дата доступа : 24.02.2015.
44. Каллаур, П.В. Механизм трансмиссии денежно-кредитной политики в экономике Республики Беларусь / П.В. Каллаур, В.Н. Комков, В.А. Черноокий // Белорус. экон. журн. – 2005. – № 3. – С. 4–15.
45. Кирдина, С.Г. Институциональные матрицы: макросоциологическая объяснительная гипотеза / С.Г. Кирдина – Электронный ресурс. – Режим доступа: http://www.kirdina.ru/index.php?Itemid=58&id=221&lang=ru&option=com_content&view=article. – Дата доступа: 12.05.2015.
46. Комков, В.Н. Особенности денежной трансмиссии в белорусской экономике / В.Н. Комков // Банк. весн. – 2006. – № 26. – С. 28–32.
47. Кондратов, Д. Таргетирование инфляции: практика ЕС и перспективы России / Д. Кондратов // Экономист. – 2011. – № 3. – С. 67–77.
48. Коновалов, В.М. Экономический кризис и перспектива макроэкономической стабилизации в Беларуси / В.М. Коновалов // Фондовый рынок. – 2009. – № 8. – С. 44–46.
49. Корнейчук, Б. Экономисты о причинах кризиса / Б. Корнейчук // Экономист. – 2010. –

№ 5. – С. 19–26.

50. Кравцов, М.К. Оценка влияния цен импорта природного газа и сырой нефти на основные макроэкономические показатели в Республике Беларусь / М.К. Кравцов, О.И. Гаспадарец, Н.Н. Шинкевич // Экономика и упр. – 2009. – № 2. – С. 3–11.
51. Красавина, Л.Н. О единой государственной денежно-кредитной политике РФ на 2011–2013 гг. / Л.Н. Красавина, М.А. Абрамова // Банковское дело. – 2011. – № 1. – С. 54–58.
52. Кризисная экономика современной России: тенденции и перспективы / науч. ред. Е.Т. Гайдар. – М. : Проспект, 2010. – 656 с.
53. Лавровский, Б.Л. Есть ли у кризиса режиссер? : (объективное и субъективное в современной экономике) / Б.Л. Лавровский // ЭКО. – 2010. – № 3. – С. 149–154.
54. Лейонхуфвуд, А. Макроэкономическая теория в XX столетии: основные вехи развития / А. Лейонхуфвуд // Вопросы экономики. – 2011. – № 11. – С. 26–45.
55. Лепешкина, К.Н. Проблемы преодоления кризиса на финансовом рынке: мировая и российская практика антикризисных мер / К.Н. Лепешкина // Деньги и кредит. – № 2. – С. 26–30.
56. Макаров Е.Е. Особенности развития национальных экономик Беларуси и Латвии в условиях глобализации и мирового экономического кризи-

- са /Е. Е. Макаров Веснік БДУ. Серыя 3. Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. –2011. — № 2. — С. 73—77.
- 57.Макконнелл, К.Р. Экономикс: принципы, проблемы и политика : пер. с 14-го англ. изд. / К.Р. Макконнелл, С.Л. Брю. – М. : ИНФРА–М, 2005. – 972 с.
- 58.Макроэкономика: учеб. пособие / Т.С. Алексеенко, Н.Ю. Дмитриева, Л.П. Зенькова [и др.]; под ред. Л.П. Зеньковой. – Минск: ИВЦ Минфина, 2013. – 448 с.
- 59.Мантаева, Э.И. Институциональная динамика открытой экономической системы : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.01 / Э.И. Мантаева. – М., 2002. – 330 л.
- 60.Маркс, К. Капитал. Критика политической экономики. Том второй. Книга II : Процесс обращения капитала / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения : в 50 т. – 2-е изд. – М., 1961. – Т. 24. – С. 358.
- 61.Маршалл, А. Принципы экономической науки: пер. с англ. : в 3 т. / А. Маршалл. – М. : Прогресс, 1993. – Т. 1. – 416 с.
- 62.Маслоу, А. Новые рубежи человеческой природы / А. Маслоу ; пер. с англ. Г.А. Балл, А.П. Попогребский ; под общ. ред. Г.А. Балла [и др.]. – М. : Смысл, 1999. – 423 с.

63. Мау, В. Экономическая политика 2009 года : между кризисом и модернизацией / В. Мау // Вопросы экономики. – 2010. – № 2. – С. 4–25.
64. Мелюшко, В. Современные факторы, воздействующие на риски возникновения кризисов / Виктор Мелюшко // Банкаўскі веснік. – 2010. – № 34 (снежань). – С. 31–35.
65. Мировая экономика : выход из кризиса / Под ред. Г. И. Мачавариани. – М. : ИМЭМО РАН, 2010. – 100 с.
66. Нацбанк Беларуси ввел штрафные санкции для банков за высокие ставки – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://direct-press.ru/v-mire/67126-natsbank-belarusi-vvel-shtrafnye-sanktsii-dlya-bankov-za-vysokie-stavki>. – Дата доступа: 15.06.2015
67. Национален статистически институт Българиин [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа : <http://www.nsi.bg>. – Дата доступа : 18.10.2014.
68. Национальный банк Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.nbrb.by>. – Дата доступа : 16.10.2014.
69. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belstst.gov.by>. – Дата доступа: 10.03.2014.
70. Національний банк України [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.bank.gov.ua/>. – Даты доступа : 08.10.2014, 12.02.2015.

- 71.Нижегородцев, Р.М. Мировой финансовый кризис / Р.М. Нижегородцев, А.С. Стрелецкий. – М. : ЛИБРОКОМ, 2008. – 64 с.
- 72.Остапкович, Г.В. О системе индикаторов цикличности экономики / Г.В. Остапкович // Вопросы статистики. – 2000. – № 12. – С. 15–17.
- 73.Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.minfin.ru>. – Дата доступа: 10.12.2011.
- 74.Оценка влияния антикризисных мер на практическую деятельность предприятий в 2009 году // Материалы 1-го Международного совещания руководителей национальных объединений работодателей и предпринимателей [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://archive.rspp.ru/Attachment.aspx?Id=14272>.
- 75.Пилуй, М. Скрытая и частичная безработица: сущность, причины и масштабы / М. Пилуй // Белорус. банк. бюл. – 2003. – № 25. – С. 46–54.
- 76.Подколзина, И.А. Антикризисная политика монетарных властей зоны евро / И.А. Подколзина // Деньги и кредит. – 2010. – №10. – С. 51–59.
- 77.Программа антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2009 год [Электронный ресурс] / Российская газета, 2009. Режим доступа : <http://www.rg.ru/2009/03/20/programma-antikrisis-dok.html>. Дата доступа : 12.08.2014.
- 78.Путин, В.В. Строительство справедливости. Социальная политика для России / В. В. Путин //

- Комсомольская правда. – 2012. – 13 февраля. – С. 3.
- 79.Радыгин, А. Российская экономика в 2009 году. Тенденции и перспективы / А. Радыгин. – М. : Институт Гайдара, 2010. – 592 с.
- 80.Разгулин, А. Мировой финансовый кризис и его влияние на состояние рынка недвижимости / А. Разгулин // Проблемы теории и практики управления. – 2010. – № 1. – С. 7–11.
- 81.Ребело, С. Модели реальных деловых циклов: прошлое, настоящее и будущее / С. Ребело // Вопр. экономики. – 2010. – № 10. – С. 56–67.
- 82.Ровнина, Т. Кризис в ретроспективе и перспективе / Т. Ровнина // Директор. – 2011. — № 5. — С. 18—19.
- 83.Российская экономика в 2009 году : тенденции и перспективы. – [Электронный ресурс] / Сайт Всемирного банка. – Режим доступа : <http://www.worldbank.org>. – Дата доступа: 10.12.2011.
- 84.Руденков, В.М. Кризис в мировой экономике: проявление и преодоление / В.М. Руденков, А.А. Пилютик // Белорусский экономический журнал. – 2010. – № 1. – С. 27–34.
- 85.Рудый, К.В. Циклы в современной экономике / К.В. Рудый. – Минск : Новое знание, 2004. – 108 с.
- 86.Семенков, А.В. Теоретические основы цикличности социально-экономического развития: ин-

- ституциональный аспект : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.01 / А.В. Семенов. – М., 2005. – 287 л.
87. Симачев, Ю. В. Оценка антикризисных мер по поддержке реального сектора российской экономики / Ю. В. Симачев и др. // *Вопр. экономики.* – 2009. – № 5. – С. 21–46.
88. Слуцкий, Е.Е. Сложение случайных величин как источник циклических процессов / Е.Е. Слуцкий // *Вопр. конъюнктуры.* – 1927. – Т. 3, вып. 1. – С. 34–64.
89. Смирнов, С.В. Российские циклические индикаторы и их полезность в «реальном времени»: опыт рецессии 2008–2009 гг.. – Электронный ресурс. – Режим доступа: http://dcenter.hse.ru/coi/Smirnov-EJ-HSE_2012-4.pdf . – Дата обращения : 12.03.2015.
90. Соколов, Ю. Хождение по граблям (о программе антикризисных мер Правительства Российской Федерации) / Ю. Соколов // *Бизнес и банки.* – 2009. – №. 22. – С. 7–8.
91. Сорос, Дж. Мировой экономический кризис и его значение. Новая парадигма финансовых рынков / Дж. Сорос. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2010. – 263 с.
92. Статистический ежегодник Республика Беларусь 2014. – Минск: Национальн. статист. комитет, 2014. – 580 с.

93. Статистический ежегодник Республики Беларусь 2011. – Мн.: Национальн. статист. к-т Респ. Беларусь, 2011. – 578 с.
94. Суэтин, А.А. Понять современный финансовый кризис / А.А. Суэтин // Аудитор. – 2010. – № 3. – С. 41–48.
95. Таболов, А. Система опережающих индикаторов для Республики Беларусь / А.Г. Таболов // Банкаўскі веснік. – 2007. – № 31. – С. 30–36.
96. Тарасов, В. Время наличных. На депозитах: в условиях риска возникновения «второй волны» мирового экономического кризиса самым надежным активом для инвесторов становятся «живые» деньги / В. Тарасов Дело. – 2011. — № 10. — С. 22—25.
97. Тинберген, Я. [Рецензия] / Я. Тинберген. – Рец. на кн.: Burns, A.F. Measuring Business Cycles Erasmus / A.F. Burns, W.C. Mitchell. – New York : Intern. Bureau of Econ. Research, 1947. – 560 p.
98. Тихонов, А. О влиянии кризиса на Россию и Белоруссию / А. Тихонов // Экономист. – 2011. — № 7. — С. 28—36.
99. Тихонов, А. О. Финансовый кризис и устойчивость денежно–кредитной системы / А. О. Тихонов // Экономический бюллетень НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь. – 2011. — № 7. — С. 4—15
100. Урумова, Ф.М. Концептуальные основы институциональной системы трансформации пере-

- ходной экономики : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.01 / Ф.М. Урумова ; Рос. экон. акад. – М., 2004. – 35 с.
101. Фадеев, В.О. Модель восстановительного роста в системе циклической экономической динамики : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / В.О. Фадеев ; Саратовский гос. социально-экон. ун-т. – Саратов, 2012. – 22 с.
102. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа : <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi>. – Дата доступа : 07.03.2015.
103. Финансовый кризис: макроэкономический взгляд / И. Минервин // Вестник Ассоциации белорусских банков. – 2011. — 14 октября (№ 38). — С. 14—19.
104. Хаберлер, Г. Процветание и депрессия: теоретический анализ циклических колебаний : пер.с англ. / Г. Хаберлер. – Челябинск: Социум, 2005. – 475 с.
105. Ханин, Г. Экономический кризис 2009 г. в России: причины и последствия / Г. Ханин, Д. Фомин // ЭКО. – 2009. – № 1. – С. 20–37.
106. Хансен, Э.Х. Классики кейнсианства : в 2 т. / Э.Х. Хансен ; предисл. и сост. А.Г. Худокормова.

- М. : Экономика, 1997. – Т. 2 : Экономические циклы и национальный доход. – 429 с.
107. Центральный банк Российской Федерации [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа : www.cbr.ru. – Даты доступа : 12.10.2014, 10.02.2015.
108. Черник, Д.Г. Кризис и налоги / Д.Г. Черник, Ю.Д. Шмелев. – М. : Экономика, 2011. – 253 с.
109. Шахотько, Л.П. Незарегистрированная трудовая миграция Республики Беларусь: состав мигрантов и их деятельность / Л.П. Шахотько // Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эффекты : [сб. ст.] / Центр изучения проблем вынужд. миграции в СНГ [и др.] ; отв. ред. Ж.А. Зайончковская. – Донецк, 2007. – С. 66–67.
110. Шимановский, Г. Национальный банк Республики Беларусь Факторы роста валютного внешнего долга Беларуси / Г. Шиманович // Банкаўскі веснік. – 2011. — № 19 (ліпень). — С. 48—54.
111. Ясинский, Ю.М. Развитие социально-экономических систем : моногр. / Ю.М. Ясинский, А.О. Тихонов. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2005. – 95 с.

Научное издание

**Трансформационные экономики: кратко- и среднесрочные
экономические циклы**

Автор:

Зенькова Лариса Петровна

Ответственный за выпуск С.М. Осипович

Формирование макета: А.В. Засулевич

Дизайн обложки: А.В. Жукова

Подписано в печать 21.08.2015. Бумага типографская № 1.

Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Гарнитура Таймс. Ризография.

Усл. печ. л. 13,95. Уч.-изд. л. 14,5 Тираж 100 экз.

Заказ № 315

Республиканское унитарное предприятие «Информационно-вычислительный
центр Министерства финансов Республики Беларусь». Свидетельство о государствен-
ной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий

№1/161 от 27.01.2014., № 2/41 от 29.01.2014.

ул. Кальварийская, 17.

220004, г. Минск.